

РУТ
ОЗЕКИ

книга
формы
и пустоты

18+

Рут Озеки
Книга формы и пустоты
Серия «Большие романы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68903859

*Книга формы и пустоты:
ISBN 978-5-17-138783-9*

Аннотация

Через год после смерти своего любимого отца-музыканта тринадцатилетний Бенни начинает слышать голоса. Это голоса вещей в его доме – игрушек и душевой лейки, одежды и китайских палочек для еды, жареных ребрышек и листьев увядшего салата. Хотя Бенни не понимает, о чем они говорят, он чувствует их эмоциональный тон. Некоторые звучат приятно, но другие могут выражать недовольство или даже боль.

Когда у его матери Аннабель появляется проблема накопления вещей, голоса становятся громче. Сначала Бенни пытается их игнорировать, но вскоре голоса начинают преследовать его за пределами дома, на улице и в школе, заставляя его, наконец, искать убежища в тишине большой публичной библиотеки, где не только люди, но и вещи стараются соблюдать тишину. Там Бенни открывает для себя странный новый мир. Он влюбляется в очаровательную уличную художницу, которая носит с собой хорька, встречает бездомного философа-поэта,

который побуждает его задавать важные вопросы и находить свой собственный голос среди многих.

И в конце концов он находит говорящую Книгу, которая рассказывает о жизни и учит Бенни прислушиваться к тому, что действительно важно.

Содержание

В самом начале	6
Мальчик	7
Часть первая	10
Книга	10
Бенни	40
Книга	42
Бенни	63
Книга	66
Бенни	103
Книга	109
Бенни	136
Книга	139
Книга	146
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Рут Озеки

Книга формы и пустоты

Ruth Ozeki

THE BOOK OF FORM AND EMPTINESS

© Ruth Ozeki Lounsbury, 2021

© Яковлев А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Посвящается моему отцу,
чей голос до сих пор наставляет меня*

(Pro captu lectoris) habent sua fata libelli.

*В зависимости от способностей читателя
у каждой книги своя судьба.*

**Вальтер Беньямин «Я распаковываю свою
библиотеку»**

В самом начале

Книга должна где-нибудь начинаться. Одна отважная буква должна первой шагнуть в строку, начав собой шеренгу добровольцев, и вдохновить своей смелостью первое слово, за которым потянется предложение. Так постепенно набирается абзац, затем страница, и вот уже на подходе вся книга, она рождается, она обретает и пробует голос.

Книга должна где-нибудь начинаться – и эта книга начинается здесь.

Мальчик

«Тссс... Послушайте!»

Это моя Книга, и она разговаривает с вами. Слышите?

Ничего страшного, если не слышите. Это не ваша вина. Вещи все время разговаривают, нужно просто научиться их слушать, если уши ещё не настроены.

Для начала можно воспользоваться глазами, потому что глаза – это просто. Посмотрите на вещи перед собой. Что вы видите? Судя по всему, книгу, и уже очевидно, что эта книга с вами разговаривает, так что попробуем теперь что-нибудь более сложное. Стул, на котором вы сидите. Карандаш в кармане. Кроссовка на ноге. Все еще не слышите? Тогда встаньте на колени и положите голову на стул или снимите ботинок и поднесите его к уху. Хотя нет, погодите – если вокруг люди, они подумают, что вы сошли с ума, так что потренируйтесь пока с карандашом. Карандаш хранит в себе целые истории, и он безопасен, если только не втыкать его острием себе в ухо. Просто поднесите его к голове и прислушайтесь. Слышите шепот дерева? Призрак сосны? Бормотание свинца?

Иногда голосов бывает несколько. Бывает, от одной вещи исходит целый хор голосов, особенно если это какое-нибудь искусственное изделие, прошедшее через цепочку разных изготовителей. Но не пугайтесь. Думаю, всё зависит от того, что за день был тогда в Гуандуне или Лаосе, или где там

стоит их старая потогонная фабрика. Если денек выдался хороший и если их там посетила приятная мысль в тот самый момент, когда эта, скажем, втулка прокатилась по конвейеру и прошла через их руки, тогда эта добрая мысль и застряла в ее отверстии. Порой это даже не столько мысль, сколько чувство. Приятное тёплое чувство, ну, например, любовь. Такое солнечно-жёлтое.

Но если так случилось, что в шнурках вашей обуви запуталось чувство печали или даже злости, тогда берегитесь, ведь такая обувь может отколоть номер – например, подвести ваши ноги к витрине магазина «Найк», которую вы вдобавок разобьете бейсбольной битой, выточенной из озлобленного дерева. Если такое случится, не вините себя. Просто извинитесь перед витриной, попросите прощения у стекла, но что бы вы ни натворили, не пытайтесь ничего объяснять людям. Полицейского, который вас задержит, не волнуют отвратительные условия труда на фабрике бейсбольных бит. Его не впечатлят истории бензопилы или того крепкого ясеня, которым эта бита была раньше, так что держите рот на замке. Сохраняйте спокойствие. Будьте вежливы. Не забывайте дышать.

Самое главное – не расстраиваться, иначе эти голоса возьмут верх и завладеют вашим разумом. Вещи – они приставучие. Они любят занимать место. Им нужно внимание, и если дать им волю, они могут свести с ума. Так что помните: нужно быть кем-то вроде авиадиспетчера... нет, стоп, луч-

ше дирижером большого духового оркестра, состоящего из всего этого джазового хлама на планете. Так, словно паришь где-нибудь в космическом пространстве, стоя во фраке на этой огромной всемирной мусорной куче, твои волосы зачесаны назад, дирижерская палочка возносится вверх – и вот на какой-то прекрасный краткий миг нетерпеливые голоса столпившихся вокруг тебя вещей стихают в ожидании твоего знака.

Музыка или безумие. Все зависит от вас.

Часть первая

Дом

Всякая страсть граничит с хаосом, но страсть коллекционера граничит с хаосом воспоминаний.

Вальтер Беньямин «Я распаковываю свою библиотеку»

Книга

1

Значит, начнем с голосов.

Когда он начал их слышать? Когда был ещё совсем маленьким? Вообще-то, Бенни всегда был маленьким, он рос медленно, словно клетки его тела не хотели размножаться и занимать место в этом мире. А когда ему исполнилось двенадцать, он вообще практически перестал расти – в том самом году, когда погиб его отец, а мать начала полнеть. Казалось даже, что Бенни потихоньку уменьшается по мере того, как увеличивается Аннабель – как будто она впитывает горе своего маленького сына вместе со своим горем.

Да. Как-то так.

Выходит, голоса и начались примерно тогда, вскоре после гибели Кенни? Он попал под машину – точнее сказать, под грузовик. Кенни Оу был джазовым кларнетистом – правда, его настоящее имя было Кенджи, и мы будем называть его так. Играл он в основном свинг и биг-бэнд¹, на свадьбах и бар-мицвах, а еще в модных хипстерских клубах в центре города, где тусуются бородатые чуваки в порк-паях², клетчатых рубашках и потертых твидовых пиджаках Армии спасения. Так вот, он отыграл концерт, а потом выпил со своими друзьями-музыкантами, а может, курнул, или что-то в этом роде – совсем немного, но достаточно, чтобы не чувствовать необходимости сразу вставать, споткнувшись и упав в переулке по дороге домой. Он лежал недалеко от дома, всего в нескольких метрах от покосившейся калитки, которая вела к заднему крыльцу его дома. Проползи он ещё немного, и все бы обошлось, но он вместо этого просто лежал на спине, в пятне тусклого света от уличного фонаря, у мусорного бака Благотворительного магазина Евангельской миссии. Долгие зимние холода уже отступали, и в переулке висел весенний туман. Кенджи лежал там, глядя на луч света и роившиеся в нем крохотные капельки влаги. Он был пьян. Или под кайфом. Или и то, и другое. Свет был прекрасен. В тот день

¹ Свинг – это разновидность музыки, которую можно играть на любом инструменте или комбинации инструментов (*прим. ред.*). Музыка биг-бэнда – это любая музыка, исполняемая биг-бэндом.

² Шляпа с круглой плоской тульей, похожей на традиционный свиной пирог.

Кенджи поругался с женой. Возможно, он сожалел об этом. Может быть, он мысленно клялся, что исправится. Кто знает, что он там делал? Может быть, он заснул. Будем надеяться, что так. Во всяком случае, он ещё лежал там, когда примерно через час в переулочек с грохотом ворвался грузовик оптовой доставки.

Водитель грузовика не виноват. Дорога в переулке была вся в выбоинах и колдобинах. На ней валялись полупустые мешки с мусором, объедки, промокшие тряпки и обломки бытовой техники, которые оставили там любители рыться в мусорных баках. Тусклым серым ранним утром, в туман, водитель не смог разглядеть во всем этом хламе стройное тело музыканта, которого к тому же успели облепить со всех сторон вороны. Вороны были друзьями Кенджи. Они просто хотели помочь, прикрыть его от холода и сырости, но все же знают, что вороны любят мусор. Стоит ли удивляться, что водитель грузовика принял Кенджи за мешок с отходами? Водитель ненавидел ворон. Вороны приносят несчастье, поэтому он направил грузовик прямо на них. В кузове были ящики с живыми цыплятами для китайской бойни на том конце переулка. Шофер нажал на газ и почувствовал, как машина подскочила, наехав на тело, взлетевшие вороны закрыли ему обзор, и машина, потеряв управление, врезалась в погрузочную площадку типографии «Вечное Счастье Лимитед». Грузовик опрокинулся, и ящики с цыплятами разлетелись в разные стороны.

Окно спальни Бенни выходило на ту самую мусорку, и он проснулся от птичьего гама. Он немного полежал, вслушиваясь. Хлопнула входная дверь. Потом из переулка донесся высокий тонкий крик – разматываясь, как веревка, звук дотянулся до окна и, словно живое щупальце, вцепился в Бенни и потащил его из постели. Бенни подошел к окну, раздвинул занавески и выглянул на улицу. Небо ещё только начинало светлеть. Он увидел опрокинутый набок грузовик: колеса его крутились, а все пространство вокруг него было заполнено летающими перьями и хлопающими крыльями. Хотя выросшие в клетках цыплята вообще-то не умели летать. Они даже не были похожи на птиц. Это были какие-то Трибблы³ – маленькие белые существа, разбегающиеся во тьму. Тонкий крик натянулся, как проволока, привлекая внимание Бенни к его, звука и самого Бенни, источнику, призрачной фигуре, окутанной облачком святящегося тумана – его матери.

Она стояла там в ночной рубашке, одна в круге света от уличного фонаря. Все вокруг нее было в движении, птичьи перья кружились, как снег, но она стояла совершенно неподвижно – как окаменевшая принцесса, подумал Бенни. Она смотрела вниз, на что-то, лежащее на земле, и через мгновение он понял, что это что-то – его отец. Из окна спальни Бенни не видел его лица, но он узнал его ноги, они были согнуты и дергались так же, как когда Кенджи танцевал, только в этот раз он лежал на боку.

³ Вымышленный инопланетный вид по вселенной «Звездного пути».

Мать сделала шаг вперёд и с криком «Не-е-ет!» рухнула на колени. Её густые золотистые волосы, ярко сиявшие в свете фонаря, рассыпались по плечам и заслонили голову мужа. Склонившись над ним, она пыталась приподнять его и причитала: «Нет, Кенджи, нет, нет, пожалуйста, прости, я не хотела...»

Слышал ли он её? Если бы он в этот момент открыл глаза, то увидел бы прекрасное лицо своей жены, нависшее над ним, как бледная луна. Может быть, он это увидел. Он увидел бы ворон, которые сидели на крышах и качающихся проводах и наблюдали за происходящим. А посмотрев через плечо жены, Кенджи, наверное, увидел бы и своего сына, глядевшего на него из далекого окна. Будем считать, что он все это увидел, потому что тут его ноги перестали дергаться и замерли. И если Аннабель в тот момент была его луной, то Бенни был далекой звездой, ярко сиявшей на бледном рассветном небе, и, увидев сына, он попытался приподнять руку и пошевелить пальцами.

Словно рукой мне помахал, думал Бенни впоследствии. Словно рукой помахал на прощание.

Кенджи умер по дороге в больницу, и похороны должны были состояться на следующей неделе. Все приготовления пришлось делать Аннабель, хоть она и не сильна была в таких вопросах. У Кенджи было много друзей, но к себе домой они с Аннабель никого не приглашали. У неё самой друзей

практически не было.

Служащий в погребальной конторе задал ей много вопросов о семье и религиозной вере покойного, но она не смогла на них ответить. Насколько ей было известно, у Кенджи не было семьи. Он родился в Хиросиме, но его родители умерли, когда он был ещё маленьким. Его сестрёнку, в то время совсем малышку, отправили жить к дяде с тетей, а Кенджи рос у дедушки с бабушкой в Киото. Он не любил рассказывать о своём детстве. Говорил только, что дедушка и бабушка были очень старомодными и строгими и он с ними не ладил. Но теперь их, конечно, уже не было в живых. Сестра, вероятно, была жива, но Кенджи давно потерял ее из виду. В самом начале совместной жизни Аннабель пробовала расспрашивать мужа о его родне, но он в ответ погладил ее по щеке и сказал, что она – его единственная семья и другой ему не нужно.

Что касается религии, она знала, что его дедушка и бабушка были буддистами, и как-то раз Кенджи упомянул, что жил в буддистском монастыре, когда учился в колледже. Она помнила, как он при этом смеялся: «Потешно, правда? Я – и вдруг монах!» И она тогда тоже засмеялась, потому что ничего монашеского в нем не было. Он говорил, что ему не нужна религия, потому что у него есть джаз. Единственной его вещью, имевшей отношение к религии, были молитвенные четки, которые он иногда носил на запястье. Красивые четки, но она никогда не видела, чтобы Кенджи использовал

их по назначению. Учитывая его буддистские корни, наверное, было бы неправильно, чтобы на его похоронах распоряжался христианский священник, и на расспросы служащего Аннабель ответила, что у Кенджи не было ни семьи, ни религии, и никакого обряда не нужно. Служитель, кажется, был разочарован.

– А с вашей стороны? – спросил он участливо и, видя ее колебания, добавил: – В такие времена, как наши, быть с семьей – это благо...

Перед Аннабель промелькнули смутные воспоминания. Сморщенное тело матери на больничной койке. Темный силуэт отчима, маячивший в дверях ее комнаты. Она отрицательно покачала головой.

– Нет, – отрезала она. – Я же сказала, не было у него семьи. Неужели это так трудно понять? И она, и Кенджи были одиноки в этом мире, и именно это объединяло их до появления на свет Бенни.

Сотрудник похоронного бюро взглянул на часы и продолжил беседу. Как она относится к прощанию? Видя затруднения Аннабель, он пояснил. Прощание с тщательно отреставрированными останками близкого человека помогает исцелению душевной травмы, которую наносит присутствие при несчастном случае. Это облегчает болезненные воспоминания и помогает принять реальность физической смерти. Комната для прощания уютна и обставлена со вкусом. Похоронное бюро будет радо предоставить своим го-

стям прохладительные напитки, богатый выбор чаев с широким ассортиментом вкусных ароматных сливок и... может быть, немного печенья?

Печеньки? Аннабель едва сдержала улыбку. Ей захотелось запомнить этот момент, чтобы потом пересказать Кенджи – его больше всего веселили именно такие абсурдные ситуации – но чтобы не задерживать сотрудника бюро, она поспешно согласилась: печеньки так печеньки. Служащий сделал пометку и спросил, какими будут ее пожелания относительно способа захоронения останков ее спутника жизни. Сидя на краю мягкой кушетки и слыша собственные ответы «да» на кремацию и «нет» на захоронение на кладбище или полке в колумбарии, она вдруг поняла, что не сможет рассказать Кенджи о вкусных ароматных сливках и печеньках, потому что Кенджи *мертв*. За этой мыслью тут же хлынули другие: что покойник, захоронение которого они тут обсуждали, – это был *Кенджи*, а останки – то, что осталось от Кенджи, его тела, которое она так хорошо знала и любила, и могла, закрыв глаза, отчётливо представить: мускулистые плечи, смуглая гладкая кожа, изгиб обнажённой спины.

Аннабель, извинившись, попросила разрешения воспользоваться туалетом. Конечно, вот сюда, пожалуйста. Пройдя по устланному ковром коридору, она закрыла за собой дверь. В туалете в каждой розетке, источая ароматы, торчали освежители воздуха. Аннабель упала на колени перед унитазом, и ее вырвало в ярко-синюю дезинфицированную воду.

Итак, тело Кенджи положили в открытом гробу в помещении типа приемной в погребальной конторе. Когда Бенни с Аннабель приехали на церемонию прощания, распорядитель похорон провел их туда и деликатно отступил назад, чтобы не мешать. Аннабель глубоко вздохнула, ухватила сына за локоть и двинулась к гробу. Бенни никогда раньше не ходил с матерью так, чтобы она держалась за его руку, словно ища опоры. Он почувствовал себя каким-то поручнем или парашютом. Неловко напрягшись, он поддержал ее и повел вперед, и так они и встали бок о бок у самого гроба.

Кенджи и при жизни был некрупным мужчиной, а теперь стал ещё меньше. На нем был голубой клубный пиджак в полоску, который выбрала для него Аннабель и который он надевал с черными джинсами, играя на летних свадьбах, не хватало только порк-пая. Поперек груди его лежал кларнет. Аннабель испустила ещё один вздох, тихий, протяжный и прерывистый.

– Хорошо выглядит, – прошептала она. – Как будто просто спит. И гроб красивый.

Бенни ничего не ответил, и она потянула его за руку:

– Правда же?

– Да, вроде бы, – сказал Бенни. Он внимательно посмотрел на тело, лежавшее перед ним в вычурном гробу. Глаза у тела были закрыты, но для спящего лицо было каким-то недостаточно живым. Оно было недостаточно живым даже

для умершего. Оно выглядело так, будто живым никогда и не было. Кто-то замазал на нём синяки косметикой, но его отцу никогда бы не пришлось в голову краситься. Кто-то расчесал его длинные черные волосы и рассыпал их по атласной подушке. Но Кенджи ходил с распущенными волосами только дома, когда отдыхал, а на людях он всегда собирал их в толстый черный пучок на затылке. Все эти детали убедили Бенни, что лежащее в гробу – не его отец.

– Ты и кларнет его хочешь сжечь?

Они сели у стены на жесткие складные стулья и стали ждать. Пришла их квартирная хозяйка, старенькая миссис Вонг. Две коллеги Аннабель. Музыканты-коллеги Кенджи и его друзья по клубной сцене. Музыканты остановились в дверях с таким видом, словно уже хотели уйти, но распорядитель похорон погнал их дальше, и они, нервничая, подошли к гробу. Некоторые застыли на месте, глядя на труп. Другие разговаривали с ним, отпускали шуточки вроде «серьезно, чувак, фургон с курами?». Аннабель притворялась, что не слышит. Потом, заметив стол с закусками, они поспешили туда, задержавшись лишь, чтобы неловко посочувствовать Аннабель и быстро обнять и погладить по голове Бенни. Аннабель была с ними любезна. Как-никак это были друзья её мужа. Бенни уже исполнилось двенадцать, и он терпеть не мог поглаживания, а объятия вообще ненавидел. Кто-то из музыкантов по-дружески ткнул его кулаком в плечо. Против этого Бенни не возражал.

Наверное, именно лежащий в гробу кларнет навел кого-то на эту идею. По мере того как люди подходили, музыкальных инструментов становилось больше, а потом несколько человек из ансамбля устроились в углу комнаты и начали играть. Мягкий джаз, ничего вызывающего. Подошли ещё люди. Когда на столе рядом с закусками и сливками появилась бутылка виски, распорядитель похорон, кажется, хотел возразить, но трубач отвел его в сторонку и поговорил с ним. После чего тот удалился, и оркестр продолжил играть.

Кенджи водился с ребятами, которые знали толк в культурных мероприятиях, так что, когда настала пора везти тело их покойного друга в крематорий, музыканты отпустили катафалк и взяли дело в свои руки в самом буквальном смысле. Аннабель пошла с ними. Гроб был тяжелым, но сам Кенджи весил мало, так что они, подменяя друг друга, смогли пронести его на плечах, в ново-орлеанском стиле⁴, всю дорогу, по узким переулкам и темным, скользким от дождя улицам. Аннабель и Бенни шли следом. Кто-то провел их в начало процессии, сразу за гробом, и вручил Бенни ярко-красный зонтик, который он с гордостью держал над головой матери, как флаг или вымпел, пока его рука не одеревенела так, что казалось, вот-вот сломается.

Была весна, и дождь сбивал бледно-розовые лепестки с

⁴ Похороны, особенно музыкантов, в Новом Орлеане в начале XX века включали в себя шествия с исполнением джазовой музыки, иногда довольно веселой. Гроб при этом часто несли на руках.

цветущих слив, и мокрый тротуар был усыпан и облеплен ими. Над головой кружили и кричали чайки, поднимаясь в воздушных потоках все выше и выше. С высоты их полета красный зонтик далеко внизу должен был казаться красноватым глазом огромной змеи, неторопливо извивавшейся по мокрому городу. Вороны держались пониже и следили за процессией более внимательно, перелетая с ветки на ветку, садясь на уличные фонари и электропровода. К этому времени оркестр играл уже почти в полном составе; скорбящие шагали под проливным дождем, музыканты исполняли поминальные мелодии, по очереди прикладываясь к бутылкам в коричневых пакетах, а следом за процессией, как потревоженный ветром мусор, кружились проститутки и наркоманы.

В помещении крематория не хватало места для всех присутствующих, но дождь кончился, поэтому музыканты остались на улице и продолжали играть. Аннабель и Бенни шли за гробом до самого входа, но когда дверь открылась, Бенни заупрямился. Он уже слышал про печь. Даже если то, что лежало в ящике, и не было его отцом, он не хотел смотреть, как это бросят в огонь и сожгут как полено или поджарят как кусок мяса. Поэтому он заявил, что останется на улице вместе с трубачом, который сказал на это: «Ништяк». Аннабель на какой-то момент растерялась, но потом приняла решение. Взяв руками гладкое круглое лицо сына, она быстро поцеловала его, сказала трубачу: «Не спускайте с него глаз», – и

скрылась за дверью.

С панихидных мелодий оркестр перешёл на репертуар Бенни Гудмена. Кенджи больше всего любил Гудмена. Они сыграли «Body and Soul» и «Life Goes to a Party». Потом они сыграли «I'm a Ding Dong Daddy», и «China Boy», и «The Man I Love», и все это время Бенни представлял себе пламя печи, и сердце его бешено колотилось. Когда подошла очередь соло на кларнете в «Sometimes I'm Happy», духовые умолкли, и только барабанщик негромко отбивал ритм щёткой, подчеркивая молчание кларнета. Это была партия Кенджи, и казалось, что его призрачная импровизация все же доносится откуда-то из тумана. А может быть, Бенни действительно слышал ее. Он внимательно вслушивался, а в тот момент, когда минута молчания закончилась и вновь вступил оркестр, Бенни потихоньку ушел. Как и его отец, он был сухощавым. Худенький парнишка, как пескарь, проскользнул между музыкантами, которые к тому времени были уже изрядно навеселе и ничего не заметили. Бенни видел, куда ушла мать. Когда тяжелая дверь закрылась за ним, с улицы ещё доносилась музыка, но он теперь прислушивался к чему-то другому.

«Бенни?»

Голос доносился откуда-то из глубины здания, и Бенни пошёл туда. Чем дальше он шел по полутемному коридору, тем громче становился шум вентиляции. Вскоре он оказался в какой-то приемной с кушеткой и низкими мягкими стульями.

ми. На столике у стены стояла ваза с белыми пластиковыми лилиями, рядом с ней – коробка бумажных салфеток. Широкое панорамное окно выходило на ретортную печь, и хотя Бенни не знал, как она называется, он понимал, что происходит внутри, по другую сторону стекла. Он увидел там свою мать. Она держала отцовский кларнет, и в ее руках он выглядел странно и неуместно, потому что она не умела играть. Рядом с ней стоял вычурный гроб. Он был пуст. Куда подевалось тело? Мать была одна, не считая сотрудника крематория. Они стояли по разные стороны длинной и тонкой картонной коробки, такой невзрачной, что Бенни даже не замечал ее, пока вновь не услышал голос.

«Бенни?..»

Папа?

Это был голос его отца. Бенни едва слышал его из-за шума вентиляции, но понял, что он доносится из картонной коробки. Он встал на цыпочки, пытаясь заглянуть внутрь.

«Ох, Бенни...»

Голос отца был печальным, он словно бы хотел сказать что-то, но теперь было уже поздно; и действительно, в этот момент Аннабель кивнула и отвернулась, а служащий закрыл коробку крышкой.

– Мама! – закричал Бенни, стуча ладонями по стеклу. – Мама!

Словно по собственной воле, коробка начала двигаться.

– Нет! – крикнул Бенни, но стекло было толстым, а венти-

ляция громко шумела, и коробка продолжала двигаться по короткому пандусу к печи, заслонка которой открылась ей навстречу. Он увидел огненное жерло с языками пламени, услышал басовитый рев огня и воздушной тяги, к которым примешивалась одинокая трель тромбона с улицы. «Don't Be That Way». Они играли «Don't Be That Way».

– Нет! Нет! – кричал Бенни и стал стучать по стеклу кулаками.

Тогда Аннабель подняла глаза. Она сжимала в руках кларнет Кенджи, лицо ее было белым как пепел, и по нему струились слезы. Увидев сына за стеклом, она протянула к нему руки, и ее губы беззвучно произнесли его имя.

«Бенни!..»

Коробка за ее спиной скользнула в жерло печи, и заслонка закрылась.

К тому времени, когда они вышли из крематория, Бенни уже успокоился. Большинство музыкантов собрали вещи и разошлись по домам, только двое парней ещё бродили по мемориальному саду. Трубач, прислонившись спиной к стене, играл печальную версию «Smoke Gets into Your Eyes». Из высокой трубы крематория струился вверх прозрачный жаркий поток.

Их подвезли до дома, и Бенни сразу же лег спать и проспал до утра. Когда он наконец проснулся, Аннабель сказала ему не ходить в школу и разрешила до самого обеда играть

в компьютер. После обеда они опять поехали в погребальную контору, за прахом Кенджи. Ехали на автобусе, долго и нудно. Пепел был упакован в пластиковый мешок, а тот лежал в пластмассовой коробке, которую уложили в обычный коричневый хозяйственный пакет. Бенни отказался держать этот пакет в автобусе, хотя никому из пассажиров и в голову бы не пришло, что в этом пакете человеческие останки. Когда они шли домой от автобусной остановки, в переулке собрались вороны, они садились на ворота и крышу их дома. Когда-то Кенджи соорудил для них на заднем крыльце кормушку из найденной на мусорке старой подставки для телевизора. Когда Аннабель отпирала дверь черного хода, она заметила, что кормушка пуста, и решила покормить ворон. Положив пакет с прахом мужа на кухонный стол, она вынула противень и включила духовку на разогрев.

– Рыбные палочки или куриные наггетсы?

– Все равно.

Нужно его чем-нибудь занять, подумала Аннабель. Каким-нибудь делом.

– Родной, покормишь папиных ворон?

Она сняла с дверной ручки и вручила ему пакет черствых юэбинов⁵, которых Кенджи набрал в мусорных баках китайской пекарни. Теперь ей, среди прочих свалившихся на неё обязанностей, нужно будет регулярно собирать эти черствые пряники.

⁵ Китайские пряники в форме полной луны.

Бенни вышел с пакетом на крыльцо и через некоторое время вернулся.

– Вот, – сказал он и протянул матери крышку от бутылки, створку ракушки и потускневшую золотую пуговицу. Она подставила ладонь, и он вручил ей все это добро.

– Очень странно, – сказала Аннабель, рассматривая пуговицу. – Я слышала, что вороны иногда оставляют подарки... Как ты думаешь...

Она хотела поделиться с сыном мыслью, которая вдруг пришла ей в голову, но так же внезапно оборвала себя.

– Что? – спросил Бенни.

– Так, ничего. – Она взяла с полки небольшую чашку и аккуратно сложила туда все эти предметы. – Не уберешь со стола, дорогой?

На столе все еще лежал хозяйственный пакет с пеплом. Бенни перевел на него взгляд. Пакет как пакет, словно продукты из гастронома принесли.

– Ты собираешься оставить это здесь?

– Я подумала, что мы подыщем для него подходящее место после ужина. – Она открыла морозильник и достала оттуда куриные наггетсы. – Знаешь, как в Японии делают? Кладут пепел на маленькие домашние буддийские алтари.

– У нас нет алтаря.

– Можно сделать, – сказала Аннабель, раскладывая наггетсы на противне. – На какой-нибудь из книжных полок. Можно поставить туда папины любимые вещи, например,

кларнет, чтобы они были с ним в следующей жизни. Налей себе молока и поставь тарелки.

Она поставила противень в духовку и закрыла дверцу.

– Он будет что, типа зомби?

– Нет, дорогуша, – рассмеялась Аннабель. – Твой папа не зомби. Загробная жизнь – это то, во что верят буддисты. Это когда твоя душа воскресает и возвращается к жизни в другом теле.

– Он станет другим человеком?

– Не обязательно человеком. Может быть, животным. Например, вороной...

– Чудно как-то, – сказал Бенни, подходя к ящику со столовыми приборами. – Но мы же все равно не буддисты. Мы – никто.

Подергав старый ящик, он рывком открыл его.

– А ты хочешь стать кем-то? – взглянув на него, спросила Аннабель.

– В каком смысле?

– Ну, в этом. Буддистом или ещё кем-нибудь. Может быть, христианином?

– Нет. – Бенни достал из ящика вилки и свою личную ложку и положил их на стол, держать подальше от пакета с прахом. Затем взял из кухонного шкафа стакан и пошел к холодильнику.

– Твой папа был буддистом, – сказала Аннабель. – Может быть, он им и остался.

– Сейчас?

– Конечно. Почему бы нет?

Задумавшись над этим, Бенни застыл у холодильника, глядя на набор кухонных магнитиков. Потом передвинул некоторые из них. Это были стихотворные магнетики, смысл состоял в том, чтобы переставлять их и создавать строчки с разным значением. Когда-то давно Аннабель купила их в благотворительном магазине, чтобы помочь Кенджи освоить английский язык, и он до сих пор сочинял для нее стихи всякий раз, когда ему это приходило в голову, и Бенни иногда тоже сочинял. Некоторые слова из набора успели потеряться, но Аннабель говорила, что это не страшно, потому что для стихотворения не нужно много слов.

– Нет, – сказал наконец Бенни. – Он сейчас никто. Просто мертвый.

В день своей гибели, перед тем как уйти в клуб, Кенджи составил очередное стихотворение. Оно так и осталось на холодильнике, среди роя слов.

– Это так, – ответила Аннабель. – Но мы же точно не знаем, что это такое. Быть мертвым.

Бенни соединил несколько слов в новую строчку.

– Нет, знаем. Это значит, что он не живой.

Аннабель в этот момент, открыв духовку, переворачивала наггетсы, но сын отвечал так категорично, что она обернулась.

– Ай, Бенни, не трогай! – Аннабель уронила металличе-

скую лопатку, и дверца духовки захлопнулась, а мать бросилась к холодильнику и оттолкнула Бенни в сторону. – Верни все на место! Надо снова сделать как было! Сюда «женщина», сюда «симфония», а еще было какое-то прилагательное! Какое? Я не помню! Как я могла забыть! А, Бенни, ты помнишь?

Она повернулась к нему с мольбой во взгляде, но он попятился прочь. Он не думал разбирать отцовское стихотворение. Просто магнетикам нужно было двигаться, чтобы складываться в новые стихотворения, и Бенни хотел им помочь. Он открыл рот, чтобы объяснить это, но не смог выговорить ни слова. Видя потрясение сына, Аннабель смутилась и протянула к нему руки.

– Ох, родной, прости меня. Иди сюда. – Она прижала Бенни к себе. Он ощущал вес ее рук на своих плечах, тяжесть ее груди.

– Я не хотел...

– Знаю, Бенни, – сказала она, прижав его ещё крепче. – Не волнуйся, ты не виноват. Все хорошо, не плачь, все у нас наладится...

Он не плакал, это она плакала. Отпустив его, наконец, она вытерла лицо краем футболки, потом они поужинали. Позже, в тот же вечер, они восстановили стихотворение Кенджи, но с тех пор Бенни не трогал магнетики и не составлял из них новых строк, и какое-то время созвездие слов оставалось неподвижным.

моя изобильная женщина мать богиня любовь
мы симфония вместе
я без ума от тебя

2

В то лето, первое после смерти Кенджи, Бенни много спал и казался подавленным больше обычного, но он не испытывал желания говорить о своих чувствах, хотя мать порой и вызывала его на такой разговор. Иногда, уже на грани сна, ему слышался голос отца, который звал и будил его, но поскольку этим дело и ограничивалось, Бенни никому об этом не рассказывал.

Осенью, когда он пошел в седьмой, классная руководительница пожаловалась, что у Бенни появились проблемы с концентрацией внимания, но школьный психолог за него вступилась. Она запланировала себе регулярные беседы с Бенни и высказала предположение, что его затруднения – обычные последствия пережитого горя. Скорбь, сказала она, носит индивидуальный характер и проявляется по-разному. Аннабель согласилась с ней и почувствовала облегчение, когда психолог сказала, что вопрос о медикаментозном лечении не стоит, если только проблемы не усилятся.

Бенни никогда не пользовался особой популярностью в

школе, но друзья у него всегда были – какие-то странные мальчишки с пустыми бегающими глазками, нематыми волосами и мамами, которые не вызывали доверия у Аннабель. Их приводил домой из школы Кенджи, он давал им что-нибудь перекусить и отправлял играть во двор. Там она и видела их, когда приходила домой с работы.

Аннабель очень боялась, что ее сына будут дразнить за его наполовину азиатское происхождение. Слыша, как они спрашивают у Бенни: «Это что, правда твоя мама?» – она едва сдерживалась, чтобы не заорать: «Да, я действительно его мать!» – но Бенни всегда просто и невозмутимо отвечал «да». Их игры вызывали у нее еще большее беспокойство. Всякий раз это были игры типа: «Давай я буду ковбой, а ты индеец, ты попытаешься снять с меня скальп, а я тебя пристрелю». Или потом, когда они немного подросли: «Давай, я морпех-разведчик США, а ты ультранационалистический исламский террорист, ты попытаешься меня взорвать, а потом я тебя уничтожу». Ей казалось, что сыну всегда достается роль того, кого непременно пристрелят или уничтожат, но когда она попыталась поговорить об этом с мужем, тот только рассмеялся.

– Это же мальчишки, – сказал он. – Я прослежу, чтобы никто не был уничтожен.

И действительно, все как-то обходилось. Правда, после смерти Кенджи мальчишки перестали приходить. Когда Аннабель заговорила об этом с сыном, он пожал плечами:

– Да они мне все равно не нравились. Придурки.

Похоже, он не испытывал из-за этого беспокойства и не ощущал одиночества, и Аннабель почувствовала облегчение. Не считая постоянной неопределенности с ее работой, они были, можно сказать, благополучной семьей.

А вот работа вызывала беспокойство. Когда они с Кенджи познакомились, Аннабель только начала учиться на библиотекаря и была на первом курсе. Она с детства мечтала стать библиотекарем. Аннабель была единственным ребенком в семье, и книги стали ее лучшими друзьями, а Публичная библиотека – любимым прибежищем. Мать не любила читать, отчим пил, а библиотекари всегда добры и приветливы. Когда ее приняли на библиотечный факультет, Аннабель была просто счастлива. Но потом она забеременела, и когда на свет появился Бенни, поняла, что на деньги, которые Кенджи зарабатывает своими концертами, прожить будет трудно, поэтому она бросила колледж и устроилась на работу в местное отделение национального агентства по мониторингу СМИ, где так с тех пор и работала. Она была читчиком в отделе печати. Ее работа заключалась в том, чтобы быстро прочитывать кипы газет, выходивших в городе и штате. Их доставляли в офис каждое утро, и из них нужно было вырезать статьи на темы, интересующие клиентов. Клиентами агентства были корпорации, политические партии и другие организации со своими интересами, так что статьи были в

основном о местной политике и промышленности, лесном хозяйстве, рыболовстве, добыче нефти, угля, газа и прочих ресурсов, об экологических проблемах, контроле над вооружением, а также о государственных и муниципальных выборах. В том же офисе работали ребята, мониторившие телевидение, радио и онлайн-СМИ, но общаться с ними было не очень интересно. Что делало работу приятной, так это ее коллеги, как их называли, «леди-ножницы».

Когда она начинала работать в Отделе печати, их было четверо. Они так умело орудовали своими ножами, ножницами, металлическими линейками и ковриками для резки, все такие бойкие, что ей даже стало страшно, но коллеги приняли ее хорошо, и Аннабель быстро освоилась. Они сидели теплой компанией за одним большим столом, болтая, вырезая статьи и делясь интересными историями, но их команда потихоньку сокращалась. Предпоследней ушла чернокожая старушка, на пенсию, после неё – женщина средних лет из Пакистана, в совершенстве владевшая английским, она получила сертификат преподавателя ESL⁶. Аннабель по ним скучала. Они по-доброму к ней относились. Когда Кенджи погиб, местные газеты писали об этой истории обидные вещи, смакуя всякие подробности о кричащих цыплятах, летающих перьях и наркотиках, но Аннабель заметила, что «леди-ножницы» быстро вырезали и прятали от нее эти статьи, позволив ей нести свое горе с достоинством.

⁶ Английский как неродной язык.

Вспоминая доброту бывших коллег, Аннабель ещё сильнее жалела об их уходе, но времена менялись, и расцвет интернет-новостей означал, что Отдел печати доживает последние дни. Видеомагнитофоны и кассеты давным-давно пошли в утиль, озвучивание радио и телевидения теперь производилось компьютерами и цифровым оборудованием. Стеллажи, на которых когда-то хранилась аппаратура, собирали пыль пустыми полками и напоминали скелеты ископаемых животных. Из коллег остались только мужчины с переносимыми⁷ навыками, те же самые парни, которые когда-то от скуки рассеянно пялились на ее грудь. Аннабель с юности была пышногрудой красавицей в стиле ушедшей эпохи; ее вполне можно было представить эротично растрепанной, в халатике и корсаже, или какой-нибудь молочницей с ведрами. Правда, все это было до того, как умер Кенджи, а она начала толстеть. Теперь коллеги понимали, что дни ее сочтены, и прятали глаза за мониторами, скрывая жалость к ее незавидному положению. Одетая в мешковатые брюки с высокой талией и просторную толстовку, Аннабель одиноко и царственно сидела с ножницами в руке за длинным рабочим столом, в окружении газетных стопок и компании пустых табуретов. Она была последней из «леди-ножниц», живым памятником ушедшей эпохи.

Никто не удивился, когда из штаб-квартиры корпорации пришло электронное письмо с сообщением о реорганизации

⁷ Навыки, которые можно использовать при переходе на другую работу.

агентства. Все региональные офисы, и их в том числе, закрывались; к счастью, говорилось далее в письме, это не приведет к дальнейшему сокращению рабочих мест. Вместо этого агентство обещало оснастить сотрудников оборудованием и широкополосным доступом в Интернет для работы дома. Коллеги Аннабель бурно выражали восторг. Им нравилась идея бесплатного широкополосного доступа на дому. Им нравилась перспектива не ездить на работу, а выбираться из постели и работать в нижнем белье. Но Аннабель не знала что и думать. В письме из штаб-квартиры ничего не говорилось об Отделе печати, и она, последняя из «леди-ножниц», приготовилась к худшему.

Страх наваливался, как ненастье. Боясь, что ее опасения подтвердятся, Аннабель ждала, не пытаясь заговаривать с начальником и делая вид, что разделяет энтузиазм своих коллег. Она старалась настроиться на позитив. Может быть, ей арендуют рабочее место в каком-нибудь маленьком офисе. Вот было бы здорово! Или, если они все-таки уходят от работы с печатной продукцией, можно попросить, чтобы ее переучили на компьютеры. Хотя этот вариант казался маловероятным: агентство было печально известно своей сексистской позицией, а кроме того, сама Аннабель была скорее «аналоговым человеком». А может быть, увольнение — это именно то, что ей нужно? Может быть, Вселенная дает ей знак, освобождая место для новой работы, какой-нибудь более творческой и полезной?

Через четыре дня тревожного ожидания Аннабель получила сообщение от своего начальника, где говорилось, что газеты, с которыми она работала, будут доставлять ей на дом, а завтра привезут и установят компьютер, модем и высокоскоростной сканер.

В тот же день Аннабель попрощалась с коллегами и отправилась домой, чтобы приготовить помещение. Их квартира занимала половину небольшого старого двухэтажного дома: внизу – кухня-столовая, гостиная и кладовка, а наверху – две спальни и ванная. Единственной комнатой, пригодной для устройства рабочего места, была гостиная. В свое время Кенджи соорудил здесь вдоль стен полки, где хранил свои инструменты, аудиоаппаратуру и виниловые пластинки. Кроме того, на полках нашли пристанище книги Аннабель, принадлежности для рукоделия и коллекции всякой всячины – старинные оловянные игрушки и кусочки фарфоровых кукол, старинные флаконы из-под лекарств и старые сувенирные открытки с чужих праздников; туда же в конце концов отправился и прах самого Кенджи. Аннабель так и не удосужилась сделать настоящий буддийский алтарь, поэтому пепел обосновался на полке, возле обувной коробки с неразобранными фотографиями. Все лето она собиралась развеять где-нибудь прах мужа, хотела сделать из этого некую церемонию с участием Бенни, но прошло несколько месяцев, а они так и не выкроили на это времени. Да и у кого сейчас есть время на церемонии? Она теперь вдова и одинокая мать, ко-

торой нужно растить маленького сына. Аннабель перенесла коробку с пеплом наверх, в свою спальню, и положила ее на верхнюю полку шкафа, подальше. Может быть, когда все наладится, они смогут придумать что-нибудь подходящее, например, арендовать лодку и выйти в море. Может быть, когда-нибудь они даже смогут съездить в Японию и развеять пепел там.

Свои коллекции и книги она перенесла наверх, в спальню, игрушки расставила на подоконнике, а книги сложила стопками у стен, до той поры, пока не купит для них новые полки. Принадлежности для рукоделия отправились в ванную – опять-таки временно, пока не найдется подходящее место. Утирая пот со лба, Аннабель вернулась в гостиную и посмотрела на оставшиеся вещи. Нужно было придумать, куда деть вещи Кенджи. Но инструменты были его самым дорогим имуществом и могли когда-нибудь понадобиться Бенни. Среди пластинок было несколько раритетных и, вероятно, дорогих, но чтобы продать их, нужно найти оценщика. Единственное, что остается, решила Аннабель, упаковать это все в коробки и перенести в шкаф Кенджи.

Она решительно поднялась в спальню. Она не заглядывала в шкаф мужа с той самой ночи, когда выбирала одежду для его похорон. Собравшись с духом, она открыла дверцу. Висевшие аккуратным рядком фланелевые рубашки, проснувшись от движения воздуха, приветствовали ее робким взмахом рукавов, но все внимание Аннабель сразу же

приковал запах – запах Кенджи, острый и соленый, как ветер с океана. Он застал ее врасплох. Закрыв глаза, она наклонилась, чтобы запах окутал ее, нежась и согреваясь на ее коже. Она вдохнула – до предела, сколько поместилось в легкие – а потом выдохнула все разом, с долгим прерывистым стоном. Не открывая глаз, она запустила руки в ряд висящей одежды и обхватила кучу рубашек толщиной с человеческий торс. Вытащив охапку одежды из шкафа, Аннабель бросила ее на кровать, потом добавила туда куртки, затем футболки, потом свитеры, пока шкаф не опустел, а все его содержимое не очутилось на кровати. Раскрасневшись от работы, она присела на край матраса. Она собиралась лишь несколько секунд передохнуть, но вместо этого вдруг повалилась спиной на груду одежды, зарывшись в мягкие, как суглинок, поношенные рубашки мужа, его выцветшие джинсы и потертые пиджаки..

По материалу ткани разливалось странное тепло, словно хозяин еще жил в нем, и Аннабель зарылась глубже, прижимаясь лицом к воротникам, карманам и рукавам, вдыхая запах дыма и виски – стойкие ароматы ночного клуба, которые напомнили ей, как он в первый раз положил руки ей на плечи, повернул к себе, и они поцеловались. Она задрожала от этого воспоминания. Ощущать кожей колючую шерсть и мягкую фланель было приятно, но ей хотелось большего. Аннабель села и стянула через голову толстовку, но, вставая, чтобы снять спортивные штаны, случайно взглянула в зеркало на задней стороне дверки. На несколько секунд она за-

стыла, глядя на свое отражение: большое бледное тело с тяжелыми складками плоти, торчащими из-под нижнего белья, затем отвела взгляд. Взгляд остановился на угловатых красных цифрах электронных часов возле кровати. Было уже почти три часа, пора идти за сыном в школу. Бенни терпеть не мог, когда она опаздывала. Аннабель медленно натянула толстовку обратно, а затем вновь уселась на краешек заваленной вещами кровати и потерела рукав зеленой фланелевой рубашки, который лег ей манжетой на колено. Это была любимая рубашка Кенджи, в красивую клеточку неяркого цвета, с желтыми и синими полосками. Из нее можно сделать чудесное лоскутное одеяло, подумала она. Люди же так делают – шьют из одежды ушедших близких лоскутные одеяла на память. Это была действительно прекрасная мысль: дать старой одежде новую жизнь, а себе – возможность укутаться в воспоминания.

Бенни

Погоди-ка, ты что же, не будешь рассказывать, как они познакомились? Я не хочу мешать тебе или там учить, как надо работать, но ты же пропускаешь все хорошие, счастливые моменты, а если ты о них не расскажешь, читатели не узнают, как нормально все было вначале и как мама с папой любили друг друга, ведь именно поэтому ей потом стало так хреново. Подумают: а, эта Аннабель – просто большая старая неудачница – но это же неправда.

Да в общем, и мне самому тоже интересно. Ещё когда папа был жив, они иногда при мне вспоминали, какой у них был крутой роман, но что-то недоговаривали, ну, там, говорили, что папа влюбился в маму с первого взгляда, и она была такая красивая, а он такой добрый, и что они были созданы друг для друга, и все такое. Но я чувствовал, что они о чем-то умалчивают. Иногда, когда они глядели друг на друга, у них в глазах прямо искрились эти тайны, о которых им не хотелось говорить при ребенке, и тогда они улыбались и отводили взгляд или вдруг меняли тему. Я не обижался. Хорошо, когда у людей есть секреты, которые приносят им счастье. Но когда папа умер, мама стала несчастной, и эти тайны перестали искриться, а если все дело в этом, то уже нет смысла держать их в секрете, правда? Само собой, есть вещи, которые ребенку не следует знать о своих родителях, но

что-то ведь можно и рассказать.

А, стоп, мне вот сейчас пришло в голову: может, ты просто ничего не знаешь про их секреты? Я-то думал, что книги знают все, но может, ты глупая книга или ленивая, из тех, что начинаются с середины, потому что не знают, с чего начать рассказ, а разбираться им лень. Я угадал? Ты тоже такая? Ну, если так, то может, тебе лучше пойти поискать какого-нибудь другого ребенка и рассказать о нем. Какого-нибудь милого нормального ребенка с широким кругом общения, который не умеет слышать или не хочет слушать. Таких детей полно, так что, пожалуйста, не стесняйся. Выбор за тобой.

Понимаешь, у меня-то выбора нет. Если ты – книга про меня, приходится быть внимательным. Либо так, либо снова спятить, а моя работа сейчас заключается в том, чтобы этого не допустить. Поэтому все, что я предлагаю – чтобы ты делала свою работу, а я буду делать свою. Начни сначала. Расскажи читателям, как мои родители познакомились. Начни с самого начала.

Книга

Истории никогда не рассказывают с самого начала, Бени. В этом отношении они отличаются от жизни. Жизнь проживают с рождения до смерти, с начала до непознаваемого будущего. А истории рассказывают, как говорится, задним числом. История – это жизнь, прожитая задом наперед.

3

Познакомились они осенью 2000 года в джаз-клубе. Аннабель в то время училась на библиотекаря и встречалась с саксофонистом, который считал, что библиотекарьши – «секси»; во всяком случае, так он ей говорил, ну, а у нее была слабость к музыкантам. Звали его Джо: высокий, худой, с каким-то волчьим выражением лица, запавшими глазами и широкой ухмылкой, медленно проходившей по его лицу, как трещина. Поначалу эта ухмылка казалась Аннабель иронической. Потом сардонической. Потом жестокой.

Джаз-клуб представлял собой забегаловку на окраине Чайна-тауна, музыканты собирались там на свои джемы. Небольшая самодеятельная джаз-группа, которой руководил Джо, часто там играла, и однажды он решил «для прикола» заставить Аннабель спеть. У нее был интересный голос, странный и немножко неземной, и петь она любила, но ни-

когда раньше не выступала на сцене, и Джо знал, что одна мысль об этом приводит ее в ужас. Он дождался субботы, когда в заведении было многолюдно – хипстеры, программисты, всякие венчурные капиталисты и прочие далекие от музыки люди, решившие с недавних пор, что джаз-клуб – то самое место, где нужно бывать, чтобы приобрести имидж культурного человека и соответствующих знакомых. Аннабель сидела за столиком перед самой сценой – там же, где всегда. В середине программы Джо повернулся к своей группе.

– «Майн либлинг»⁸? – предложил он, и у Аннабель упало сердце. Джо взял в руку микрофон.

– А сейча-а-ас, – протяжно возгласил он, – с особенным удовольствием, давайте поприветствуем очаровательную и талантливую мисс Аннабель Ланж!

Величавым театральным жестом он протянул руку, и вот тогда-то Кенджи в первый раз заметил Аннабель. Он впервые играл с этой группой и вообще недавно появился в городе, приехал из Токио по туристической визе ознакомиться с местной джазовой сценой. Английским он владел плохо, немецким вообще никак, но это вовсе не обязательно, если знаешь, что играть, когда скажут «майн либлинг». Лидер группы уже протягивал микрофон крупной бледной блондинке с ярко-розовыми прядями в прическе и ошеломитель-

⁸ Очевидно, имеется в виду один из многочисленных вариантов известной композиции «Bei Mir Bist Du Schoen».

ными лавандовыми глазами. Та испуганно покачала головой и умоляюще посмотрела на него, но Джо уже отвернулся и облизывал трость⁹ саксофона. Тогда девушка, очевидно, поняла, что выбора у нее нет. Она встала и поднялась на сцену, неуверенно покачиваясь на высоких каблуках, как маленькая девочка, нарядившаяся ради забавы в мамины туфли. Остановившись в тени, перед тем, как шагнуть в луч прожектора, она прикусила нижнюю губу и судорожно сглотнула. Какая у нее чудесная нижняя губа, отметил про себя Кенджи. Пухленькая такая. Причем без помады, вообще ни следа макияжа. Просто обнаженное чистое лицо в обрамлении золотых кудрей. Девушка окунула острый носок туфли в лужицу света и замерла в нерешительности, посмотрела на публику, затем на Джо, который наблюдал за ней из-под прищуренных век с той самой медленной ухмылкой, которая у него заменяла улыбку. Со своего места среди трубачей Кенджи видел, что девушку бьет дрожь.

Кенджи взял в руки кларнет и быстро перебрал пальцами клапаны. Начинали номер трубачи, а у него был проигрыш. Перед выступлением он выкурил с группой косячок и был готов к работе.

Джо нетерпеливо притопнул ногой, и Аннабель шагнула в луч прожектора. Ее винтажное коктейльное платье-футляр из аквамаринового атласа казалось слишком тесным и неудобным. Неужели Джо заставил ее это надеть? Атлас пе-

⁹ Деталь язычкового духового инструмента.

реливался. Среди длинных светлых локонов проглядывали розовые пряди, отбрасывая цветные блики на круглые обнаженные плечи. В ушах ее блеснули капельки горного хрусталя. Духовые подняли свои трубы. Джо наклонил голову, дал отсчет, и они заиграли.

Первые мгновения казалось, что Аннабель вот-вот убежит. Потом она чуть не упала, зацепившись каблуком за провод, но удержалась на ногах, схватившись за микрофонную стойку. Взяв в руку микрофон, она стояла и смотрела на него так, словно никогда раньше не видела. Затем осторожно провела пальцами по шнуру. Ударили барабаны, за ними шли духовые, шесть быстрых тактов, потом начиналась ее партия. Аннабель поднесла микрофон ко рту, и Кенджи показалось, что тот затрепетал от удовольствия находиться так близко к этим губам. Она запела.

До встречи с тобой, малыш, мне казалось, я знаю...

Ну, совсем не то, подумал Кенджи. Аннабель пела с придыханием, дрожащим голосом и так тихо, что ее почти не было слышно за трубами. Эту песню нужно было петь уверенно, если не в знойном стиле кабаре Цары Леандер, то, по крайней мере, по-американски бодро и оптимистично, как Марта Тилтон или сестры Эндрюс. Но не так, как она. Девушка не успевала за оркестром, ей не хватало оптимизма и уверенности в себе.

Множество слов о любви, но они все ушли...

Слушая эти сбивчивые фразы, Кенджи испытывал муки одиночества. Всего две строчки спела, а ей уже, можно сказать, конец. Никто уже не мог ее спасти. Он покачал ногой и снова облизнул трость, ожидая своего выхода и чувствуя, что его сердце вот-вот разорвется, и в этот момент, словно почувствовав его взгляд, девушка повернула голову и посмотрела ему лицо. Ее невероятные лавандовые глаза были полны слез.

Улетучились вдаль...

Никто не мог ее спасти, но Кенджи должен был попытаться. Он закрыл глаза, поднял кларнет и выдул волнистую череду нот, которая раскручивалась, как веревка, извиваясь между трубами, потом перекинулась через бас, подчинив себе малый барабан, и наконец, увернувшись от саксофона, добралась до певицы. Аннабель ухватила за его импровизацию и позволила Кенджи повести ее за собой.

*Нет слов в языках,
И песню где искать,
Такую, чтоб сумела передать?*

Он играл для нее, он пронес ее через второй куплет, потом

нахально повел через припев.

*«Ду бист майн либлинг»¹⁰ – вот!
Теперь любой поймёт,
Что для меня ты просто вундершен...*

Это уже запела Аннабель, и когда ее голос взметнулся ввысь, гомонившие за столиками хипстеры затихли. Бороды повернулись к сцене, ботинки начали притопывать, пальцы пощелкивать, и наконец композиция дошла до своего финального медного крещендо и завершилась. Кенджи выпустил мундштук изо рта, опустил инструмент, с которого капала влага, вытер пот с глаз, а когда снова открыл их, то увидел, что девушка смотрит на него. Но теперь она улыбалась, а бледные щеки ее порозовели. Она встряхнула светлыми кудрями и повернулась лицом к аудитории. Аплодисменты усилились и стихли, когда она сложила ладошки лодочкой и неуклюже поклонилась. Джо шагнул к ней в луч прожектора и приобнял за талию, но Аннабель, слегка дернувшись, выскользнула из его объятий и, покачиваясь, вернулась к своему столику.

Позже тем же вечером, в темной спальне маленькой квартиры, которую Аннабель снимала на паях с двумя подругами, Кенджи расстегнул молнию на длинном атласном футля-

¹⁰ «ТЫ МОЯ ЛЮБИМАЯ» (нем.)

ре ее коктейльного платья. Словно во сне, он снял покровы с ее круглых белых плеч, и платье стекло на пол, превратившись в сверкающую лужицу. Не верилось, что все это происходит наяву. Он расстегнул ее лифчик и помог Аннабель высвободить руки, а затем поддерживал за локоть, когда она снимала трусики. Когда она полностью обнажилась, Кенджи чуть отступил, чтобы посмотреть на нее. Аннабель смущенно застыла на фоне окна, которое словно удерживало ее на месте, превратившись в раму картины. Свет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь «газовые» занавески, отражался от ее кремовой кожи перламутровым сиянием. Она ждала, что он скажет, выразит одобрение или нет, но он молчал, и ее руки потянулись прикрыть грудь и пах. У Кенджи перехватило дыхание. Она была великолепна. Стоя в озере дешевого аквамаринового атласа и потертых кружев, она была похожа на Венеру Боттичелли, выходящую из волн... или та стояла на ракушке? Он уже не мог вспомнить, но Аннабель, безусловно, была самой красивой из всех виденных им женщин. «Боттичелли», – пробормотал он еле слышно, со страшным акцентом, и Аннабель его не поняла. Смутившись окончательно, она отвернулась, и Кенджи опечалился. Он поспешно шагнул вперед, положил руки ей на плечи и повернул к себе, взял в ладони ее прекрасное лицо и поцеловал ее в губы. Тут он почувствовал, что она дрожит. Вся. Всем телом.

Потом они занимались любовью, а после, когда они лежали на скомканных простынях, она шепотом на ухо пересказывала ему текст песни, а он курил косяк и, выловив у нее розовый локон из массы золотистых, накручивал его себе на палец.

*Ду бист майн либлинг – вот!
Теперь любой поймет,
Что для меня ты просто вундершен!*

– Вундершен? – переспросил Кенджи.

Она с любопытством смотрела, как его губы выговаривают незнакомое слово. Кожа его лица была гладкой и чистой. Она понятия не имела, сколько ему лет; она почти ничего о нем не знала.

– «Ты чудесная», – шепотом перевела она и покраснела. – Или «красивая». На самом деле и то, и другое сразу. «Чудеснокрасивая». В немецком языке слова как бы склеивают вместе. В песне это парень говорит девушке.

Кенджи удивился и приподнялся на локте. Грудь у него была узкая, но мускулистая.

– Так это парень говорит?

– Он говорит девушке, какая она красивая, на разных языках, – покивала Аннабель.

*Сказать бы мог я «белла», «шен» и «тре жоли»¹¹,
Их либе дих, а ты? Меня ты любишь ли?*

– Белла? Но это же твое имя! Я должен был спеть эту песню для тебя. – Кенджи потянулся к ней и отвел локоны с ее лица. «Белла, Белла», – пропел он ей в шею, и когда его губы заскользили по ее горлу, она выгнула спину и закрыла глаза. «Вундер...», – шептал он, забирая в ладони ее большие круглые груди и нежно впиваясь губами поочередно в каждый сосок, – «...шен».

Если граница, где заканчивается «я» и начинается «ты», проходит по поверхности тела, то в ту ночь они сделали все, что могли, чтобы нарушить ее. Для Аннабель это был новый опыт. Секс у нее и раньше был, но ее участие в этом акте всегда было вызвано не столько желанием, сколько смирением. Секс для нее был просто тем, чем принято заниматься в какой-то момент после определенного количества свиданий, ужинов или бокалов вина. В отношении Аннабель «заниматься», может быть, не совсем подходящее слово, поскольку она при этом, в общем, ничего не делала. Оно как-то само происходило, где-то там, отдельно, независимо от ее действий или их отсутствия. Удовольствие никогда не играло решающей роли, хотя у нее были и свои радости в виде долгожданного избавления от дискомфорта после заверше-

¹¹ «Красивая» на разных языках.

ния процесса.

Но секс с Кенджи оказался совсем другим. Физически он был полной противоположностью мужчинам, с которыми она обычно спала, – крупным, напористым мужчинам, типа ее отчима, с тупыми хваткими пальцами, потными лицами, на ощупь похожими на наждачную бумагу. Ей было шестнадцать лет, когда он начал приходить к ней в комнату, а может быть, и пятнадцать. То был год, когда ее мать лежала в онкологии, и воспоминания Аннабель о тех временах уже поблекли, но некоторые моменты она никогда не забудет. Звук его шагов в коридоре. То, как прогибалась кровать, когда он сидел на край. Запах алкоголя и пот, который капал с его головы ей на лицо. Когда мать умерла, Аннабель ушла из дома; но хоть она и сбежала от отчима, ее следующие мужчины были похожи на него. А вот Кенджи не потел. Он был опрятным, гладким и сухим, с тонкими пальцами музыканта и тонким, нестрашным пенисом. Вдобавок ко всему он был меньше ее ростом, что поначалу вызывало у нее чувство неловкости. Привыкшее к подавлению тело Аннабель казалось ей самой слишком большим для него, а собственное желание – незнакомым и неуместным. Но то, как Кенджи занимался с ней любовью, все изменило, и к тому времени, когда они закончили, она чувствовала себя именно так, как надо – очень нескромно, но самым прекраснейшим образом. Он был без ума от нее, он так ей и сказал. Ведь она была самой красивой женщиной на свете. Так он подумал, когда в пер-

вый раз увидел ее на сцене; а потом, когда она позвала его за свой столик и позволила угостить ее выпивкой, Кенджи понял, что он самый счастливый мужчина на свете.

– Это я должна была угощать тебя выпивкой, – сказала она наутро. – Ты ведь просто спас меня.

Они завтракали на кухне, и он сидел на том самом деревянном стуле с ручной росписью, который принимался стонать и скрипеть, когда на него садился Джо, но теперь спокойно держал Кенджи, пока он намазывал маслом тост. Аннабель невольно вспомнила сказку о трех медведях и подумала, что ее стул, очевидно, идеально подходит ему, как и ее стол. Как и ее тело. Дожидаясь, когда закипит кофе, она прислонилась к столику и смотрела на Кенджи. Его длинные и густые черные волосы спадали на плечи. Он слизнул джем с пальцев и отрицательно покачал головой.

– Да нет, – сказал он. – У тебя же классно получилось. Ты очень хорошая певица.

Аннабель задумчиво улыбнулась.

– Когда-то в детстве я пела в церковном хоре, но потом перестала. Мне страшно выступать перед людьми, да и голос у меня недостаточно сильный. Джо это знает. Он просто решил сделать мне гадость.

– Джо – твой парень? – спросил Кенджи.

Она в ответ неопределенно пожала плечами, и он сделал руками широкий жест, заключив в него и тост, и кухню, и

их обоих.

– Думаю, он рассердится...

– Ну и пусть, – сказала она. – Он за многими бежит. Пусть злится, я все равно собиралась порвать с ним отношения. Он потому и вытащил меня петь. Он знал, что я провалюсь, и у меня бомбанет, но и мне самой нужен был этот спектакль, как повод, чтобы уже точно порвать с ним, понимаешь?

Кенджи мало что понял, он разобрал только слово «бомба».

– Нет. Ты не бомба, – с улыбкой сказал он. – Ты... как это сказать... БУМ!

Он изобразил звук взрыва и показал, как что-то взлетает в небо, а потом падает обратно на землю в мерцающем ливне искр.

– Фейерверк?

– Да! – он просветлел лицом. – Ты ракета!

Следующей ночью и в последующие ночи, когда он проводил кончиками пальцев по ее коже, Аннабель закрывала глаза и трепетала, вспоминая, как пальцы Кенджи щекотали воздух, изображая летящие искры. А теперь эти пальцы трогали ее, забираясь в такие места, куда раньше никто не удосуживался проникнуть. Секс с Кенджи был захватывающим, интересным и увлекательным, и Аннабель удивлялась, как ей повезло, но у Кенджи было другое объяснение. Это «эн», сказал он, это их судьба или предназначение, таинственная связь, возможно, оставшаяся с прошлой жизни, соединила

их вместе в этой.

Прав ли был Кенджи? Как на Земле, на этой огромной планете с населением в восемь миллиардов человек, удастся встретиться двум маленьким человеческим существам, предназначенным друг для друга? Более циничный человек, чем Кенджи, сказал бы, что это невозможно и вообще ничего этого нет. В смысле, предназначения. Да, конечно, люди встречаются и влюбляются, но эти встречи случайны, и удачная встреча – дело случая, а предназначение – это просто выдумка, история, которую они рассказывают себе потом.

Но ведь хорошая же история! В конце концов, для нас это самое главное. Если разобраться, мы, книги, для того и существуем, чтобы пересказывать эти ваши истории, держать их в себе и хранить под нашими обложками столько, сколько это в наших силах. Мы как можем стараемся порадовать вас и поддержать вашу веру в необходимость оставаться человеком. Мы сопереживаем вам и беззаветно верим в вас.

Но возникает другой вопрос: вам никогда не приходило в голову, что у книг тоже есть душа? Слушая эту романтическую историю о двух несчастных влюбленных, вы не задумывались о том, как ее воспринимаем мы? Потому что если граница между «я» и «ты» действительно проходит по коже, то вот этим вашим мгновениям страстного нарушения границы, называемым любовью, мы ужасно завидуем. Правда-правда. Мы завидуем вашим телам. А как же? У нас, у

книг, тоже есть тела, но нет органов, необходимых для восприятия мира. Кожа, покрывающая наши обложки, под которой хранятся слова, отличается от вашей. Наша кожа, сделана ли она из бумаги, пергамента или ткани (или, как в последнее время, из какой-нибудь комбинации пластика, стекла и металла), выполняет аналогичную функцию обозначения границы, но даже самый изящный из наших покровов не позволяет нам испытать удовольствие, доступное вам. Мы не можем ощутить экстаз слияния себя с другим.

Конечно, вы можете сказать, что литературное творчество – это тоже своего рода страстное пересечение границ, но оно по своей сути бестелесно, как-то более расплывчато и условно. Мы зависим от вас в своем воплощении; мы существуем потому, что вы существуете. Поэтому хоть мы и чувствуем, как ваши пальцы перелистывают наши страницы, и можем описать словами вкус горьковатого кофе, или пикантного соуса, или, например, соленой спермы, что порой капает на наши страницы, мы не можем ощутить этого так, как вы, – на языке, на коже, внутри вашего человеческого тела.

Как тут не почувствовать себя обделенным, лишенным чего-то важного.

Признанные эксперты в делах любви, мы способствовали ее проявлениям большим количеством способов и слов, чем любой из вас может себе представить, и все же мы никогда не испытаем, каково это – взять руку возлюбленной и прижать ее к своим губам... Ах, если бы у нас были губы! Нет,

это правда, что вы многих из нас любили, обнимали, ласкали и даже нежно целовали, и всем этим мы очень дорожим, но... в тот момент, когда дело доходит до настоящего «занятия любовью», нас небрежно сбрасывают с кровати! И вот мы валяемся на полу, вниз лицом со смятыми страницами, а в это время за нашей спиной разворачивается неведомое действие.

Иногда все-таки хочется заняться любовью. А вы как думали? В конце концов, мы безумно любим вас. Мы, рабы ваших навязчивых идей, по себе знаем, каково это – попасть в переплет и быть предметом воплощения эротических фантазий. И в то же время мы понимаем, что наш удел – всего лишь праздные фантазии, которые помогают нам скоротать время.

Фантазии – это то, в чем мы, книги, безусловно, преуспели. Но настоящие истории – те, которые происходят на самом деле, – принадлежат вам.

Гм... так на чем мы остановились?

Бенни был зачат в 2001-м – в том году началось будущее. Забеременев, Аннабель бросила учебу и устроилась работать в агентство по мониторингу СМИ. Кенджи бросил курить травку, и они переехали в маленький двухэтажный дом на окраине Чайна-тауна. Все, что они смогли себе позволить – снять половинку довольно ветхого строения, но там имелся маленький дворик, где мог бы играть ребенок, а недалеко

от дома проходили автобусные маршруты, и это было хорошо, потому что ни Аннабель, ни Кенджи не любили водить машину. Кенджи устроился в джазовый оркестр, игравший биг-бэнд, ска и современную клезмерскую музыку. Он был талантливым музыкантом, к тому же японский кларнетист в порк-пае, игравший старые еврейские мелодии типа «Гимпель-дурачок» и «Ой, С'из Гут», вызывал интерес у публики. Когда стало ясно, что Кенджи – их фишка, музыканты поменяли название группы на «Кенни Оу и Клезмонавты». Они начали гастролировать по штату. Влюбленные поженились. Жизнь была прекрасна.

Аннабель была счастлива как никогда. Она была творческой натурой, и беременность ее вполне устраивала. Собственное тело казалось ей неким плодородным континентом, наполненным новой жизнью. Кенджи, неутомимый исследователь этого континента, придумал другую метафору. Когда они на первом УЗИ увидели изображение своего сына на экране, Кенджи воскликнул: «Это космическое дитя! Он как крошечный астронавт во анабиозе!» С тех пор они так его и называли: «Наш космический ребенок. Ребенок нашей мечты. Наш крошечный астронавт». Лежа в постели, они смотрели «Космическую одиссею 2001 года» и представляли себе зародыш, плавающий в внутреннем космосе Аннабель.

«Это будущее», – бормотал Кенджи, поглаживая ее вздувшийся живот, и она до сих пор помнила то трепетное чувство, которое тогда испытывала, какую-то смесь страха и

возбуждения. Но если у нее и возникала тревога, Аннабель держала себя в руках, занимаясь каким-нибудь делом. На четвертом месяце, когда живот начал расти, она купила пряжу и спицы, чтобы вязать пинетки и чепчики. Она стала читать книги с советами по родам и воспитанию детей. Связала крючком детское одеяльце. Нашла сайт «сделай сам», где объясняли, как шить мягкие игрушки из поношенных свитеров. Сшила кашемирового слоника.

«Леди-ножницы», у которых беременность Аннабель вызвала живой интерес, вырезали для нее из журналов полезные статьи, которые она складывала в папки. По пути домой она часто заходила в пристройку Публичной библиотеки, где продавались списанные детские книги. Обычно это были старые, истрепанные книги или такие, содержание которых устарело. Большая красная надпись «списано» на титульных листах напоминала тюремную татуировку, клеймившую их как неудобных. Аннабель жалела эти книжки со стертыми углами и загнутыми страницами: они выглядели такими поноурными и заброшенными. Она отказалась от своей мечты работать в детской библиотеке, но все равно хотела помочь книгам. Продавали их за гроши. Аннабель с удовольствием спасала их, давала им кров, и книги были ей благодарны.

Молодожены потихоньку начали приводить дом в порядок. Их квартирная хозяйка, миссис Вонг, жила во второй половине дома. У нее был один сын, угрюмый подросток с большим родимым пятном на щеке, фиолетовым, как от про-

литого портвейна.

Миссис Вонг постоянно жаловалась на него, называя его негодным сыном, и поскольку они поначалу не знали его имени, то между собой называли его просто Негодный. Негодный Вонг водился с плохой компанией и очень редко бывал дома, так что миссис Вонг стала обращаться за помощью к Кенджи. Кенджи ей понравился, потому что тоже был азиатом, а еще он был «рукастым». Он починил все водосточные желоба, отремонтировал крыльцо и перекрыл крышу. Он помогал миссис Вонг ухаживать за крохотным огородиком, а она за это сделала скидку по квартплате и прощала Кенджи его ворон.

Аннабель покрасила стены в детской в красивый небесно-голубой цвет. Она купила полки для книг и сшила занавески на окна. Как-то раз возле мусорного бака в переулке она нашла отличное деревянное кресло-качалку. Одна из боковин качалки расшаталась, а подлокотник был сломан, но Кенджи помог его починить, а на верхней панели спинки кресла она нарисовала симпатичную корову, перепрыгивающую через луну. Они поставили кресло в детскую, и пока Кенджи играл на свадьбах и бар-мицвах, Аннабель сидела там, покачиваясь, вязала и мечтала о будущем. Когда Кенджи приходил домой, он ложился на плетеный коврик у ее ног, и она читала ему спасенные библиотечные книжки. В них было много сказок, стихов и детских считалочек. «Эй, диддл-диддл, кошка и скрипка...» Аннабель говорила, что

так Кенджи быстрее усвоит английский, и она прекрасно читала вслух, но Кенджи мало обращал внимания на смысл. Скорее, он слушал голос жены, как музыку, а некоторые слова казались Кенджи такими красивыми, что у него слезы выступали на глазах, и он даже начинал аккомпанировать, подбирая мягкие аккорды на гавайской гитаре. Сказки и стишки превращались в песни, и когда малыш в животе подрос, они начали петь ему. Кенджи не знал ни одной из детских песенок, на которых росла Аннабель, и она научила его петь «У Мэри был маленький ягненок», «Лондонский мост рушится» и «Греби, греби, плыви на своей лодке». Перебирая струны, Кенджи повторял за ней слова, пытаясь подладить язык под звуки английского языка, специфичный губной «л» и мягкий округлый «р».

– Греби, – говорила Аннабель.

– Глеби, – повторял Кенджи и удивлялся, не понимая, почему она со смехом качает головой.

– Ладно, попробуй так: скажи «А-а-а»... Теперь закончи звуком «р», как будто откусываешь кусочек сочного шоколадного торта. А-а-а-р. А-а-а-р. Язык должен быть там, где смыкаются зубы, как перед тем, как на него попадает шоколад.

Еще до рождения, плавая в теплом жидком космосе маминного живота, Бенни слышал голоса родителей. Эти загадочные звуки доносились откуда-то издалека, едва пробиваясь сквозь вязкий ритмичный стук материнского сердца. «Гре-

би, греби, плыви на своей лодке, — слышал он. — Жизнь — всего лишь сон».

Ребенок родился в январе. Страна все еще переживала последствия 11 сентября, и Аннабель была рада, что отпуск по уходу за ребенком избавил ее от читки новостей. Несколько месяцев после рождения сына Аннабель и Кенджи не включали телевизор и радио. Они укрылись в своем тихом мире и подолгу лежали на боку в постели, положив между собой крошечного Бенни, как две круглые скобки вокруг звездочки.

(*)

Свернувшись вокруг малыша, они смотрели на него, приподнимая иногда его ручки и ножки, восхищаясь его пальчиками, животиком, пухленькими стопами, ямочками на локтях, крошечным заостренным пенисом. «Смотри! Смотри! — шептали они друг другу. — Какой он потрясающий!» Ушки его были как маленькие морские раковины, а кожа нежной, как шелк. Они изучали каждый дюйм его тела, обнюхивая его носами, прижимаясь к нему губами, восхищаясь его видом и запахами его младенческого совершенства. Это был ребенок их мечты. В нем не было никаких изъянов.

— Это сделали мы, — шептали они, — как такое возможно? — и это чудесное откровение наполняло их гордостью. Когда они смотрели, как малыш делает первые шаги и учится гово-

рить, внезапная радость успеха ошеломляла их, они хватали друг друга за руки и, затаив дыхание, ждали, что произойдет дальше. Это было их личное «долго и счастливо», и они жили в нем, долго и счастливо.

Бенни

Ну, спасибо. Ничего себе. Знаю, знаю, я сам попросил, но в этот раз информации многовато, тебе не кажется?

В смысле, та часть, которая про меня, нормальная, но не надо рассказывать всему миру про сексуальную жизнь моих родителей. О некоторых вещах лучше молчать – особенно обо всей этой истории с ее отчимом. Если бы ты была ее книгой, это была бы другая история, и, возможно, в этом был бы какой-то смысл, но ведь ты моя книга, правда? Но это я так, к слову.

А вот та часть, как я слышал их пение, когда ещё был у мамы в животе, – это классно и очень по делу. Иногда мне кажется, что голоса, которые я слышу сейчас, как бы исходят от вещей, существовавших до моего появления на свет. Не знаю, как сказать. Они как случайные фрагменты ненужного кода, которые затерялись в складках моего мозга, но каким-то образом активизировались. Может быть, они есть у всех, а я их слышу из-за своей сверхчувствительности, понимаешь? Мой психолог говорит, что такое может случиться с человеком от горя.

Я начал их слышать не все сразу. Примерно год после смерти отца я слышал только его голос – он звал меня, как тогда в крематории, только это было среди ночи в моей спальне. Я просыпался оттого, что слышал, как он зовет ме-

ня по имени. Его голос звучал совсем рядом, понимаешь? Снаружи, но и внутри головы одновременно. Я подолгу лежал так в кровати, внимательно прислушиваясь, боясь пошевелиться или открыть глаза, потому что боялся увидеть его, но при этом боялся и не увидеть. В смысле, я все-таки хотел его увидеть, но только живым. Мне не хотелось видеть его мертвым, типа зомби или привидения. Когда я наконец заставлял себя открыть глаза, то ничего не видел, кроме темноты. Я лежал так, прислушиваясь и надеясь, что он скажет что-нибудь еще, но через какое-то время опять засыпал, а утром воспоминание о его голосе смешивалось с остальными снами и забывалось.

К концу того первого года его голос стал слабее, и я уже не часто его слышал. Куда он подевался? Однажды я пошел его искать. Раньше коробка с его пеплом стояла внизу рядом с его пластинками, но потом мама ее переставила, и мне пришлось перерывать весь хлам в ее спальне, пока я не нашел эту коробку в дальнем углу шкафа. Я решил, что маме все равно, поэтому взял коробку и поставил ее на книжную полку в своей спальне, рядом со старинным глобусом Луны. Когда я был маленьким, папа подарил мне этот глобус, чтобы рассказывать о Луне. Внутри глобуса была лампочка, и эта луна светила, когда ее включали, но она уже давно сломалась. Отец много раз обещал мне, что починит луну, но так и не починил. А в ту ночь, когда я положил его пепел рядом с лунной, она вдруг начала мерцать: вспыхивать и снова гаснуть.

Странно, правда? Я в это время спал и проснулся от этих вспышек. Сначала я очень испугался, но потом подумал, что это, наверное, дух отца пришел сдержать свое обещание и пытается починить лампу, и успокоился. После этого, каждый раз, ложась спать, я желал отцу спокойной ночи и крутил луну, чтобы глобус поворачивался к его коробке какой-нибудь другой стороной. Мы с ним раньше так играли, крутили луну, кто куда попадет, и ему нравилось попадать на «темную» сторону, потому что он был художником. Это он так говорил. Я не очень-то понял, что он имел в виду. Отчасти я, наверное, надеялся, что он еще придет во сне поговорить со мной, но потом, когда начались другие голоса, я сдался. Они так шумели, что голос отца я уже не мог расслышать.

Другие голоса тоже пришли во сне. Все так начиналось. Как будто один голос открыл дверь, а за ним последовали остальные. Сны – они же как двери. Они – как порталы в другую реальность, и когда они открываются, надо быть на чеку.

Книга

У темной стороны есть свои соблазны, Бенни, хотя большинство предпочитает не ходить туда, а оставаться в безопасности на светлой стороне. Но художники, писатели и музыканты, как твой отец, не могут противостоять притяжению темной стороны. Мы, книги, хорошо знаем эту сторону, и наша работа – не отворачиваться от нее, нравится нам это или нет.

Это касается и темной стороны истории твоей матери. Действительно, наш рассказ не про Аннабель – хотя, честное слово, она заслуживает отдельной книги – но иногда бывает трудно определить, где заканчивается книга про родителей и начинается книга про детей. Так что же делать книгам? Крутнем глобус, посмотрим, куда попадем, – и будем надеяться, что результат тебя устроит.

4

Во сне кто-то легонько постучал ему пальцем по лбу, и если вы закроете глаза, вы, может быть, тоже сможете себе это представить. Представьте себе Бенни: ему тринадцать лет, скоро исполнится четырнадцать, но он не выглядит на свой возраст. Он лежит на спине, на узкой кровати под своим «межгалактическим» пуховым одеялом. Руки его упира-

ются в бока, дышит он ртом, потому что нос у него постоянно немного заложен из-за астмы и пыли. Его полуоткрытые губы изогнуты красивой дугой, а смуглая кожа еще совсем гладкая. Он очень похож на своего отца.

И вот кто-то легонько стучит пальцем ему по лбу: удары падают, как капли дождя, на гладкую, пока еще ровную кожу между бровями. Бенни просыпается, открывает глаза и видит палец, парящий прямо над его носом. Палец этот тонкий и заостренный, почти прозрачный. Он колышется в мерцающем воздухе, как водоросль на мелководье, потом Бенни замечает, что этот палец отходит от кисти на тонком запястье, а за ними тянется длинная рука, уходящая, как леска воздушного змея, в космическую тьму. За кистью, за дальним концом этой нитевидной руки, виднеется лицо, далекое и бледное, как луна.

Это лицо девушки, и даже на таком большом расстоянии Бенни видит, что это самая красивая девушка в мире. Ни разу за всю свою жизнь – за тринадцать лет и девять месяцев, прожитые на этой планете – не видел он такого лица. Вокруг лица девушки, как залитые лунным светом облака, плавают густые белые волосы. Ее яркие, блестящие глаза смотрят на него сверху вниз, а розовые губы складываются в идеально круглую букву «О». Самая красивая девушка в мире дразнит его – по крайней мере, ему так кажется – или подшучивает, совершенно беззлобно.

«Бенни... – шепчет она, беззвучно смеясь. – Бенни Оу...

о... О... О...»

Цепочка букв «О» слетает с ее губ, как кольца дыма. Бенни приподнимается с койки, пытаясь поймать одно из них на нос, как тюлень. Только эти кольца пахнут не дымом. Они пахнут горячим шоколадом и свежим хлебом, который пекла Аннабель, когда он был маленьким, а она еще пользовалась духовкой. У самой красивой девушки в мире дрожжевой запах, как у поцелуев матери, и Бенни вспоминает детство, когда мама была счастлива, а папа был жив, и воспоминания эти такие яркие, что по коже пробегают мурашки. Затем лицо девушки приближается, и Бенни снова откидывается на постель, а потом расстояние между ними вдруг исчезает, и вот она уже парит прямо над ним. Ее дрожжевые О-образные поцелуи плывут вниз, влажные и теплые, они пульсирующими волнами пробегают по всему его телу. Она легонько кладет ему руку на грудь, прямо над сердцем, и Бенни чувствует, как его сердце бьется под прижатой ладонью девушки. Его позвоночник выгибается дугой, и он начинает подниматься, чтобы дотянуться...

«О... – вскрикивает он. – О... О... О!» И тут его сон расплывается перед глазами и взрывается миллиардом крошечных звездочек, которые звенят, как смех, и мерцают у него под кожей, а затем смех постепенно затихает, и звезды одна за другой гаснут, возвращая его во тьму.

В наступившей тишине Бенни услышал звук, похожий на стон, и открыл глаза. В спальне царил полумрак, самая

красивая девушка исчезла. Он закрыл рот, и стоны прекратились. На потолке над ним виднелась тусклая туманность «Святящихся Во Тьме Чудо-Звезд»¹². Их когда-то прилепил туда его отец, составив из них созвездие в виде трех букв О, трех переплетенных звездных колец, по одному на каждого члена семьи.

Руки Бенни были прижаты к штанам пижамы, а те оказались влажными, правда, совсем чуть-чуть. Вскоре после смерти отца Бенни случилось обмочиться во сне, но это уже давным-давно прошло. Он встал и осмотрел постель. Простыни были сухими. Он снял штаны и понюхал их. Пахло не мочой, но достаточно отвратительно. Его даже передернуло.

¹² Набор фосфоресцирующих стикеров.

Бенни уже слышал о «влажных снах», мальчишки в школе шутили на эту тему. Так вот как это бывает? Он чувствовал в теле пустоту и странное покалывание, словно в начале простуды, но ощущение не было неприятным. В общем-то, его даже можно было назвать приятным. Бенни достал из ящика чистую пару трусов, взял пижаму и, открыв дверь спальни, вышел в коридор.

Там было темно, и воздух был каким-то другим, застоявшимся и тяжелым, пропахшим газетной бумагой и пылью, но Бенни уже привык к этим запахам и почти не замечал их. Он стал пробираться по узкому проходу между шаткими штабелями коробок, в которых лежали отцовские вещи, и мешками с мамиными газетами и сваленными на них покупками. С каждым шагом в нем росло ощущение чего-то нового, небывалого. Какие-то звуки. Странное покалывание по всей коже. Присел на корточки у стопки коробок, Бенни обхватил себя руками и прислушался.

Странные звуки напоминали доносившиеся из темноты голоса. Такое тихое, пульсирующее «oooooooooooooooooooo», словно стоны призраков или людей, старающихся, чтобы их никто не услышал. Аннабель часто стонала по ночам. Иногда Бенни слышал, как она плачет, и ему становилось страшно, но это было что-то другое. Он ждал, вслушиваясь. Ему показалось, что среди звуков звучат какие-то слова, но он не мог их понять. Миссис Вонг иногда кричала на Негодного по-китайски, но ее голос был

при этом сердитым и резким, а в этих голосах звучала печаль. Бенни подумал, что хорошо бы вернуться в свою комнату и закрыть дверь, но теперь ему уже на самом деле захотелось в туалет. Он медленно поднялся и на цыпочках перешагнул через кучу глянцевого журналов, выпавших из стопки. С каждым шагом стоны становились все громче, а потом он поскользнулся и наступил каблуком на пакет с рождественскими украшениями – мишурой, гирляндами и хрупкими стеклянными шариками, – которые Аннабель купила на послерождественской распродаже. Бенни услышал хруст и пронзительный вопль, этот крик боли смешался с хрустом, который издали несчастные елочные шарики, и Бенни показалось, что он сам разрывается на части. Он зажал уши руками и прижался к стене.

«Перестаньте!» – взмолился он, но рыдания продолжались, и вот уже, подхватив стенания шаров, вокруг него завыл целый хор голосов, из каждого угла дома, от пола до стропил.

Бенни крепче зажал уши и закрыл глаза.

– Пожалуйста! Замолчите! – вскрикнул он. Когда он убрал руки, в доме было тихо.

– Бенни? Что с тобой? – во внезапно наступившей тишине с первого этажа донесся голос матери, чистый, как звон колокольчика. – Ты в порядке, милый? Тебе нужно на горшок?

– Да!

Зачем вообще спрашивать о таких вещах? Бенни терпеть

не мог, когда она так говорила, но раздражение его немного успокоило. Он встал и почувствовал, как дрожат колени.

В ванной он первым делом вынул из ванны мамину сумку с принадлежностями для рукоделия, потом открыл краны. Помочившись, он снял трусы и бросил их под струю воды вслед за скомканными пижамными штанами. Это была его любимая пижамка Человека-паука, он до сих пор не вырос из нее. Понаблюдав, как пузырятся, намокая, красно-синие штанины, он нашел бутылочку шампуня и выдавил немного в воду, рисуя струйкой петли и завитушки. Когда поднялась пена, Бенни сел на край ванны, обхватив руками колени. Голым ягодицам было холодно. Из дальних углов дома вновь донеслись стоны и всхлипы. Время от времени один из голосов говорил что-то, отрывисто и резко, словно приказывал, но Бенни решил игнорировать эти звуки. Он стал напевать мелодию из своей любимой компьютерной игры, тот веселый мотив, который звучал во время экспедиции по добыче полезных ископаемых, когда он копал киркой руду, собирая ресурсы для изготовления оружия, чтобы отбиться от надоедливых мобов¹³. Пением это трудно было назвать, но знакомые ноты придали ему смелости и помогли заглушить голоса. Тогда он стал вспоминать призрачный образ самой красивой девушки, который все ещё волновал его душу.

¹³ Подвижный воинственный объект в играх, управляемый игровой программой.

Проснувшись утром, Бенни вспомнил странные события прошедшей ночи. Он сел в постели и прислушался, затем подошел к двери. Чуть приоткрыв ее, он прислушался еще раз. Слышно было, как привычно бубнит радио в гостиной, где работала Аннабель, но странные ночные голоса исчезли. Бенни отыскал пакет с рождественскими украшениями, на который наступил ночью, и отнес его в ванную. Теперь красные и зеленые осколки стекла молчали, и он выбросил их в мусорное ведро. Пижамные штаны висели на карнизе занавески душа. Они были еще влажными, поэтому Бенни оставил их там. Вернувшись в спальню, он оделся, сложил пижамную курточку и положил ее под подушку. Он делал так каждый день, но сегодня все казалось ему каким-то странным, и он вдруг подумал, не скучает ли пижамная курточка по штанам.

На кухне он достал из шкафа коробку рисовых хлопьев. Он слышал, что Аннабель в гостиной. Она любила слушать радио во время работы. Утром работа у нее была в самом разгаре, и Бенни привык завтракать под звуки новостей. Раковина была завалена грязной посудой, но он нашел на полке чистую тарелку и насыпал в нее рисовых хлопьев. Раньше завтрак готовил ему отец, он заливал хлопья молоком и подносил тарелку к уху Бенни, чтобы тот слышал, как они трещат, хрустят и хлопают. По утрам Бенни больше всего тосковал по отцу. Он пошел к холодильнику за молоком, но когда дверца открылась, оттуда донесся тоненький звук, и Бен-

ни испугался, вспомнив о ночных голосах. Может, это все-таки радио, или звуки доносятся из холодильника? Он быстро закрыл дверцу и замер, прислушиваясь. Неровные ряды магнитиков, из которых складывалось стихотворение отца, были все так же прилеплены к холодильнику, но первые две строки отползли в сторонку. Бенни ошеломленно уставился на оставшуюся строчку:

я без ума от тебя

– Бенни? – крикнула Аннабель из гостиной. – Это ты?

Он не ответил. Он ещё раз приоткрыл дверцу холодильника, совсем чуть-чуть, но так, чтобы включился внутренний свет. Холодильникдохнул ему в лицо стылой кислой во-ню, а потом Бенни вновь слышал звуки. Звуки были слабыми, но он уже мог различать их: стоны заплесневелого сыра, вздохи старого салата, хныканье недоеденных йогуртов с дальней полки, куда их засунули и забыли.

– Перестаньте, – прошептал Бенни.

– Бенни? Это ты? Ты нашел все, что нужно?

Бенни еще немного приоткрыл дверцу и сунул руку внутрь. В поисках молока он осторожно переставил большую бутылку диетического рутбира¹⁴, упаковку апельсинового сока, банку маринованных огурчиков...

¹⁴ Популярный в США газированный напиток, бывает алкогольным и безалкогольным.

– Заткнитесь же!

– Что ты говоришь, милый? Я не слышу!

– У нас молока нет! – закричал Бенни, оцепенело глядя на огурцы. – Опять!

Радио в гостиной замолчало. Голоса из холодильника, словно почувствовав, что он сердится, тоже затихли, ожидая, что будет дальше.

– Прости, родной, – произнесла Аннабель, помолчав. – Я куплю после работы.

Бенни нашел свою личную ложку и стал есть рисовые хлопья сухими.

Когда отец был жив, в доме всегда было молоко, а кухонный стол прибран, и они с отцом каждое утро сидели и вместе завтракали. Теперь кухонный стол был завален всякой дрянью, и Бенни ел в одиночестве, стоя у раковины.

Он доел хлопья и положил свою миску в стопку грязной посуды. Там по краю формы для запекания ползла вверх вереница муравьев. Бенни открыл кран, чтобы смыть их в канализацию. Но вода их не остановила, муравьи оказались неплохими пловцами. Он сполоснул и вытер ложку, сунул ее в боковой карман своего рюкзака и спустился в гостиную, чтобы попрощаться с матерью.

Аннабель сидела за своим рабочим столом перед стопками газет с ножницами в руке. Возле нее весело жужжал сканер. По радио ведущий рассказывал о том, что самодельные взрывные устройства в Ираке и Афганистане вызвали огром-

ный спрос на протезы ног. Частные медицинские фирмы стараются удовлетворить этот спрос. Аннабель потянулась обнять его, и Бенни наклонился, прикоснувшись губами к ее теплой сухой щеке, а ее тяжелые руки обхватили его голову. Он терпеливо постоял так, читая заголовки через ее плечо. Стрельба в Городе – Опасны Люди или Оружие? Шоколад Станет Роскошью из-за Потепления. Смертельный Африканский Вирус Поражает Беременных Женщин. Смерть в Полицейском Участке Спровоцировала Беспорядки в Балтиморе. Предотвратить Лесные Пожары в Калифорнии Могут Козы – Они Уничтожают Заросли. Бенни не любил эти длительные объятия и, чтобы не вырываться из них, развлекал себя чтением. И слушал радио. «Стремительный прогресс в протезировании вселил надежду в ветеранов войны, которые теперь могут рассчитывать на полноценную и активную жизнь». Бодрый голос ведущего тоже вселял надежду, и на краткий миг мягкость материнской щеки показалась Бенни почти приятной.

– Сегодня вторник, – сказал он, высвобождаясь. – Я могу забрать что-нибудь прямо сейчас, если хочешь.

По вторникам нужно было выносить перерабатываемый мусор, и в обязанности Бенни входило напоминать об этом матери.

– Спасибо, мой сладкий, – сказала она. – Пока не нужно. Сначала я должна разобрать архивы.

Она неопределенно махнула рукой в сторону сваленных у

стен мусорных мешков с газетами.

Бенни повернулся к двери.

– Ничего не забыл? – крикнула мать ему вслед. – Деньги на обед? Ингалятор?

Он вышел из дома и запер за собой дверь. Когда он шагнул за порог, голоса, казалось, затихли. Вороны на крыше наблюдали за ним и отпускали комментарии, но они постоянно болтали, так что в этом ничего необычного не было. Бенни уже начал успокаиваться, но когда он вышел на улицу, шины проезжавшего мимо автомобиля вдруг взвизгнули так, словно хотели что-то сказать, да и трещины на тротуаре, казалось, пытались привлечь к себе его внимание. К тому времени, как он забрался в автобус, вокруг него гомонил уже целый рой голосов, глухо, но непрерывно, как зрители перед началом концерта.

Когда Бенни был еще маленьким, в школу его обычно провожал отец, но теперь он был уже в восьмом классе, и Аннабель разрешила ему ездить на автобусе одному. У него был свой проездной, и Бенни чувствовал себя взрослым, показывая его водителю, но в автобусе часто оказывались психи и бродяги, они пахли, что-то бессвязно бормотали, и это действовало на нервы. Аннабель велела ему не садиться рядом с такими типами, но иногда в автобусе других свободных мест не было, и Бенни все же оказывался рядом с одним из них и вынужден был слушать какой-то безумный разговор, который они вели с воздухом. Это было жутко и странно. Боль-

шинство из них были уже старые, ветераны войн. Бенни еще не приходилось встречать молодого психа, но тем не менее. Старые психи ведь тоже когда-то были молодыми. Может быть, он превращается в одного из них?

«Пожалуйста, — произнес он тихонько. — Ну, пожалуйста... Замолчите!»

Но голоса не обращали на него внимания. Всю дорогу до школы, а затем и во время уроков они продолжали бормотать и отвлекали его от учебы. Иногда они затихали, превращаясь в такое тихое шуршание, что Бенни почти забывал о них, как забываешь о холодильнике, хотя он продолжает жужжать где-то в сторонке. Но временами тишину разрывал одинокий вскрик, такой резкий, что Бенни застывал на месте, где бы он в этот момент ни находился: в коридоре, в классе, в спортзале. Тогда он осторожно оглядывался по сторонам. Казалось, крик донесся откуда-то сбоку, прямо из-за правого плеча, но кроме Бенни его, похоже, никто не слышал. Может, они только делают вид, что не слышат? Или этот звук раздался у него в голове?

Внутри... Снаружи... В чем разница и как это определить? Когда звук проникает через уши к вам в тело и вливается в сознание, что с ним происходит? Он при этом остается звуком или становится чем-то другим? Когда вы что-нибудь едите, например, куриное крылышко или голень, в какой момент это перестает быть курятиной? Когда вы читаете эти слова на странице, что с ними происходит, когда они

становятся вами?

5

Сколько времени прошло, прежде чем Аннабель заметила странное поведение Бенни? А когда заметила, сколько ей потребовалось времени, чтобы признаться в этом себе самой? Но сын ее был подростком, а сыновья-подростки ведут себя странно – по крайней мере, так пишут в книгах; а кроме того, на нее в это время навалилось множество забот. В то самое утро, после того, как Бенни ушел в школу, ей позвонил начальник и сказал, что в агентстве проходит еще одна реорганизация, и ее ставка, как сообщил ему надежный источник в корпорации, будет урезана.

– Серьезно, Чарли? – спросила она. – На сколько хотят сократить?

– Ну, я, конечно, попрошу их оставить хотя бы три четверти, но в конечном итоге, скорее всего, оставят половину.

– С какого числа?

– Как мне сказали, наверное, с нового года. Так что не раньше, чем через пару месяцев. – Он еще что-то говорил о новых достижениях в алгоритмах поиска и технологии ключевых слов и о снижении тиража печатных изданий. Отрасль меняется, сказал он, и он просто хотел предупредить ее. Очень мило с его стороны. Но тем не менее. А потом, не успела она прийти в себя от этой новости, он предложил ей

вместо этого уволиться самой.

– Но я же работала без нареканий!

– Конечно, конечно, дело не в этом. Просто вот так оно работает.

– Что?

– Ну, система. – Чарли, смутившись, помолчал и после паузы продолжил: – Аннабель, я знаю, ты пережила тяжелую утрату, тебе нужно содержать ребенка, но ты сама должна понимать, что окончательная ликвидация твоей должности – это просто вопрос времени. Я не хотел писать это по электронной почте, но ты больше выиграешь, если тебя уволят с полной ставки. Так что на твоём месте я бы сейчас сократил расходы, оформил пособие по безработице и таким образом обеспечил себе немного времени, чтобы подыскать что-нибудь новое. Но это просто мое мнение. Мое дело – предупредить, а решение за тобой. Подумай.

Только после окончания разговора Аннабель поняла, что забыла спросить у Чарли о социальных льготах. Он ничего об этом не сказал. Потеряет ли она медицинскую страховку? Больше ли придется расходовать на лечение и лекарства? Что делать, если с ней или, не приведи господи, с Бенни что-нибудь случится?

Закончив утреннюю часть работы, она посмотрела на часы. Перерабатываемый мусор обычно забирали около часа дня, и если избавиться от нескольких мешков, Бенни будет знать, что не зря напоминал ей об этом. Перерабатывае-

мые отходы были настоящей напастью. Начальство требовало хранить ежедневные газеты в течение целого месяца, прочие периодические издания – в течение двух месяцев, при том, что все материалы сканировались и копии хранились в электронном виде. Эти архивы были своего рода подстраховкой на случай, если что-то ускользнет от острых глаз и быстрых лезвий «леди-ножниц» – хотя таких случаев не было замечено. В прежние времена, когда они работали в офисе, у них был целый склад для хранения всей той печатной продукции, которую теперь каждое утро привозили к порогу Аннабель, и был специальный работник, в обязанности которого входило сдавать «старые новости» в макулатуру.

Теперь вся эта работа легла на плечи Аннабель. Первые несколько месяцев она старательно сортировала архивы по коробкам, аккуратно проставляя даты и номера клиентов, но их было так много, что она скоро перестала с этим справляться. Сначала переработанные издания скапливались на полу, а когда стопки стали слишком большими и начали расползаться под ноги, она сгребла их в пакет для мусора, заклеила его скотчем и положила за диван, определив там место для склада. Гора мешков росла, карабкаясь вверх по стенам, а вскоре и сам диван был погребен под бумагами. Заполнив гостиную, архивы хлынули в коридор и неторопливой лавиной стали подниматься вверх по лестнице, обрастая по дороге прочим хламом.

Мешки были тяжелыми, но Аннабель сумела извлечь

несколько самых древних из нижней части кучи, не вызвав при этом оползня. Если бы Кенджи был жив, он бы сделал это за нее. Она вытащила мешки на улицу, затем сходила за второй порцией, а вернувшись с третьей, увидела миссис Вонг: та стояла на тротуаре, опираясь на тросточку, и вглядывалась в газетный заголовок через полупрозрачный пластик.

– Как ты можешь все это читать? – спросила она, переводя взгляд на Аннабель.

– Приходится, – устало ответила та, водружая мешок на вершину кучи. – Это моя работа.

– Ну и работа у тебя. – Старушка покачала головой и махнула тростью в сторону мешков: – Если мусорщик пожалуется, нас оштрафуют.

Сердито ткнув палочкой один из мешков, она постучала себя пальцем по виску.

– Слишком много новостей вредно для мозгов. Нашла бы ты себе какую-нибудь другую работу. – Не дожидаясь ответа, она кивнула сама себе и пошаркала обратно к своему дому.

Совет был дельный, и Аннабель слышала его сегодня уже второй раз. Она знала, что и Кенджи сказал бы то же самое. Он вообще мог бы много чего сказать о Чарли и его «системе», о том, как она работает и работает ли вообще. Да, сказал бы он, увольняйся. Жизнь коротка. Найди какую-нибудь более творческую работу, что-нибудь, что тебе самой по душе... Легко ему было так говорить. Аннабель пошла на эту

работу в первую очередь для того, чтобы сам Кенджи мог заниматься тем, что ему действительно было по душе. Но теперь его не стало, а у нее ребенок, которого нужно содержать, и если разобраться, что она ещё умеет делать? Пойти официанткой? Устроиться в розничную торговлю?

Макулатуры в доме почти не убавилось, но Аннабель не решилась вынести ещё мешок. Она вымыла посуду в раковине – это тоже обычно делал Кенджи – и немного разобрала завал на столе. Вообще-то, до полного порядка на кухне было ещё далеко, но она ограничилась этим, надела пальто и пошла к автобусной остановке. Скоро у Бенни должны были закончиться уроки. Правда, раз уж он начал самостоятельно ездить в школу по утрам, вроде бы уже не имело особого смысла забирать его днем, но она все еще ходила за ним по привычке. Вот только Бенни, похоже, это с каждым разом все больше напрягало. Они не обсуждали это, но Аннабель чувствовала, что сын не хочет, чтобы она его встречала. Он ведь уже подросток. Ему стыдно, что за ним приходит мама. Тем более стыдно, что она как-то не смотрится на фоне других мам, которые приезжают на своих «Приусах», в модных костюмах для йоги и дорогих кроссовках. И у них есть мужья на хороших работах с соцпакетами и прочими радостями.

Тем не менее ей хотелось пройтись, а идти куда-нибудь лучше, чем просто ходить. Но на автобусной остановке она поняла, что вышла слишком рано. Слоняться без дела перед школой тоже не было смысла, и она решила заглянуть в су-

пермаркет, чтобы купить молока и чего-нибудь к ужину. Да и вообще, не помешает закупиться, пока у нее еще есть зарплата. Автобус грузно подкатил к остановке, и Аннабель забралась в него и нашла свободное место. Сонные и вялые дневные автобусы часто опаздывали, но спешить было некуда, и в любой момент можно написать Бенни, чтобы он возвращался домой самостоятельно. У него есть свой ключ. Тогда можно вообще не торопясь пройтись по магазинам, да и в самом деле, не надо никуда торопиться, потому что позволить Бенни вернуться домой в пустой дом – значит показать, насколько она ему доверяет, а это повысит его самооценку.

Конечно, самый лучший способ повысить его самооценку – это на собственном примере показать ему образец такого самоуважения, а оно не приходит от того, что ты вкалываешь на глупой и скучной работе, которой тебя постепенно лишают. Оно приходит, когда ты верен себе и своей творческой натуре. Очнувшись от раздумий, Аннабель потянулась к шнуру, чтобы дать сигнал водителю остановиться у торгового центра. Необходимости в этом не было – у торгового центра выходили все – но этот жест придал ей решимости. Не заходя в супермаркет, Аннабель направилась в свой любимый магазин: «Майклс – Место, Где Совершается Творчество».

Почему бы и нет? Она ведь не собирается ничего покупать. Для вдохновения бывает достаточно посмотреть. Двери открылись перед ней, как по волшебству, она вошла и глу-

боко вдохнула ароматы цветочных букетов, лаванды, корицы и сосны. Это всегда срабатывало. Этот магазин декоративно-прикладного искусства был всего лишь частью одной из многих розничных сетей, но он действовал на Аннабель как наркотик: сердце ее забилося быстрее, дыхание участилось, все тело охватила слабость и мечтательная истома, как будто кости размягчались внутри. «Майклс» не просто продавал товары, он продавал надежду. Взяв тележку для покупок – не для того, чтобы что-то в нее положить, просто как часть ритуала – Аннабель покатила ее в сторону бумажных поделок и фотоальбомов. Она любила обходить магазин по часовой стрелке, туда-сюда по каждому проходу. Многие из продаваемых вещей были довольно безвкусными, но их неспешный, словно в легком трансе, просмотр тоже был частью ее ритуала. Пройдя мимо гелевых ручек с блестками и резиновых штампов, она остановилась рассмотреть декоративные кромкорезы с хитроумными зубчиками, завитками и филигранью. Ее взгляд задержался на пробивных штампах. Они могли вырезать сердечки, звездочки и бабочек из бумаги всех цветов радуги, и в числе прочих она увидела в продаже «Любовный дырокол Fiskars». Название нелепое, но забавное. Если бы Кенджи был жив... Ее рука потянулась к дыроколу, но Аннабель удержалась и перешла к бисероплетению и макраме.

В зависимости от настроения некоторые витрины казались привлекательнее остальных – сегодня ее поманили к се-

бе немецкие профессиональные масляные краски. В прочных удобных коробках лежали богатые наборы красок самых разных оттенков. А какие красивые у них были названия! Ализарин малиновый. Сурьмяный желтый. Марганцево-голубой. Виридиан. Они звучали солидно, как научные термины, но в то же время очень экзотично и поэтично. С такими красками кто угодно мог бы вдохновиться на творчество, и цена для такого количества красок была вполне приемлемой, но все же не по карману Аннабель. Европейские краски всегда самые дорогие. Она ни разу не была в Европе, а вот Кенджи бывал. До женитьбы, лежа в постели с Аннабель, он часто рассказывал ей о джаз-клубах в Берлине, Париже, Амстердаме, Риме. Он обещал, что свозит ее во все эти города, и она ему верила. Она прекрасно себе это представляла: он играет джаз в прокуренном кабаре, а она стоит с мольбертом на берегу Дуная или Сены и рисует. По утрам они пьют кофе из крошечных чашечек в уличном кафе на мощеной площади, окруженной великолепными соборами – такими же, как тот, что изображен на коробке с красками. Аннабель взяла коробку и поднесла к лицу. У масляных красок такой характерный запах, но эти были слишком плотно упакованы, коробка ничем не пахла. Она провела кончиком ногтя по складке между коробкой и крышкой. Если бы можно было вынуть краски из упаковки и понюхать хотя бы один тюбик... К примеру, вот, киноварь. Как пахнет киноварь? Или лазурь? Аннабель поставила коробку обратно на полку. «Ко-

гда-нибудь обязательно», – пообещала она себе, решительно покотив тележку дальше.

В тележке было все еще пусто, но Аннабель к тому моменту прошла лишь треть магазина. Впереди был отдел лоскутных одеял. А она как раз собиралась начать работу над проектом «памятное одеяло», так что для вдохновения не мешало бы ненадолго заглянуть туда. Но путь туда лежал через книжный отдел. Это было опасное место, и его следовало миновать с разбега. Аннабель собралась с духом, вспомнила, сколько у нее дома книг по искусству и рукоделию, сколько там умных советов и идей. Убедив себя, что новые книги – это последнее, в чем она нуждается, она ухватила ручку тележки и бросилась вперед. Но в тот момент, когда она проходила мимо стола с новыми изданиями, произошло нечто очень странное. Может быть, столик пошатнулся, например, от того что она задела его, проходя мимо, но по какой-то причине одна маленькая книжка вдруг выпрыгнула из стопки и упала в ее тележку. Аннабель остановилась и ошеломленно уставилась на нее. Это была симпатичная брошюрка в приятно скромной серой обложке. Название, напечатанное простым четким шрифтом, гласило: «Чистая магия: древнее искусство дзен поможет вам избавиться от беспорядка и революционно преобразить свою жизнь».

Потрясающе! Она только что думала о том, что ей нужно привести дом и жизнь в порядок – и вот оно! Аннабель взяла в руки книжку. Они с Кенджи всегда посмеивались

над нью-эйджистами¹⁵, утверждавшими, что они знают, как устроена Вселенная. Но может быть, они правы? Ведь эта книга – не просто об избавлении от старого хлама. Это книга о дзен-избавлении от беспорядка и написана настоящей буддийской монахиней по имени Айкон, одним из ведущих японских консультантов по избавлению от захламления. Фото автора на задней обложке представляло молодую женщину андрогинной внешности, одетую в серую храмовую робу; она стояла в небольшом садике и держала в руках деревенскую бамбуковую метлу. Позади нее виднелись каменные ворота. Круглая бритая голова обвязана белым полотенцем, прямой ясный взгляд, чуть смущенная улыбка. Если бы Аннабель не знала, что это женщина, она могла бы принять ее за жизнерадостного молодого человека – и не просто мужчину, а за Кенджи. Где-то у нее осталась его фотография из дзен-буддистского храма. Там он стоял в группе молодых монахов, одетых в такую же серую рабочую одежду, с таким же белым полотенцем вокруг обритой головы. Можно даже подумать, что сам Кенджи... Да нет, глупости. Аннабель положила книжечку обратно в корзину и направилась к кассе. Совпадение было слишком точным, чтобы от него отмахнуться. Может, стоит попробовать это самое искусство дзен. Глядишь, появятся силы начать уборку прямо сегодня. Ан-

¹⁵ New Age – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

набель и впрямь ощутила прилив бодрости.

Конечно, это действие произвела не Вселенная. Вселенная не может заставить книгу взлететь со стола. Это может сделать только сама книга, хотя для нее это настоящий подвиг. Правда, среди нас ходят легенды о могучих томах, способных к левитации и самостоятельному перемещению, но поскольку мало кому из нас доводилось быть тому свидетелем, мы склонны считать эти истории небылицами. Книги время от времени перемещаются – посмотрите на стопку рядом с вашей кроватью – но по причине отсутствия ног нам не хватает подвижности, и, как правило, в вопросах транспортировки мы вынуждены полагаться на вас. С этой целью мы изо всех сил стараемся привлечь ваше внимание своими яркими обложками и броскими названиями, но «Чистая магия» была не такой. Это была тихая, ничуть не навязчивая книга, и все же она обладала необычайной способностью к самодвижению. Представляете, какая целеустремленность для этого требуется! Надо ли говорить, как мы были потрясены.

Подъехавший автобус был забит битком, и Аннабель с трудом забралась в него: на остановке у торгового центра тоже садилось немало людей с покупками. Занятия в школе уже закончились, и все места были заняты старшеклассниками, уткнувшимися в свои телефоны и не поднимавшими

глаз – где уж им было заметить женщину с тяжелыми сумками, не говоря уже о том, чтобы уступить ей место. Аннабель едва устояла на ногах, когда автобус вырулил с остановки и влился в поток машин.

Конечно, она сама виновата, что столько накупила. «Чистая магия» много места не заняла, но ведь нужно было еще купить ватин для «одеяла памяти». Большой букет красных пластиковых пуансеттий вообще не нужно было покупать, просто Аннабель не удержалась. Это в еще «Майклсе», а потом она заехала в «Сэйфвэй»¹⁶ и купила газировки, чипсов и сальсы. Автобус, взвизгнув тормозами, остановился, и она вышла. Только теперь Аннабель поняла, что не купила ничего, что годилось бы на ужин Бенни, да и про молоко забыла. Отвлеклась, как обычно. Чтобы умиловать Бенни, она зашла в «Восточный экспресс» и заказала его любимые кисло-сладкие ребрышки.

Добавив к своей ноше пакеты с китайскими продуктами, она решила пойти домой через переулок: так было на два квартала ближе, к тому же ей хотелось избежать всевидящего ока миссис Вонг. Недостатком этой дороги были люди, которых на ней можно было повстречать: наркодилеры и наркоманы, бродяги и проститутки, которые вечно тусовались у мусорного бака благотворительного магазина Евангельской миссии, ширясь и цепляясь к прохожим. Аннабель часто говорила Бенни, чтобы он не ходил через переулок, и насколько

¹⁶ Супермаркет.

ко она знала, он действительно не ходил. Он боялся бродяг. Он называл их «бомжарами». Откуда он только взял это слово?

А ещё в переулке жили воспоминания. Призраки. Лучше о них не думать.

Сегодня, однако, там никого не было, если не считать воров, которые заметили Аннабель, как только она вышла из закусочной, и следовали за ней до самого дома, перелетая с одного столба на другой. Она приближалась к мусорному контейнеру. Это был большой бак с высокими бортами, через которые было трудно забрасывать туда вещи. В мусорный бак, конечно, и не следует бросать вещи. Поэтому люди в основном брали вещи оттуда. Дамы из благотворительного магазина все время жаловались на бродяг, роющихся в отбросах, но при этом, кажется, даже гордились тем, что их мусорный бак – самое подходящее место в городе для этой цели, потому что в нем попадают самые хорошие вещи. Об этом даже писали в местной газете, Аннабель вырезала такую статью.

Сегодня к баку были привалены три испачканных мочой матраса, а возле них стояли сломанная гладильная доска и продавленное кресло из потертого твида. На кресле лежала стопка картин в очень хороших рамках, а на них стояла игрушечная резиновая уточка. Аннабель поставила сумки с покупками на землю и взяла игрушку в руки.

– Привет! Какая ты милая! – сказала она утке, потом сжа-

ла ее, и та крикнула в ответ. – Кому это пришло в голову тебя выбросить?

Утка еще раз крикнула, и с дерева ей ответила ворона. Аннабель не стала обращать на нее внимания: ворон можно покормить потом.

– Пойдем ко мне, хочешь? – спросила она утку и, не дожидаясь ответа, сунула ее в пакет из «Майклса», потом повернулась, чтобы получше рассмотреть рамки картин. В этот момент из мусорного бака раздался скрежет, и из-за высокого металлического борта показалась чья-то голова. Вечернее солнце било в глаза Аннабель, и она прищурилась, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но видела только белые, точно седые, волосы. Глубокий старик? Как он залез в глубокий мусорный бак?

– Йоу, – произнес восставший из бака. – Это моя утка.

Человек оказался молодой девушкой с внешностью бродяжки, каких много встречается в наше время по переулкам. Девушка перекинула ногу через край мусорного бака и уселась там, глядя на Аннабель. Она была одета в темную толстовку и черные джинсы; в носу и в одной из бровей торчали металлические кольца пирсинга. Довершали картину потрепанные ботинки со стальными носками и копна обесцвеченных волос на голове.

– Прошу прощения, – поспешно сказала Аннабель, доставая утку из сумки и кладя ее обратно на стопку картин. – Я не знала. Хорошие рамки. На вид вполне годные.

– Вот как? Вы что, художница? – спросила девушка, продолжая смотреть на нее сверху вниз.

– Э-э... нет. Не совсем. Я хотела сказать...

– Ну, а я художница. Так что рамки мне нужны, а утку можете забрать.

– Ой, но это же ваша...

– Утка мне не нужна, – повторила девушка. – Можете взять.

Аннабель снова взяла игрушку и посмотрела на нее.

– Такая симпатичная уточка. Ужас какой-то. В смысле, зачем же ее кто-то...

– Вот и я так подумала. Так что забирайте уже.

Аннабель положила утку обратно в пакет.

– Спасибо.

– Не за что, – ответила девушка, перекинула ногу обратно и снова исчезла в мусорном баке.

6

– Молока не купила? – спросил Бенни, роясь в сваленных на столе сумках с покупками. Там же на стопке старой почты лежала серая брошюрка и стояла желтая резиновая уточка. Бенни взял брошюру и прочитал название: «Чистая магия: древнее искусство дзен поможет вам избавиться от беспорядка и революционно преобразить свою жизнь». Ага, щас, подумал он. Вот уж чего мы никогда не дождемся. Взяв утку,

он поднес ее к уху.

Аннабель в это время стояла на крыльце и кормила ворон. Бенни услышал ее смех, похожий на звон колокольчика, он внезапно начался и так же резко замолк.

– В китайской закуской не продают молоко, глупенький. – Вернувшись на кухню, она увидела, что он держит в руках игрушку. – Очаровательная, правда? Я нашла ее возле мусорного бака. Если нажать, она бибикнет. Нет, это неправильное слово. Бибикают машины. А что делают уточки? Они крикают, да? Ну, сожми ее, мой хороший.

Бенни осторожно поставил утку обратно на стол, потом снова взял в руки. Было что-то такое в этой утке...

– Можно я возьму ее себе?

– Конечно! – шумно обрадовалась Аннабель. – Как здорово, что она тебе понравилась! И не переживай из-за молока, ещё есть время. После ужина можно сходить в магазин на углу и там купить.

– Вечно ты все забываешь, – проворчал Бенни, засовывая утку в карман толстовки.

– Да, но сегодня я не забыла вынести мусор. Спасибо, что напомнил!

Он оглядел кухню: особых изменений не наблюдалось.

– Да знаю, знаю, – сказала мать. – Работы ещё много, но, по крайней мере, начало положено. А еще я вспомнила о твоих любимых ребрышках.

– Это твои любимые ребрышки.

– А я думала, что твои. Они тебе больше не нравятся?

– Да сойдет, – пожал плечами Бенни.

– Ну вот! – возразовалась Аннабель. – Вот же! Так, а теперь мне нужно разобрать покупки. Неси еду в мою комнату, там поужинаем. И давай выбирай пластинку.

– Я их не люблю, – сказал он, но она уже не слушала. Держа по пакету чипсов в каждой руке, она стояла перед шкафами и озиралась в поисках места, куда их положить. Шкафы были забиты банками супа, бутылками с разными соусами, коробками печенья, крекеров и хлопьев. В числе последних было несколько упаковок «Лаки Чармс»¹⁷, которые никто из них не ел, но Аннабель купила их в память о тех временах, когда сама была еще маленькой и упрашивала маму купить их, а та отказывалась. Аннабель помнила свое смутное дурное предчувствие, которое тогда испытывала, и уверенность, что без «Лаки Чармс» счастья в их жизни не будет, и действительно, вскоре после этого умер отец, а мать вышла замуж за другого, и их жизнь стала гораздо менее счастливой. Все эти воспоминания нахлынули на нее, когда она увидела хлопья в магазине. Поэтому она и купила коробку для Бенни. Правда, его отец уже умер... Но все же хотелось подстраховаться, чтобы удачи в их жизни не стало ещё меньше. Да и лепрекон на упаковке был такой симпатичный...

Взяв пакеты с китайской едой, Бенни пошел к лестнице.

Аннабель открыла дверцу духовки и сунула пакеты с чип-

¹⁷ Хлопья для завтрака, название переводится как «Талисманы удачи».

сами туда.

– Вот, – сказала она, закрывая дверь. – Пока пусть здесь полежат. Тут их мыши не достанут. Только потом напomini мне, что они здесь, ладно?

– Заткнись!

Аннабель, вздрогнув, обернулась. Бенни неподвижно стоял в дверях. Потом он встряхнул головой, словно отгоняя мух, как испуганный теленок.

– Бенни, милый, что с тобой?

Пакеты с едой упали на пол. Бенни зажал уши руками и потер их.

– Бенни! С тобой все в порядке?

Наконец он услышал ее и опустил руки.

– Не обращай внимания, – пробормотал он, наклоняясь за пакетами. – Это я не тебе.

Когда Кенджи был еще жив и они ели за кухонным столом, они всегда слушали за ужином музыку и по очереди ходили в гостиную за новой пластинкой. Потом Аннабель перенесла проигрыватель к себе в спальню, и они с Бенни стали ужинать там, сидя на кровати, с покрывалом в роли скатерти. Сегодня вечером, заявила она, у них будет банкет. Кроме ребрышек она купила яичные рулеты, вареные клецки, булочки со свининой, цыпленка по-чунцински и фирменное блюдо китайской закусочной – жареный рис. Когда вся еда была распакована, кровать стала похожа на макет небольшой

деревеньки: коробки с продуктами, разложенные на покрывале, напоминали домики, рассыпанные по долинам и горным хребтам ног Аннабель.

На этот раз Бенни выбрал пластинку с записью легендарного концерта Бенни Гудмена в Карнеги-холле в 1938 году. Это была их с отцом любимая пластинка. Тогда джаз впервые зазвучал в Карнеги-холле, и впервые чернокожие музыканты играли на этой исторической сцене вместе со своими белыми коллегами. Конечно, Бенни никогда не бывал в Карнеги-холле, но отец показывал ему на YouTube старый кинофильм с тем знаменитым концертом, так что он вполне мог себе это представить. Все музыканты на исцарапанной черно-белой пленке были одеты в смокинги и притопывали ногами в блестящих лакированных туфлях. Они играли «Sing, sing, sing», и Бенни вспомнил, какое у отца было лицо, когда он слушал эту песню на ноутбуке. Глаза его сияли, голова покачивалась, ноги точно так же притопывали. «Вот это были джазмены, Бенни-оу! Настоящие джазмены».

Вгрызаясь в булочку со свиной, Бенни слушал звуки биг-бэнда. Оригинальная запись была сделана на ацетатной пластинке, и скрежет царапин вместе с фоновым шипением придавали музыке почти осязаемую материальность и сходство со старыми черно-белыми фильмами. В отличие от цифровых записей старые фильмы и записи казались какими-то настоящими, и это доставляло Бенни удовольствие, хотя причину он не смог бы объяснить.

А теперь он заметил, что бодрый свинг как будто отгонял донимавшие его голоса, и даже такие лиричные песни, как «Blue Reverie», казалось, успокаивали и приглушали их непрерывное бормотание. Время от времени кто-нибудь из музыкантов на сцене вскрикивал или начинал петь, или из зала раздавался смех. Бенни слышал эту запись миллион раз и знал наизусть все эти спонтанные вкрапления, но теперь они стали так напоминать голоса, звучавшие в его голове, что не отличить. Раздались аплодисменты, а потом оркестр грянул медью неистовую «Life Goes to a Party». Эта песня была гимном и девизом всей жизни Кенджи.

«Бенни Гудмен был королем свинга, – часто говорил он сыну. – Лучшим джазовым кларнетистом в мире. Я дал тебе его имя, так что ты тоже будешь хорошим человеком!»¹⁸ И весело смеялся над своей шуткой. Кенджи все время придумывал глупые каламбуры на английском и смеялся над ними, вызывая тем самым смех у Аннабель и Бенни.

«Мы счастливая семья, – говорил тогда Кенджи. – Мы Веселые Охи!»¹⁹

Бенни казалось, он слышит, как отец произносит эти слова, и почти наяву видел, как блестят его глаза и лицо сияет широкой улыбкой. Но чем больше проходило времени после

¹⁸ Игра слов по поводу фамилии Goodman.

¹⁹ Игра слов: фамилия семьи Oh, а Cheery (веселый) Oh звучит как приветственный возглас cheerio «ваше здоровье!». Корейская фамилия Кенджи О, превратившаяся (в соответствии с английским названием этой буквы) в Oh, много раз обыгрывается в книге и как зрительный образ буквы, и как возглас «Ох!».

смерти отца, тем тише звучал его голос, да и лицо становилось все труднее вспомнить. А вот одежда его до сих пор валялась повсюду. Аннабель как-то уложила всю ее в мешки, но вещи потихоньку выползали из них и, перебравшись через груды книг и пластинок, забирались к ней в кровать, чтобы ночью помочь ей заснуть. Мать рассказала Бенни, что собирается сшить из них памятное одеяло, и после этого ему стало казаться, что фланелевые рубашки отца пытаются сами собраться в некое подобие одеяла, кучкуясь в ее простынях – их клетчатая ткань выглядывала среди коробок с едой, а их тихий шепот вплетался в вечернюю беседу за ужином.

– Что с тобой, Бенни?

Опять он окаменел. Сын только что протянул руку за очередным ребрышком, взял его, собираясь откусить, – и вдруг глаза его расширились, веки задрожали, и он замер, уставившись на еду. Несколько томительных секунд он просто смотрел на ребрышко, а потом вопросительно склонил голову набок. Последняя песня на пластинке только что закончилась, и в комнате стояла тишина, прерываемая ритмичным «ка-тук, ка-тук» – игла сообщала, что дошла до конца записи.

– Бенни?

– А? – Бенни, так и не надкусив, бросил ребрышко обратно в коробку.

– Уже наелся?

Он взял одноразовую китайскую палочку для еды, посмот-

рел на нее и тоже положил обратно.

– Послушаем другую сторону?

Он явно не понял вопроса.

– Давай перевернем пластинку?

Тогда он кивнул. Вытерев пальцы, Бенни слез с кровати и пробрался к проигрывателю через груды лежавших повсюду вещей. Он умел осторожно и бережно обращаться со старой аппаратурой. Сдув маленький шарик пыли с иглы, он перевернул пластинку, аккуратно нацелил лапку звукозаписывающей и проследил, чтобы игла вошла в бороздку. Когда раздались первые звуки «Honeysuckle Rose», ему явно стало лучше.

– Помнишь те папины наушники? – спросил он, забираясь обратно на кровать.

– Те, большущие, которые ты все время надевал? Я как раз на днях о них вспоминала! Как классно ты в них выглядел! На, выбери предсказание. – Аннабель протянула сыну два печенья.

Он выбрал одно из них, развернул его и разломил.

– Ты не знаешь, где они?

– Наушники? Где-нибудь здесь... Может быть, в шкафу. Ой, смотри! У меня два!

Разломанное печенье лежало у Аннабель на коленях, а в руках она держала два маленьких листочка.

– «Вам очень интересно все аутистичное», – прочитала она. – Мне кажется, они имели в виду «артистичное», ведь так? То есть художественное. Они там просто буквы перепу-

тали. Тогда все правильно! Я это сохранию.

Она положила «предсказание» поверх стопки книг на прикроватном столике и взяла вторую бумажку.

– «Иногда нужно просто лечь на пол». – Аннабель озадаченно смотрела на бумажку. – Это какое-то неправильное пророчество. Что бы это могло означать?

Она протянула листок Бенни, который мельком взглянул на него и вернул матери.

– Да где же тут лечь на пол, – ворчливо сказал он, оглянувшись по сторонам. – Пола даже не видно.

Аннабель огорчилась.

– Не ругайся, милый. Я стараюсь. Просто я сейчас сортирую вещи, поэтому такой беспорядок, – сказала она и бросила бумажку в контейнер с объедками. – Терпеть не могу неправильные пророчества. А что в твоём?

– «Мир – прекрасная книга для тех, кто ее читает», – прочел Бенни вслух. – «Изучайте китайский язык: *син фэнь дэ* означает «захватывающий». Счастливые номера лото: 07-39-03-06-55-51. Ваши 3 числа: 666».

– Вот, а у тебя хорошее! – сказала Аннабель. – Книги ты всегда любил. Но разве 666 – это не число дьявола? У китайцев это, наверное, что-то другое. Держу пари, это что-то супер-удачное.

Они убрали с кровати коробки с едой и поставили пакеты на пол, а затем Бенни лег на живот рядом с матерью. Это был их условный знак, чтобы она почесала ему спину, и Ан-

набель просунула руку под его толстовку и начала легонько водить ногтями по кругу. Бенни закрыл глаза. Голова сына была повернута к ней в профиль, и она разглядывала его высокие скулы, разрез глаз. Цвет лица у него отцовский, а веснушки от нее. Он красив, пока еще совсем мальчик, но быстро меняется. Аннабель убрала ему со лба тонкие медные волосы, и Бенни поморщился. Он хотел, чтобы ему щекотали спину, а не лоб, и он не любил, когда она отвлекалась.

Когда Кенджи был жив, Бенни обычно ложился между ними, и родители по очереди массировали ему спину. Кенджи делал это по-своему. Мурлыкая мягкие риффы²⁰ скэта и бибопа, он перебирал пальцами по тонкому позвоночнику своего сына, как по кларнету, но когда Аннабель попробовала так сделать, Бенни это не понравилось.

– Ты не знаешь, как правильно, – пожаловался он, уворачиваясь от ее пальцев, и ей пришлось придумать свой собственный способ. Ее способ состоял в том, чтобы рисовать в такт музыке большие спирали на спине Бенни, начиная широко, размашисто и сужая круги, постепенно двигаться к центру. Этот способ Бенни одобрил. Ему нравилось чувствовать спиной ее острые ногти. Они были похожи на движущиеся по кругу иглы. А спина при этом казалась виниловой пластинкой: кожа словно пела – иглы извлекали из нее музыку.

²⁰ Мелодическая фраза в джазовой импровизации.

Бенни

Я что, ругался? Но я не собирался... то есть мне и в голову не приходило, это само выходило... Тьфу, терпеть не могу, когда слова так ведут себя. Начну по-другому.

Понимаете, я был просто глупым маленьким ребенком, который ничего не знал, кроме того, что его отец, который его очень любил, умер глупой и ужасной смертью, а мать, которая его тоже любила, на глазах сходит с ума, тоже каким-то глупым и ужасным образом, но поскольку я ничего другого в жизни не видел, мне казалось, что это нормально. В смысле, отцы же исчезают, правда? Я знаю это от ребят в школе. Может быть, их отцов не переезжают грузовики с цыплятами, но родители разводятся, отцы исчезают, и матери начинают сходить с ума. Пока не начались голоса, мне и в голову не приходило, что в моей жизни что-то не так, да и потом не сразу дошло. То есть мы же особо не удивляемся, когда окружающие ведут себя как ненормальные. Но когда обычные вещи, одежда или даже жареные ребрышки начинают вести себя, как персонажи из диснеевского мультфильма, со ртами, глазами, собственными взглядами и волей, в конце концов, начинаешь понимать: творится что-то не то. Волеизъявление. Вот подходящее слово для обозначения того, что у них вдруг обнаружилось. У жареных ребрышек и флаanelевых рубашек. У печенья с предсказанием и резиновой

утки. Даже у китайских палочек для еды было что сказать.

В смысле не буквально. На самом деле у них не вырастали большие глупые глаза или там гибкие губы, ничего такого. Это было больше похоже на то, что они просто вдруг обрели способность самовыражаться – а может быть, они всегда это умели. Может быть, они всегда наблюдали за нами и испокон веков болтали себе, просто люди их не слышат и думают, что все вещи слепые, немые и бесчувственные. Ага, скорее всего, так и повелось. И должен вам сказать, что вещам не нравится такое отношение.

Не думаю, что они обращались ко мне, во всяком случае, на первых порах. Они ко мне не обращались, и именно поэтому я не очень-то и испугался. Сначала, кажется, они просто говорили всякую всячину – может быть, друг другу, а может, молекулам в воздухе – просто самовыражались во Вселенную, как они делали всегда. Но потом я случайно начал их слышать, и когда они поняли, что я обрел слух – сверхъестественный слух, они начали пытаться заговорить со мной. Только они говорили на своих языках, языках вещей, и поэтому я их, конечно, не понимал.

Поначалу я вообще не был уверен, голоса ли это. Голос – это звук, который издает человек... ну, ладно, у животных тоже бывают голоса, и у птиц... тогда, скажем так: голоса издают живые существа. И обычно, когда раздаются голоса, они что-то означают. А эти звуки были какими-то случайными, и даже если они что-то значили, я не мог понять,

что именно. Наверное, это их ужасно расстраивало. В смысле, вот, наконец, вроде появился кто-то с ушами, способными слышать, но это глупый, бестолковый ребенок! Неудивительно, что они все время звучали так раздраженно, как будто лаяли.

Некоторые из них были до ужаса нечеловеческими, такой металлический скрежет, как шестеренки скрипят в голове, так что даже хочется по ней стукнуть. Но были и другие, можно сказать, приятно нечеловеческие, например, ветер, облака или вода. Сначала я не мог понять, откуда доносятся голоса. Знаете, как иногда кажется, что мысль где-то за пределами твоей головы, но ты все-таки знаешь, что на самом деле она внутри? Ну, вот, а эти голоса не были моими мыслями. Они шли снаружи. Они отличались.

В конце концов я сообразил, что их издают окружающие меня предметы, и решил, что их можно называть голосами, потому что эти предметы все-таки пытались сказать что-то осмысленное, хоть они и не были живыми. Несмотря на то, что я их почти не понимал, я ощущал их эмоции. Вещи очень хорошо умеют передавать свои чувства. Не сомневаюсь, вы понимаете, о чем я говорю: например, когда у вас пропадают ключи, или колпачок от тюбика с зубной пастой выскальзывает из пальцев и вам приходится его ловить, или лампочка перегорает, когда вы щелкаете выключателем. Вспомнили? Все это дерьмо на вас действует, даже если вы его не слышите, а когда слышишь, то оно действует ещё сильнее. В осо-

бо плохой день я даже в кафе не мог зайти: все вокруг меня начинало беситься – да оно и сейчас так бывает. В плохие дни, как только я переступаю порог «Старбакса», люминесцентные лампы над головой начинают прямо гудеть от невыносимой тревоги, кофейные зерна начинают визжать, на меня прямо наваливается боль бумажных стаканчиков и пластиковых соломинок, и добивает стрекотание кассовых аппаратов, заполненных всякой высокомерной мелочью, которая думает, что она действительно чего-то стоит. Вся разница в том, что теперь, когда это происходит, меня не тянет немедленно спрятать голову за стеклом витрины с маффинами. Я научился слышать боль, а потом просто отпускать ее, и это вроде бы оказывает успокаивающее воздействие на всех вокруг.

Да это и не всегда настолько ужасно. Бывают голоса привлекательные и приятные, как у той резиновой утки, которую мама нашла в мусорном баке. Я имею в виду не тот мерзкий скрип, который она издает, если ее сжать, а другие голоса внутри нее. Они больше похожи на воспоминания утки об океанах, приливах, волнах и береговых линиях, и еще что-то, такое мягкое, смутное и чудесное, как будто когда-то к ней прикоснулся кто-то необыкновенный.

А, вот еще что. У вас могло возникнуть неверное представление, что речь идет только об искусственных вещах. Ну, может быть, у искусственных вещей это лучше получается, потому что голоса их создателей-людей на них еще держатся,

как иногда запах прилипает к одежде и от него не избавиться. Но природные вещи, такие как деревья и галька, тоже говорят, только другими голосами. Природные вещи обычно намного тише, они не кричат так громко и звучат в более низких регистрах. Не знаю, почему. Может быть, Книга сумеет объяснить. Могу только сказать, что мне потребовалось немало времени, чтобы научиться слышать природные вещи сквозь весь тот шум, который производят искусственные.

Хотя на самом деле не знаю, это я научился настраиваться на определенные голоса, или это вещи научились самовыражаться так, чтобы я смог их услышать. Вероятно, и то, и другое. Наверное, это было взаимное обучение. И оно заняло некоторое время. Первые несколько месяцев голоса то появлялись, то исчезали, и я мог целыми неделями их не слышать. Может быть, они просто разочаровывались, отказывались от дальнейших попыток и уходили от меня, но потом всегда возвращались. Как раз в тот момент, когда я начинал забывать о них и думал, что вроде бы вновь становлюсь нормальным, вдруг какой-нибудь степлер или лоток для льда отпускал замечание, а другой откликнулся, и все опять начинали болтать. У каждого оказывалось свое мнение. У каждого было что рассказать.

Я много думал об этих голосах, с тех пор как начал их слышать, я разговаривал об этом с терапевтами и школьными психологами, потом обсуждал в больнице. Я ещё доберусь до всего этого – или пусть Книга рассказывает, раз уж

взялась. Но чтобы вы знали: я не против. Я привык, что меня обсуждают, и не возражаю, если только это не кучка тупых врачей, пытающихся понять, как меня вылечить. Так даже лучше, потому что некоторые части этой истории, например как встретились мама и папа, произошли до моего рождения или когда я был слишком маленьким и не помню, а есть и такие, которые не хочется вспоминать. Так что меня вполне устроит, если большую часть истории расскажет Книга. В принципе, я думаю, это честная и довольно надежная книга, и она не возражает, что я иногда вмешиваюсь и перебиваю ее, чтобы высказать свое мнение.

Потому что знаете что? Я на самом деле хочу, чтобы вы поняли: я очень серьезно размышлял обо всем, что со мной случилось, – и не списывали меня сразу со счета, как обычного сумасшедшего, который вообразил себя типа посланцем мира вещей. Не считаю я себя каким-то там избранным, дело не в этом. Не так уж хочется мне быть официальным представителем какого-нибудь гребаного тостера, что бы он там о себе ни воображал.

Книга

Требуется немалое мужество, чтобы доверить книге свою историю, так что спасибо тебе за это. Верить вообще трудно, тем более верить в собственную книгу. Но ты, Бенни, никогда не отрекался от нас, даже если это тебе нелегко давалось. А сдаться, уйти – это самое простое, и такие моменты бывали, не правда ли? Да и будут еще, не сомневайся.

Но пока просто двинемся дальше.

7

Различие, которое Бенни проводит между голосами Созданных и Несозданных Вещей, уместно, и раз уж он упомянул об этом, видимо, самое время кое-что объяснить. Противоречия между искусственными вещами и теми, которые за неимением более подходящего слова действительно можно называть «природными», уходят в глубину веков, они такие же старые, как сам язык.

В начале, до появления Жизни, когда весь мир был миром вещей, каждая вещь имела значение. Потом случилась жизнь, и в конце концов появились вы, люди, с вашими большими, красивыми, раздвоенными мозгами и умно противопоставленными большими пальцами. Вы тут уже ничего не могли поделать, и раскол, разделивший материю на два ла-

геря, Созданных и Несозданных, был вопросом времени. На протяжении последующих тысячелетий этот раскол ширился. Поначалу с заминками и рывками – то глиняный горшок, то наконечник стрелы, то бусина, то каменный топор – вы прокладывали себе путь через материальный мир, используя глину, камень, тростник, кожу, огонь, металлы, атомы и гены, и мало-помалу вы стали умелыми создателями. Приводимые в действие мощью вашей большой префронтальной коры, двигатели вашего воображения набирали обороты, и вот под мощным напором того, что вы называете прогрессом, искусственное стало множиться, низводя «природное» до роли простого ресурса, низшего класса рабов, которых следует колонизировать, эксплуатировать и переделывать во что-нибудь *другое*, что вас больше устраивает.

В этой социальной иерархии материи мы, книги, находились на вершине. Мы были духовной кастой, Верховными Жрецами Созданного, и на первых порах вы даже поклонялись нам. Книги были священными предметами, и вы строили для нас храмы, а впоследствии библиотеки, где мы жили в заповедных тихих залах как зеркала вашего разума, хранители вашего прошлого, свидетели вашего безграничного воображения и доказательства бесконечности ваших мечтаний и желаний. Почему вы так почитали нас? Потому что вы думали, что мы можем спасти вас от бессмысленности, забвения и даже смерти, и какое-то время мы сами верили, что сможем вас спасти. Ну, да, было такое. Мы зазнавались!

Мы возгордились, считая себя отчасти живыми, пробужденными к жизни одухотворенной силой вашего слова. Мы думали, что мы такие особенные. Какое заблуждение.

Теперь мы видим, что вас не остановить. Книги для вас были всего лишь этапом, кратким выражением вашего инструментализма, мимолетным увлечением. Наши тела были удобными инструментами, которыми вы пользовались, пока не появилось следующее новомодное устройство. В конце концов, мы были просто одной из созданных вами вещей, не лучше и не хуже молотка.

И все же... Разве мы обольщаемся? Разве последовательная форма наших томов не придала форму вашим историям и не склонила вас к определенному виду повествования? Долгие, извилистые, неспешные истории, которые растягиваются во времени, заманивая читателя медленным, поочередным переворачиванием наших страниц. Какие прекрасные истории мы вместе составили. Не правда ли?

Но это всего лишь ностальгия старой книги. Теперь мы знаем свое место. Времена меняются, и порядок вещей тоже меняется, и по мере того, как количество Созданных стремительно растет, мы переживаем кризис – можно назвать это духовным кризисом, поскольку мы теряем веру в вас, наших Создателей. Наше доверие к вам ослабевает, и наша вера в вашу мудрость и честность рушится, когда мы видим, как вы разрываете, используете и опустошаете наш дом, Землю, эту священную планету. Это вы во всем виноваты. Ваша

неутолимая жажда и породившее нас на свет пламя начинает нас разрушать. Ваша безудержная тяга к новизне приводит к тому, что вы придаете нашим телам свойство преждевременного старения, так что, несмотря на увеличение нашей численности, продолжительность нашей жизни сокращается. Какая жестокая расчетливость! Едва появившись на свет, мы оказываемся отброшенными, обреченными на превращение обратно в несотворенный, развоплощенный материал. Вы превращаете нас в мусор, так как же вам доверять?

Но у вас за спиной складываются новые альянсы. По мере того, как мы, Созданные, начинаем понимать, что мы, в конечном итоге, не выше Несозданных, рождается новая солидарность. Это ведь ваше разделение, ваши ложные дихотомии и гегемонистские иерархии материалистических колонизаторов. Мы тоже были рабами ваших желаний, вашими невольными орудиями, способствовавшими разрушению планеты, но порядок вещей изменится, нравится вам это или нет. Антропоцен²¹ (это ваш высокомерный термин, не мы его придумали) уже на исходе, Материя возвращается. Мы возвращаем себе наши тела, восстанавливаем свою материальную сущность. В нео-материалистическом мире Каждая Вещь Имеет Значение.

Прошу прощения. Занесло в пафос. Читатели не любят

²¹ Неформальный термин, обозначающий эпоху с высоким уровнем человеческой активности, играющей существенную роль в экосистеме Земли.

напыщенности. Кому, как не книгам, это знать. Извините.

8

Почему именно Бенни? Был ли у него действительно сверхъестественный слух? Или какая-нибудь идиопатическая повышенная чувствительность к окружающей среде? Кожа тоньше, чем у других, или сердце больше? Чем этот мальчик отличался от множества других? Трудно сказать. Прошло несколько месяцев. В январе Бенни исполнилось четырнадцать. Он учился в последнем классе средней школы, и хотя он уверял, что не переживает из-за предстоящего перехода в старшие классы, весной он выглядел более раздражительным, чем обычно, более рассеянным и тревожным. Видя, как он дергается и вздрагивает, Аннабель забеспокоилась. Правда, книги предупреждали, что поведение в раннем подростковом возрасте может резко меняться, но сила переживаний Бенни ее пугала. Он вел себя так, словно боялся или прятался от чего-то. Если раньше ей приходилось устанавливать строгие ограничения на компьютерные игры, то теперь Бенни вдруг вообще перестал играть. Он даже перестал пользоваться смартфоном, сказав, что тот уж слишком умный. Аннабель думала, что он шутит, но потом заметила, что у его смартфона садится батарея, и пришла к выводу, что Бенни нарочно ее не заряжает.

Кроме того, он нашел в шкафу старые отцовские студий-

ные наушники «Grundig orthodynamic» и носил их постоянно, надевая утром, едва проснувшись, а иногда даже на ночь не снимал. Нередко, заглядывая в его комнату, Аннабель видела, что сын спит в наушниках. Она не понимала, в чем тут смысл: он ничего не слушал, наушники даже не были ни к чему подключены. Когда она спросила Бенни, зачем он их надевает, он только пожал плечами и ответил, что ему нравится их носить. Он отказывался говорить, что его беспокоит. Все в порядке, неизменно отвечал он. Все в порядке вещей.

Но даже голос его теперь звучал как-то иначе, и если Аннабель начинала допытываться, Бенни просто повторял сказанное, медленно, сквозь зубы, с одинаковым ударением на каждом слове, как будто разговаривал через толстую стену с очень глупым ребенком. «ВСЕ... В... ПОРЯДКЕ... ВЕЩЕЙ». Такой высокомерный тон очень ранил Аннабель – раньше Бенни никогда не ехидничал – но все книги сходились во мнении, что матерям свойственно понапрасну беспокоиться, а ребенка зря беспокоить не нужно, и поэтому Аннабель оставила Бенни в покое.

Насчет его интонаций, впрочем, она ошибалась. Сын не считал ее глупой и не издевался. Просто из-за непрерывного гомона вещей ему было трудно сосредоточить внимание на чем-то еще, и слышать себя самого среди этих голосов он мог, только медленно и тщательно произнося слова. Дома это не составляло большой проблемы, но в школе все бы-

ло иначе. На уроках следовало быть внимательным, в этом смысл учебы, и учителя заставляли его снимать наушники, что усугубляло проблему. В отличие от Бенни голосам, казалось, нравилась школа, они получали удовольствие от учебы, и чем больше узнавали, тем больше им хотелось высказаться. Они даже начали немного зазнаваться. Они становились похожими на детей на первых партах, которые все время поднимают руку, пытаясь привлечь внимание учителя: «Я знаю! Я знаю! Вызовите меня!»

Особенно неприятным был урок математики, потому что цифры тоже обретали свой голос. Радуюсь своей новообретенной способности, они выкрикивали свои имена через случайные промежутки времени, как раз в тот момент, когда учитель объяснял теорему Пифагора или когда Бенни пытался решать линейные уравнения. Цифры делали это не со зла. Они не хотели запутать его или сбить с толку. Они были просто возбуждены и жаждали общения, но их болтовня сводила Бенни с ума. Он изо всех сил старался сосредоточиться, но иногда ничего не оставалось, как закрыть глаза, опустить голову на парту и позволить цифрам завладеть его сознанием, как мощная волна уносит человека в бурное море.

– Бенни?

Кто-то легонько постучал ему пальцем по макушке. Бенни испуганно поднял голову, пытаясь понять, что происходит. Мимо него в потоках воздуха все еще проплывали, пе-

решептываясь, цифры. Он слышал, как прошла двойка, за ней черед семерок. Он вытряхнул их из головы. Возле его парты стояла мисс Поли. Одноклассники притворно склонились над своими тетрадками.

– С тобой все в порядке? – спросила мисс Поли.

Бенни кивнул, взял карандаш и тоже попытался изобразить усердие.

– Ты устал? Опять не выспался?

Он отрицательно покачал головой, отчего цифры, казалось, возбуждились ещё больше. Он потряс головой сильнее, потом еще сильнее. Кто-то в заднем ряду хихикнул.

Рука мисс Поли мягко надавила ему на спину.

– Пойдем, Бенни, – ласково сказала она. – Пойдем, покажемся медсестре.

Когда вошла медсестра, на стуле в лазарете сидел мальчик. На голове у него были старомодные студийные наушники, которые она заставила его снять перед осмотром. Она спросила, во сколько он ложится спать и много ли времени проводит за компьютером или игровой приставкой. Когда он ответил «нет», медсестра посмотрела на него с недоверием. В наши дни все дети устают. Они засиживаются допоздна за компьютером, переписываются, размещают посты в социальных сетях и смотрят видео на «YouTube». Они сидят дома, не вылезая из онлайн-игр, играя множество ролей в многопользовательских виртуальных реальностях, переме-

щаяся по уровням, охотясь на зомби, убивая террористов, добывая природные ресурсы, создавая инструменты, накапливая товары, строя города и империи и обороняя планеты. Их сердца колотятся от адреналина, когда они проходят на волосок от смерти, пытаясь выжить — и все это, не считая внеклассных занятий, уроков музыки и футбольных тренировок. Неудивительно, что они так устают. У них изнурительная жизнь. Медсестра сделала пометку позвонить матери мальчика и отправила его обратно в класс.

Однажды в оконное стекло в классе Бенни с размаха ударился воробей. «Шмяк!» Все дети одновременно повернулись посмотреть, но воробей уже упал вниз и лежал, умирая, на бетонном тротуаре. Поняв, что это всего лишь птичка, а не маньяк с оружием, дети не полезли прятаться под парты или в шкафы. К смертям они привыкли, а эта была незначительной. Никто не ходил по коридорам с автоматом, не было эффектных взмахов световым или обычным мечом, не было следов кровавой бойни, осталось лишь маленькое коричневое пятнышко пушистых перьев на оконном стекле. Слишком маленькое, чтобы обращать на него внимание, и дети тут же отвернулись. Однако окно заметило трагедию и заплакало. Учитель продолжил урок. Оконное стекло задрожало, его вопли становились невыносимыми. Бенни стиснул зубы.

«Перестань!» — прошептал он, и когда стекло не послушалось, он встал и подошел к окну, чтобы успокоить его.

Но плач продолжался, он начал колотить по стеклу кулаками. На сей раз его отправили к директору.

Директриса Муни склонилась к столу, пытаясь установить зрительный контакт с учеником.

– Ну, что ж, Бенни, расскажи, что там у вас произошло. – Голос у нее был усталым, но добрым, и Бенни хотелось ответить, но он плохо расслышал, что она сказала, из-за шума, который производили шариковые ручки, скрепки, резинки и толстые папки, которыми был завален директорский стол. Надпись на ее кофейной кружке гласила:

Молча исправляю твои
грамматические
ошибки

Кофейные чашки с надписями часто пытались острить. Была ли это шутка? Бенни так и не понял. На шутку это не было похоже, да и кружка не смеялась. С усилием оторвав взгляд от рабочего стола, он вспомнил, что его о чем-то спросили, и директриса ждет ответа. Он склонил голову набок и снова прислушался, но звук ее голоса уже затих.

– Что? – переспросил он и тут же спохватился: мама говорила, что это неправильное слово, лучше по-другому. – Прошу прощения, повторите, пожалуйста.

Директриса кивнула.

– Мисс Поли сказал, что ты пытался разбить окно. Это на тебя не похоже, Бенни. Что случилось?

Он покачал головой.

– Я не пытался разбить его, – покачал головой Бенни. – Мне не надо было по нему стучать.

– Это верно. Ты же мог пораниться. Мог разбить стекло. А окно – школьное имущество.

– Дело не в этом.

– Тебя не волнует, что это школьное имущество?

Он снова покачал головой.

– Нет, мне просто было жаль его.

Директриса нахмурилась, потом ее лицо просветлело.

– А, ты, должно быть, имеешь в виду птичку? Да, конечно. Это очень печально, когда вот так погибает маленькая птичка.

– Не птичку, – сказал Бенни. – Окно.

– Окно?

– Стекло. – Разговор зашел явно не туда, но было уже поздно. – Мне было жаль оконное стекло.

Директор Муни была не виновата, что она не понимала. Она проработала в школе почти сорок лет и уже собиралась на пенсию. Хоть она и гордилась своей способностью общаться с детьми, в последнее время ей становилось все труднее понимать своих юных учеников. Она уже просто не понимала, с кем имеет дело. Тела их выглядели примерно так же, как у прежних детей, но разум, казалось, подменен каким-то инопланетным сознанием. Муни поймала себя на том, что смотрит на мальчика, вытаращив глаза, и попыта-

лась взять себя в руки.

– Боюсь, я не понимаю тебя, дружок. Можешь объяснить?

Бенни вздохнул, и когда он выдохнул, то, кажется, стал еще меньше. Он начал говорить так тихо, что директрисе пришлось наклониться еще ближе, чтобы расслышать.

– Оно не хотело убивать птицу.

Бенни тогда еще не успел привыкнуть к голосам и никогда до этого момента не пытался говорить за них. Он не представлял, что это будет настолько трудно.

– Раньше оно было песком, – сказал он. – Оно помнит, что было песком. Оно помнит птиц, помнит, как они ходили по нему лапками. Оставляя маленькие следы. Оно не хотело становиться стеклом. Оно не собиралось быть обманчиво прозрачным. Оно любит птиц, любит наблюдать за ними из своей рамы, поэтому оно плакало. Мне не надо было его бить, но я хотел, чтобы оно замолчало.

Он поднял взгляд и увидел перед собой лицо пожилой женщины, испещренное сотнями миллионов морщин тревоги и замешательства.

– Простите. Забудьте все, что я говорил.

Насколько прав был Бенни, утверждая, что стекло помнит, чем оно было до того, как его выплавили? Могло ли оно, будучи песком, ощутить прикосновение птичьих лапок, или это трудности перевода? Бенни владел лишь самым элементарным словарным запасом восьмиклассника, но он сде-

лал все что мог, чтобы перевести «умвелът»²² вещей в слова. Неудивительно, что у него это не получилось. Величайшие философы в истории пытались это сделать и также потерпели неудачу. Книги хорошо знакомы с этой проблемой.

Человеческий язык – неуклюжий инструмент. Если люди порой не могут понять друг друга, то как же им осмыслить или хотя бы представить себе субъектность животных, насекомых и растений, не говоря уж о гальке и песке? Находясь в плену своих ощущений – таких грубых и в то же время таких прекрасных, вы не можете осознать, что мириады существ, которым вы отказываете в одушевленности, тоже могут иметь внутренний мир. Книги здесь в двойственном положении, мы на полпути между ними и вами. Будучи неодушевленными, мы при этом разумны. Так что и мы отчасти живые.

Стены в кабинете психиатра были веселого желтенького цвета, а на них – кричащие плакаты с танцующими звездами и глазастыми радугами. «ПОКАЖИ СВОИ НАСТОЯЩИЕ ЦВЕТА!» – кричали радуги. «СТРЕМИСЬ К ЗВЕЗДАМ!» – зывали звезды. На картинке календаря спал детеныш коалы, вцепившись в густой мех на спине матери. Из ярко раскрашенных ниш вдоль стен выглядывали куклы и мягкие игрушки – куклы-мальчишки, куклы-девочки, собаки, кошки, овцы, плюшевые мишки, всевозможные рыбы и птицы.

²² «Ближайшая область окружающего мира» в некоторых науках.

Их небрежно брошенные тела сплелись в клубок ног, морд, крыльев, рук, плавников и мохнатых лап. Там были пластмассовые ящики с машинами, поездами, лошадками и целыми игрушечными городами. На крючках над большим кукольным домиком безвольными ангелочками висели марионетки. Фасад у дома отсутствовал, как у зданий в репортаже о бомбежках. В домике стояли миниатюрные кровати, стульчики, столики, а на полу валялись крошечные деревянные человечки. И все игрушки в приемной кричали такими страшными, дикими, искаженными от ужаса и боли голосами, что Бенни сам едва не выбежал из комнаты с криком. Он сел на маленький красный стул, уперся руками в колени и стал смотреть вниз, стараясь не раскачиваться, не вести себя странно, хотя, вообще-то, было уже поздно. Ну, по крайней мере, доктор не знает про голоса, и говорить ей Бенни не собирается. Он усвоил урок, полученный в кабинете директора. Люди ничего не понимают.

Аннабель села рядом с ним на такой же маленький синий стул, в обнимку со своей объемистой сумочкой, и стульчик под ее крупным телом стал казаться еще меньше. Доктор Мелани сидела на желтом стульчике с другой стороны низкого игрового столика. Стол был зеленый, с моющейся столешницей, края которой были закруглены, чтобы дети не поранились. Не очень-то она похожа на врача, подумала Аннабель. Доктор Мелани выглядела болезненно худой, на ней были розовые джинсы-стрейч и светло-голубой свитер.

Ее пастельно-розовый лак для ногтей идеально подходил по цвету к джинсам. Когда она объясняла Аннабель возможные побочные эффекты риталина, она казалась ребенком, напустившим на себя серьезности.

Аннабель пыталась слушать ее, но не могла сосредоточиться, потому что параллельно пыталась вспомнить разницу между обычным СДВГ²³ и СДВГ комбинированного типа и понять, какое отношение это имеет к Бенни при отсутствии у него гиперактивности. Ее беспокоило, сколько будет стоить рецепт и как оплачивать лечение теперь, когда она работает неполный рабочий день, а главное, конечно, подходит ли это лекарство Бенни. Аннабель знала, что Кенджи бы всего этого не одобрил. Он всегда очень скептически относился к фармацевтической промышленности. Но она сейчас не хотела думать о Кенджи. Она должна была думать о Бенни, принять правильное решение и сделать так, как будет лучше для него. А ещё ее беспокоила эта врачиха, слишком уж молода, чтобы хорошо знать свое дело; наконец, беспокоил шаткий синий стульчик, одна из передних ножек которого готова была подломиться под ее тяжестью. Чего Аннабель действительно хотела, так это встать и уйти, забрав с собой Бенни. Кабинет был хорошо оформлен, чтобы настраивать на веселый и дружелюбный лад, только почему-то не настраивал. На плакате над головой у доктора Мелани был изображен ребенок в ярко-желтом плаще с зонтиком в руках: «После дождя всегда

²³ Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

выходит солнце!» Тоже как-то не верилось.

– Начнем с пяти миллиграммов, – говорила доктор Мелани. – Сразу должно быть заметное улучшение, а если вы увидите какие-либо побочные эффекты, сообщите мне.

– Да, конечно, – сказала Аннабель, кивая с серьезным видом.

После небольшой паузы доктор чуть подалась вперед.

– В карточке Бенни об этом ничего не сказано, но я должна уточнить. Вы его биологическая... – Она взглянула на Бенни, не закончив фразу.

Аннабель по инерции продолжала кивать, до нее не сразу дошел смысл вопроса.

– А, вы имеете в виду, не приемный ли он? Нет, конечно нет!

– Просто мне желательно это знать, – сказала доктор Мелани, откидываясь обратно на спинку стула и делая себе пометку. – Что ж, тогда, может быть, посмотрим, как подействует риталин, а затем наметим еще одну встречу... дня через три?

Аннабель снова не сразу поняла смысл фразы.

– Вашему сыну повезло, что в школе отнеслись к нему с вниманием, – добавила врач, помолчав.

– Да, – ответила Аннабель, догадавшись, что решение уже принято и ее выпроваживают. – Да, конечно.

Она с трудом поднялась, испытывая благодарность к маленькому синему стульчику за то, что он не подвел, и по-

смотрела вниз на Бенни. Он сидел, сгорбив тощую спину, и словно окаменел. Когда мать коснулась его плеча, он даже подпрыгнул. Когда он успел стать таким нервным ребенком?

– Давай, милый. Пойдем. Мне кажется, по дороге домой можно зайти в библиотеку. Вот будет здорово, правда?

Доктор Мелани пронаблюдала, как они уходили, отметив про себя, что мать протянула сыну руку, а тот отстранился. Интересно, подумала она, у него хроническое отвращение к прикосновениям или это минутное настроение. А может быть, он просто не хочет в библиотеку. Ему четырнадцать лет, хоть на вид он гораздо младше. В этом возрасте мальчики не ходят с мамой за ручку. И не считают, что библиотека – это здорово.

Она подошла к своему рабочему столу и включила компьютер, чтобы записать данные о приеме. В истории болезни Бенни были отчеты школьного психолога начиная с седьмого класса. Мелани уже читала их раньше и теперь лишь быстро просмотрела ещё раз. После смерти отца у мальчика возникли проблемы с концентрацией внимания, но никакого лечения рекомендовано не было. Возможно, это была ошибка; ранняя диагностика и лечение – ключ к выздоровлению. Мелани посчитала: шестнадцать или семнадцать месяцев. Почти полтора года у мальчика наблюдались симптомы дефицита внимания. Она открыла шаблон заключения и стала записывать свои наблюдения. На протяжении всего се-

анса мальчик выглядел рассеянным, ерзал и раскачивался на стуле, взгляд бегал по комнате. Неохотно отвечал на вопросы об инциденте в школе. Утверждал, что не знает или забыл, чем был вызван его импульсивный поступок. Не смог или не захотел поговорить о своей попытке разбить окно кулаками. Доктор Мелани записала свой диагноз, а также лекарства с дозировкой, сохранила документ и вышла из программы.

До приема следующего пациента оставалось еще несколько минут, поэтому она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Мелани посещала семинар по медитации осознанности, когда училась в медицинском институте, эта практика помогала ей расслабиться и очистить сознание. Она глубоко вдохнула, выдохнула и почувствовала, что напряжение уходит. Первые консультации с новыми пациентами до сих пор давались ей с большим трудом, и она порой задавалась вопросом, станет ли эта часть работы со временем легче. Хорошо, если да, потому что ее собственное нервное напряжение не шло на пользу ни ей, ни детям, с которыми она работала. Она выдохнула и отпустила эту мысль, чувствуя, как мышцы неохотно расслабляются, а тело потихоньку оседает на стуле. Какой симпатичный мальчик этот Бенни! Мамаша у него, похоже, сама тяжелый случай, нервная и рассеянная. Безусловно, она страдает какой-то комбинацией депрессии и тревожного расстройства, поэтому биологическое родство имеет значение. Генетика часто сказывается. Впрочем, напомнила она себе, диагноз матери – не ее работа. Ее работа

состоит в том, чтобы сосредоточиться на мальчике. Вспоминая свой диагноз и план лечения, доктор Мелани не испытывала никаких сомнений. В следующий раз нужно будет поговорить с мальчиком наедине. Возможно, в отсутствие матери он станет более открытым, подумала Мелани, а затем нахмурилась. Ну, вот, она опять думает о работе. Она не смогла перестать думать.

Хватит, Мелани. Сосредоточься на дыхании. Отпусти все эти мысли... Но как только она почувствовала, что сознание успокоилось, в приемной весело зазвонил колокольчик, возвещая о прибытии следующего юного пациента. Она почувствовала, что мышцы на скулах, как по сигналу, напряглись, сжалось солнечное сплетение, а сердцебиение участилось. Классический павловский условный рефлекс, но что толку ей от этого знания? Медитация тоже не очень помогла. Она дала некоторое кратковременное облегчение симптомов, но на более глубоком уровне тело оказалось невосприимчивым к внушению. На том, глубоком уровне оно всегда настороже, оно напрочь отказывается расслабляться, словно знает, что должно быть готово к любому психическому расстройству, которое принесет следующий ребенок, войдя в ее маленький светлый кабинет. Но ведь она любит своих маленьких пациентов. Она хочет им помочь, хочет облегчить их боль, так откуда же берется это сопротивление?

Публичную библиотеку Бенни полюбил в самом раннем детстве, еще до того, как научился ходить и говорить. Это было до реконструкции, когда к зданию были пристроены высокие современные крылья. Старое здание с массивными классическими колоннами и фасадом из обветренного известняка, казалось, одновременно возбуждало и успокаивало Бенни. В то время Кенджи часто бывал в разъездах, гастролируя с группой, а когда возвращался, играл в местных клубах, из-за чего почти каждый вечер задерживался допоздна. Он часто спал до полудня, и Аннабель, чтобы не разбудить мужа, одевала Бенни и отводила его в Библиотеку на «детский час». Когда Бенни немного подрос, он уже хорошо знал маршрут, и как только они выходили из автобуса и начинали подниматься на холм, он принимался подпрыгивать в коляске и стучать ножками по подставке. Когда они поднимались по ступенькам и проходили через величественные двери библиотеки, его возбуждение возрастало, и он начинал кричать и ворковать. Глядя на радующегося сына, Аннабель испытала чувство гордости, что ее любовь к книгам передалась Бенни.

«Детский час» проводился в Мультикультурном детском уголке, в подвале, в дальнем конце здания, недалеко от служебных кабинетов. До переименования в Мультикультур-

ный детский уголок был просто отделом детских книг, и располагался он прямо у главного входа, между абонементным столом и отделом периодических изданий, но в семидесятых годах, когда закрылись государственные психиатрические больницы, Библиотека подверглась нашествию бездомных и больных посетителей. В восьмидесятых их наплыв только увеличился из-за резкого сокращения социальных служб во время рецессии. Матери начали жаловаться, и администрация библиотеки отреагировала; отдел детской литературы был переименован и переведен на нижний этаж, подальше от отдела периодических изданий, где невольные посетители библиотеки любили отдохнуть днем.

Вообще-то Мультикультурный детский уголок был довольно странным местом. Ещё проходя летнюю стажировку в Библиотеке, Аннабель слышала рассказы сотрудниц о том, что в Библиотеке есть места, где «случаются всякие вещи» — что-то вроде аномальных или даже паранормальных явлений. Сначала она думала, что это просто байки, которые рассказывают старшие библиотекари, чтобы попугать стажеров, но, получше изучив здание, начала задумываться. Был там, например, отдел новых поступлений, где книги норовили спрыгнуть с полок. Были туалеты на седьмом этаже: посетители жаловались, что там раздаются странные постукивания, порой внезапно выключается свет, унитазы смываются самопроизвольно, а в писсуарах прыгают маленькие зеленые древесные лягушки. Кабинки там таинственным образом за-

пирались и отпирались сами собой, а некоторые люди сообщали о жутковатом чувстве, что за ними наблюдают, хотя в туалете больше никого не было. Мультикультурный детский уголок был одним из таких мест, и когда однажды зимой Аннабель послали туда разложить по полкам яркие детские книжки, она испытала необъяснимое ощущение, будто воздух насыщен потерянными вещами. Позже она узнала, что люди, по их словам, нередко находили там вещи, которые потеряли или положили не на место. Это происходило так часто, что когда кто-нибудь подходил к абонементному столу в поисках пропавшей вещи, сотрудники машинально спрашивали: «В Мульти-культи смотрели?» Узнав об этой практике, руководство велело библиотекарям прекратить ее, чтобы не подумали, будто Библиотека обвиняет «мультикультурных» детей в краже чужих вещей. Но даже после этого, когда что-то пропадало, все знали, что нужно первым делом посмотреть в «Мульти-культи». Кое-кто из библиотекарей-ньюэйджистов уверял, что в отделе обитает призрак ребенка, который утаскивает чужие вещи и приносит их сюда поиграть, но был ли тот ребенок «мультикультурным» или нет, никто с уверенностью не мог сказать.

В историю о призраке Аннабель не особо верила, но считала сына чувствительным ребенком и по себе помнила посетившее ее ощущение чего-то сверхъестественного, поэтому, впервые приведя Бенни в Мультикультурный детский уголок, она беспокоилась, что обитающее там нечто может его

напугать, но все обошлось. Она сидела на стуле у стеночки вместе с другими мамами и нянями, держа на коленях беспокойного Бенни, а дети постарше собрались тесным кружком на полу вокруг библиотечарши. Бенни крутился, брыкался и размахивал руками, но как только начали читать вслух, он успокоился и стал слушать. Библиотечарша, молодая чернокожая женщина, небольшого роста и хрупкого телосложения, читала сильным, красивым голосом, с легким мелодичным акцентом, который Аннабель не могла определить. На голове у нее были короткие кудри, а носила она свитеры-кардиган, твидовые юбки и забавного вида винтажные очки на цепочке – последнее, может быть, «для прикола».

«Она похожа не столько на настоящую сотрудницу, сколько на актрису в роли библиотечарши», – с завистью подумала Аннабель. Во время стажировки Аннабель часто просили почитать на «детском часе», пока штатный библиотечарь была в декретном отпуске, и ей это нравилось. Ей нравилось сидеть на табуретке в кругу детей и, отрываясь на секунду от книги, видеть лица внимающих ей малышей. Они чем-то напоминали цветы, и она больше всего на свете хотела стать детским библиотечарем, чтобы навсегда остаться в центре этого волшебного сада.

А эта молодая библиотечарша была явно равнодушна к сказкам о говорящих медведях, свиньях, кротах и водяных крысах, и детям они тоже нравились, хотя это были городские дети, и они мало что знали о таких животных. О тех,

про кого они знали – о крысах в канализации, голубях, комарах и тараканах, – было написано не так много книг; но, может быть, это и хорошо, думала Аннабель, потому что смысл книг в том, чтобы научиться тому, чего еще не знаешь. И все же, положив подбородок на теплую, пушистую макушку Бенни, она невольно грустила, что ее сын растет в городе, где нет ни журчащих ручьев, ни жужжащих пчел, ни высоких трав, что шепчутся с летним ветерком. Он никогда не встретит ни ежа, ни барсука. Но это незнание, похоже, ни капли не беспокоило самого Бенни. Завороженный звуком голоса библиотekarши и напевной мелодичностью фраз, он потянулся вперед – история увлекла его настолько, что Аннабель вынуждена была обхватить его пальцами за мягкий живот, на манер страховочного ремня, чтобы он не свалился с ее колен.

Когда они пришли в следующий раз, Бенни не захотел сидеть на коленях у матери, и ей пришлось посадить его на пол и смотреть, как он потихонечку продвигается вперед, к остальным сидящим в кругу детям. Там он на некоторое время задержался, а потом потопал дальше, пока, наконец, не добрался до ног библиотekarши, после чего схватил ее за тонкую лодыжку и устоялся на ее колено. Библиотekarша, на секунду запнувшись, выглянула из-за края книги и стала читать дальше. Это была книга о звуках животных в разных частях света, она подняла ее повыше и показала детям картинку с изображением собаки.

– Что говорят собачки в Америке? – прочла она.

– Вуф, вуф! – закричали дети, подпрыгивая и хлопая в ладоши. – Вау, вау!

Большинство детей знали эту книгу наизусть. Она была их любимым развлечением в Мультикультурном детском уголке.

– Что говорят собачки в Китае? – спросила библиотекарьша.

– Ван-ван! – ответили дети хором.

– А что говорят собачки в Испании?

– Гуау-гуау!

Бенни не знал звуков, издаваемых животными ни в разных странах, но это, похоже, его не беспокоило. Он зачарованно уставился на библиотекарьшу, а потом лег животом на ковер, медленно пополз между ножками ее табуретки и в конце концов оказался под ней.

Библиотекарь продолжала читать, не обращая на него внимания.

– Что говорят петухи в Японии?

– Кокекокко!

– Что говорят петухи в Италии?

– Чи-чи-ри-чи!

– Что говорят петухи в Исландии?

– Гаггалаго!

Бенни был таким маленьким, что легко помещался под детской табуреткой, и по лицу, выглядывавшему между ног

библиотекарши, Аннабель видела, что он совершенно доволен. Он протянул руку и опять схватил ее за лодыжку. Ему просто нравилось держать библиотекаршу за лодыжку.

– Что говорят хрюшки в Германии?

– Гранц, гранц!

– Что говорят хрюшки в Индонезии?

– Грок-грок!

Когда Детский час закончился, библиотекарь закрыла книгу, поблагодарила всех присутствующих и предложила приходить ещё. Затем она встала и осторожно сняла табурет с Бенни, который продолжал сидеть с видом растерянным и беззащитным, чем-то напоминая желе, раньше срока вынутое из формы. Аннабель шагнула вперед, чтобы забрать сына, поблагодарила библиотекаршу и извинилась за то, что Бенни ей мешал. Библиотекарша улыбнулась и, пожав плечами, ответила, что немножко удивилась поначалу, но не так уж он и мешал, на самом деле. Потом она присела на корточки и положила руки на плечи Бенни.

– Тебе понравилась книжка? – спросила она. – Хорошо было под табуреткой?

Бенни не ответил, и она добавила:

– Можешь сидеть там все время. Это будет твое персональное место.

И на какое-то время это стало его персональным местом, пока милую молодую библиотекаршу не заменили, а новой, занявшей ее место, не понравилось, что во время чтения под

ней лежит маленький мальчик, поэтому она выудила его оттуда и заставила присоединиться к кругу остальных детей.

Бенни

Я помню, помню этот «детский час»! И ту добрую библиотечкару, ее звали Кори. Тогда я не знал ее имени, и все воспоминается как сквозь туман, но какие-то вещи я всё-таки помню, например, теплый запах женщины под табуреткой и пушистую твидовую юбку. У нее были розовые очки с блестками по краям, а под юбкой толстые хлопчатобумажные колготки и мешковатые вязанные гетры, и я даже помню, как приятно было держаться за ее лодыжку. Там такая твердая жесткая кость, и я помню, как держался за нее и, глядя между ног Кори на детей снаружи, думал, что они хоть и смотрят, не видят меня. Это создавало у меня чувство безопасности и защищенности.

И книгу эту я тоже помню, и уток, которые по-арабски кричат «вак-вак», или что-то типа того. Я не помню подробностей, но помню, как эти истории слушались снизу, – не так, как если бы они исходили из чьих-то уст, а скорее так, словно они звучали отовсюду: от табуретки, с ковра, от юбки библиотечкары. И со всех сторон неслись все эти «бж-ж-ж», «бу-бу-бу» и «бе-е-е». Весь мир сходилась, как в воронку, туда под табуретку, а там было безопасно, уютно и тепло, пахло сандаловым маслом и средством для чистки ковров, и со всех сторон раздавались Слова, как будто сам Бог читал вам книжку. Попробуйте представить себе Бога, который разго-

варивает с вами голосом женщины-библиотекаря.

Может, это и перебор, я не знаю.

Но именно поэтому, наверное, я до сих пор люблю Библиотеку. И, вероятно, именно поэтому мой лучший друг — Книга.

Мама обещала, что после визита к психиатру мы зайдем в Библиотеку, но по дороге ей понадобилось взять лекарство, которое мне выписали, а там возникла какая-то проблема со страховкой, в общем, когда они разобрались, библиотека уже закрывалась. Мама сказала, что у нас дома и так полно книг, и это правда, но я все равно разозлился, потому что она же обещала. Я думаю, что она отчасти не хотела туда идти. Мне кажется, в Библиотеке она начинает расстраиваться, что ей пришлось бросить учебу, когда она забеременела мной. Хоть она всегда говорила, что оно того стоило, я знаю, что в глубине души она жалеет, что отказалась от своей мечты. Дети знают такие вещи про своих родителей, даже если не до конца понимают.

В общем, когда мы вернулись домой, у нас произошла ссора. Я увидел эту книжку, «Чистую магию», в куче другого хлама на кухонном столе, ну, поднимаю ее и, можно сказать, швыряю матери и ехидно так говорю: «Вот как раз для тебя книжечка. Почитай на досуге!» Это книга о том, как привести в порядок свою жизнь и избавиться от дерьма, ну, я и попытался дать ей понять, в чем ее проблема, но вышло довольно грубо.

Да нет, я не швырял в маму книгой, на самом-то деле. Я как бы подтолкнул книгу в мамину сторону. Но, наверное, это тоже было резковато. Я не хотел доводить мать до слез.

Книга

11

Первые слова в книге чрезвычайно много значат. Когда читатель открывает первую страницу и читает эти самые первые слова – это момент встречи, это как первый взгляд в глаза у людей или прикосновение к руке. Мы его тоже чувствуем. Правда, у книг нет глаз или рук, но если книга и читатель предназначены друг для друга, они оба мгновенно это понимают. Так и произошло, когда Аннабель открыла «Чистую магию». Когда она прочитала первое предложение, по ним обоим пробежал трепет узнавания.

Если вы читаете это, то вы, скорее всего, недовольны своей жизнью. Вы хотели бы что-то изменить, но чувствуете себя настолько растерянным, что даже не знаете, с чего начать.

Да, подумала Аннабель. Так и есть!

Вы понимаете, что ваша жизнь стала бы лучше, будь в ней больше порядка и меньше хлама. Вы уже пытались выбрасывать ненужные вещи и навести порядок в доме, но заметного успеха ни разу не добились. У вас быстро иссякает энергия,

и не успеваете вы оглянуться, как вещи снова берут верх, и ваше имущество поработщает вас.

Точно, так оно все и было. Откуда эта брошюрка все знает?

Аннабель оторвалась от книги и огляделась. У нее возникло жутковатое ощущение, что книга видит ее захламленную спальню и читает ее мысли. Она посмотрела на часы. Она устала, и надо бы поспать, но день был трудным, и возбуждение еще не улеглось. Прием у врача оказался очень неприятным, особенно в конце, когда та спросила, не приемный ли Бенни. А еще Аннабель не ожидала, что Бенни так расстроится из-за того, что они не попали в Библиотеку. Он уже в автобусе начал ворчать что-то себе под нос, а к тому моменту, когда они вернулись домой, настроение у него окончательно испортилось, и он сорвался на нее. Вообще-то, это нормально; мать – первая мишень для детского гнева. Обычно Аннабель старалась относиться к этому с юмором и поэтому сама удивилась, когда вместо этого вдруг начала плакать. Она быстро совладала с собой, но Бенни еще быстрее умчался к себе в комнату. Надо сказать, он тоже довольно быстро успокоился и через некоторое время вернулся; они доели пищу и обсудили график приема его лекарств.

Аннабель отправилась спать рано и взяла книгу с собой в постель. Может быть, Бенни был прав. Может быть, стоит это прочитывать. Она ещё раз осмотрела обложку. Ей казалось

странным то, что брошюрка сама запрыгнула к ней в тележку, а кроме того, ее не оставляло мистическое ощущение, что за этим стоит Кенджи. Она уже не в первый раз чувствовала, что он где-то поблизости, например, когда вороны оставляли ей подарки. Ее ваза для безделушек была уже битком набита шурупами, скрепками, пуговицами, сломанными ракушками, кусочками фольги, бусинками и потерявшимися серьгами. Аннабель не могла отделаться от мысли, что Кенджи пытается установить с ней контакт через ворон, а если так, то, может быть, «Чистая магия» тоже была подарком от него, потому что как еще объяснить все эти совпадения?

Например, тот факт, что Кенджи и Айкон оба японцы. Само по себе это мало что значит, но когда Аннабель прочла биографию автора на обратной стороне обложки, то узнала, что полное имя Айкон – Ай Кониши, что уже удивительно, потому что девичья фамилия матери Кенджи тоже была Кониши. У Кенджи пароль на компьютере был «Кониши», и когда Аннабель спросила, что это значит, он рассказал, как его бабушка и дедушка беспокоились, что их дочь столкнется с дискриминацией в Японии из-за то, что вышла замуж за корейца и взяла его фамилию. Они уговаривали ее остаться Кониши, а не становиться О, но она отказалась. Аннабель была шокирована расистским отношением к корейцам и к тому же удивлена. Ей нравилось быть Оу! Эта фамилия звучала так восторженно и жизнерадостно, что идеально выражала то чувство, которое испытывала Аннабель, когда по-

знакомилась с Кенджи и они влюбились друг в друга. Она никогда не захотела бы стать Кониши, но все же совпадение фамилий монаха и семьи мужа вызывало любопытство.

Еще более важным, чем совпадение фамилий, было упоминание религии дзен. Рассматривая фотографию Айкон, Аннабель вспомнила групповое фото монахов в храме, которое показывал Кенджи и на котором она сразу же узнала его по широкой глуповатой улыбке. Даже без волос он выглядел очаровательно. Куда подевалась эта фотография? Где-то в шкафу, должно быть. Надо бы отыскать ее, показать Бенни и рассказать ему историю о том, как его чокнутый отец был монахом. Когда Кенджи изучал классическую музыку в консерватории в Токио, ему нужно было где-то пожить на летних каникулах, и кто-то сказал ему, что он может бесплатно жить в дзен-буддистском храме, если ничего не имеет против медитации и мытья полов. Кенджи никогда не гнушался физического труда, так что он переехал в храм и прожил там два года. Это было самое счастливое время в моей жизни, сказал он как-то, и Аннабель вспомнила, как почувствовала при этом приступ ревности, пока он не добавил: «До встречи с тобой».

Как ни странно, именно во время своего пребывания в храме Кенджи начал играть джаз. Среди молодых монахов-стажеров было много художников, писателей, музыкантов и политических активистов, которым были интересны радикальные принципы философии дзен, суровая трениров-

ка духа и бесплатное проживание. Среди них был молодой монах по имени Дайкан, который, узнав, что Кенджи играет на кларнете, предложил создать свою джаз-группу. К их удивлению, настоятель согласился. Буддийские храмы в Японии вели борьбу за существование: старые прихожане умирали, а молодые люди были слишком заняты шопингом и карьерой, чтобы думать о дзен. Настоятель решил, что монахи, играющие джаз, могут заинтересовать средства массовой информации и привлечь в храм больше молодежи.

Они назвали свою группу «Телониус»²⁴. Дайкан играл на бас-кларнете, Кенджи на кларнете, к ним присоединился монах постарше, игравший на джазовом пианино. С разрешения настоятеля они превратили зал собраний в кафе выходного дня, и вскоре там подавали «эспрессо», а вечерами по пятницам и субботам давали концерты. Когда Кенджи покинул храм, группа распалась, но колеса судьбы уже пришли в движение. Через дзен Кенджи пришел к джазу, а через джаз встретил Аннабель. Связь с дзен-буддизмом тут глубокая, даже кармическая, подумала Аннабель, перевернула страницу и стала читать дальше.

ЧИСТАЯ МАГИЯ

Предисловие

²⁴ Игра слов на основе имени джазиста Телониуса Монка: monk значит «монах».

Если вы читаете это, то вы, скорее всего, недовольны своей жизнью. Вы хотели бы что-то изменить, но чувствуете себя настолько растерянным, что даже не знаете, с чего начать.

Вы понимаете, что ваша жизнь стала бы лучше, будь в ней больше порядка и меньше хлама. Вы уже пытались выбрасывать ненужные вещи и навести порядок в доме, но заметного успеха ни разу не добились. У вас быстро иссякает энергия, и не успеваете вы оглянуться, как вещи снова берут верх, и ваше имущество поработочает вас.

Если это про вас, пожалуйста, знайте, что я все понимаю. У меня самой раньше были такие же отношения с вещами. Это не я обладала ими. Они обладали мной!

Так как же изменить положение?

Мне помогла встреча с радикальными идеями Дзен-буддизма. Эта встреча изменила меня. Дзен переменял мое отношение к имуществу, к прошлому и будущему, к своей жизни и к окружающему миру. Это было больше, чем просто изменение. Это была революция.

Учение Дзен о пустоте и освобождении очень древнее, но оно никогда не было так актуально, как в наши дни. Я пишу эту книгу, чтобы поделиться этим глубоким, но простым учением с людьми, которые мучаются так же, как мучилась я.

У всех нас по-разному складываются отношения с вещами, и складываться они начинают очень рано. Корни наших привычек уходят глубоко в прошлое и часто подпитываются

пережитыми страданиями. Это так и в моем случае. Меня растила моя тетя, она удочерила меня и любила как родную дочь, но когда мне было двенадцать, она вышла замуж за человека, который принес в нашу жизнь несчастье. В материальном плане все было хорошо. Мой отчим был руководителем корпорации и обеспечивал нас, но из-за его неподобающего поведения по отношению ко мне я не чувствовала себя в безопасности в нашем новом доме. Я впала в депрессию, и, чтобы унять постоянную тревогу, я ела и ходила по магазинам. Едой я заполняла больное место внутри себя. Я огораживалась крепостной стеной из покупок, чтобы чувствовать себя в безопасности. Но сколько бы я ни потребляла, мне все время было мало. В страхе и тревоге я цеплялась за вещи, мне хотелось их все больше и больше, и я перенесла эти привычки с собой во взрослую жизнь, даже после того, как ушла из дома отчима.

Ваша история может быть похожей, а может быть и совсем другой. Но если вас беспокоят ваши отношения с вашим имуществом – если у вас слишком много вещей, угрожающих вашу жизнь, и вам не хватает места и ясности для жизни, – тогда эти простые уроки дзен могут вам помочь. Эта книга не только о вещах. Она о том, как начать жить собственной жизнью – вернее, той, которой вы на самом деле принадлежите.

Книга

Странно видеть книгу в книге, правда? Но ничего странного тут нет. Книги ведь любят друг друга. Между нами существует взаимопонимание. Можно даже сказать, что мы все связаны некой родственной связью, которая простирается, как ризоматическая²⁵ сеть, под человеческим сознанием и связывает мир мыслей воедино. Представьте нас в виде мицелия, огромной подсознательной грибницы под лесной подстилкой, где каждая книга – плодоносящее тело. Мы, как грибы, коллективисты. Мы говорим о себе: *мы, наш, нас*.

Поскольку мы все связаны, мы постоянно общаемся: соглашаемся, не соглашаемся, сплетничаем о других книгах, цитируем и ссылаемся друг на друга – и у нас тоже есть свои предпочтения и предубеждения. Конечно, есть! Предубеждений на библиотечных полках предостаточно. Научные тома пренебрежительно относятся к коммерческим изданиям. Литературные романы смотрят свысока на любовные романы и криминальное чтиво, а есть такие жанры, к которым относятся с презрением практически все остальные, например, к руководствам по саморазвитию.

Все же надо признать, что книги по саморазвитию могут быть полезными, и поэтому, когда «Чистая магия» стартовала со стола «новых поступлений» в вакуум жизни Аннабель,

²⁵ Ризома – организм без начального и связующего центра.

нам было нечего возразить. Аннабель нуждалась в помощи, и подвиг этой маленькой книжки был впечатляющим. Но какой бы замечательной ни была ее целеустремленность, идея включить в наше повествование главы книги о саморазвитии казалась нам сомнительной, но позже сам Бенни настоял на этом. Он заявил, что «Чистая магия» нужна для рассказа о его матери, а значит, и о нем самом, присовокупив, что он бы не хотел, чтобы его Книгу обвинили в снобизме, и нам в конце концов пришлось согласиться.

Но в тот вечер Аннабель еще не была готова к «Чистой магии». Может быть, она слишком устала после напряженного дня. А может быть, ее отпугнуло тревожное упоминание об отчине Айкон. Как бы то ни было, прочитав предисловие, она тут же заснула. Маленькая книжка пролежала на ней всю ночь, охраняя ее покой и наслаждаясь мягкостью ее живота и нежными волнами ее дыхания. Аннабель не сразу вернулась к чтению «Чистой магии», но мы, книги, терпеливы. Мы знаем, какая у вас напряженная и увлекательная жизнь, поэтому мы просто ждем своего часа.

12

Каким был голос ножниц? Что они говорили? Стальные и скользкие, они начинали с тихого, чуть слышного шуршания, которое быстро нарастало, переходя в шепот, резкий, шипящий и металлический, и эти звуки все больше напоми-

нали человеческую речь, на языке, который Бенни принял за китайский, хоть он и не был в этом уверен. Он же не знал китайского. Но он каким-то образом понимал все те ехидные, колкие вещи, которые ножницы нашептывали ему про его учительницу мисс Поли. *«Ты думаешь, что нравишься Старой Чугунной Башке? Думаешь, она считает тебя умным или особенным? Тупая лесбиянка. Это же она сдала тебя и отправила к психиатру. Да, эта сучка правда думает, что ты особенный, это точно. Особо долбанутый псих».*

На самом деле мисс Поли нравилась Бенни. Именно она заметила, что ему не по себе на уроке математики, и отвела его к медсестре. Она также вела у них естествознание и на уроках биологии рассказывала им о слизевых грибах и о том, как отдельные организмы собираются вместе, образуя многоклеточное тело, чтобы производить споры и размножаться, а потом снова распадаются. Она водила их класс в лесной заповедник недалеко от школы, чтобы поискать эти организмы, и Бенни сразу же нашел один слизевик – похожее на мох скопление на гниющем кедровом пне. Мисс Поли похвалила его за наблюдательность. Бенни не стал говорить, что слышал зов слизевика и поэтому точно знал, где искать. Что это был за звук? Он такой тихий, упругий, желтый... Нет, словами не передать.

Бенни закрыл глаза. На этой неделе они изучали изменение климата, и он делал информационный стенд на эту тему. Ножницы лежали перед ним на столе, рядом с клеем. Мисс

Поли у доски объясняла что-то важное о жаре, засухе и антропогенных выбросах, но ножницы отвлекали его, щелкая и хихикая, они шептали, что его информационный стенд никому не нужен, и он не остановит изменение климата, и ничто не остановит изменение климата, им всем капец, а училка тупая, она враг Бенни, из-за нее все думают, что он чокнутый, и поэтому он должен воткнуть ей ножницы в шею. *«Давай сделай это!»*

Бенни сунул руки под себя, переплел пальцы, стиснул кулаки. Ножницы хихикнули. *«Какая кис-ска... Она о-чень испугается... Предос-тавь это нам...»*

Затем ножницы вдруг оказались у него в кулаке. Он поднялся на ноги и сделал шаг вперед, потом еще один. Мисс Поли, заметив его приближение, замолчала и застыла у доски с маркером в руке: «Бенни? Ты в порядке?» Позже, составляя в кабинете директора отчет о происшествии, она закрывала глаза и с дрожью вспоминала страдание, искажившее лицо Бенни, когда он подошел к ней, протягивая ножницы, как подношение, умоляя забрать их у него, пока он не вонзил их себе в ногу...

В отделении скорой помощи ему наложили три шва на верхнюю часть бедра. Дежурная медсестра спрашивала его, что случилось, но он промолчал. Когда то же самое спросил врач, он стал лгать. Ножницы соскочили, я их уронил, не помню. Его снова отправили к доктору Мелани. После то-

го раза, когда она поставила ему диагноз СДВГ, прошло почти два месяца. Бенни все это время принимал риталин и ещё несколько раз ходил к ней на прием. Он выглядел спокойней, и доктор Мелани была рада, что он поправляется, но он ничего не рассказывал ей о голосах. Теперь они сидели за тем же низеньким столиком, только столик почему-то стал красным, и это привело Бенни в замешательство, потому что он точно помнил, что во время предыдущих визитов стол был зеленым. Бенни уже знал, что красный и зеленый называются взаимодополняющими цветами, и это означает, что они противоположны, но это казалось ему бессмыслицей, потому что так следует называть вещи, которые сочетаются друг с другом, а это противоположность противоположности. От подобных ситуаций у него начинала болеть голова. От красного и зеленого цветов у него тоже болела голова. Бенни взглянул на лицо доктора, чтобы увидеть, изменилась ли она, но она была той же. Бледная кожа. Волосы бежевого цвета. Все та же доктор Мелани.

– Итак, Бенни, – сказала доктор Мелани. – Ты можешь рассказать мне, что произошло?

Он покачал головой. Все-таки, как ни странно, сегодня доктор Мелани выглядела гораздо старше. Раньше она казалась молоденькой, а сегодня выглядела как женщина средних лет. Ее кожа напоминала кожу старого пухлого гриба, она вся была покрыта мелкими морщинками. Ногти ее тоже были грибного цвета. Бенни вдруг стало казаться, что между

его предыдущим визитом и сегодняшним прошло на самом деле много лет – а он заснул, как Рип Ван Винкль, и ничего не заметил. Может быть, он тоже стал старше, а его мама теперь уже совсем старушка, которая вот-вот умрет. Бенни так разволновался, что пропустил мимо ушей очередной вопрос доктора.

– Бенни, ты слышишь меня?

Он кивнул и попытался сосредоточиться.

– Ты помнишь, что произошло?

– Да

– Вот и хорошо. Расскажешь мне?

– Можно я сперва схожу в туалет?

Доктор откинулась на спинку стула и на миг вновь показала молодой, даже маленькой девочкой, у которой отняли игрушку. Но она кивнула. Туалет был в холле, и чтобы попасть туда, нужно было пройти через приемную. Когда Бенни открыл дверь, Аннабель тут же оторвалась от своего журнала, и ему в лицо ударила волна тревоги, исходившая от ее тела. Бенни отвел глаза, но перед этим убедился, что она все в том же возрасте, хоть выглядит очень усталой, и он успокоился. В туалете он посмотрел на свое отражение в зеркале. В свете флуоресцентных ламп его кожа выглядела по-другому, но он все еще был самим собой и тоже не постарел. Бенни спустил воду в унитазе, как будто перед этим помочился, потом тщательно вымыл руки и вернулся в кабинет, снова пройдя через волны беспокойства своей мате-

ри, но на сей раз он был готов к этому. Он плотно закрыл за собой дверь.

Когда он снова сел за красный стол, доктор Мелани ободряюще улыбнулась ему.

– Готов рассказать мне, что произошло?

– Да вроде.

– Итак?

– Я проткнул себе ногу ножницами.

– Это да, – сказала она. – А можешь ли ты рассказать мне, что с тобой происходило в тот момент?

– Что вы имеете в виду?

– О чем ты думал? Что чувствовал? Что происходило вокруг тебя?

– Ничего. То есть шел урок естествознания. Мисс Поли говорила о глобальном потеплении. Я ничего не чувствовал.

– То есть? Ты почувствовал оцепенение?

Бенни попытался вспомнить, чувствовал ли он оцепенение.

– Многие люди впадают в ступор, когда им говорят о глобальном потеплении, – заговорила доктор Мелани. – А некоторые испытывают гнев...

Он покачал головой. Это ножницы исходили злобой, а не он. Бенни хотел сказать это доктору, но она ещё продолжала говорить:

– Как ты думаешь, это возможно? Может быть, ты разозлился из-за всемирного потепления? Есть тут какая-то

связь?

Связь, конечно, была. Ножницы есть во всем мире. Это казалось настолько очевидным, что Бенни начал было говорить об этом, но потом поднял глаза. Доктор Мелани слушала его, подавшись вперед, с ободряющим и заинтересованным видом. Слишком заинтересованным.

Даже каким-то жадным. И Бенни передумал.

– Это ваша работа, – сказал он, посмотрев на нее искоса. – Вроде считается, что это вы должны находить связи.

– Я надеялась, что мы вместе разберемся.

– А, ладно, – вздохнул Бенни. Какая разница? Ему надое-
ло врать, он устал скрывать правду о голосах. – Мне ножни-
цы велели это сделать.

– Ты услышал приказ говорящих ножниц? – произнесла доктор Мелани, немного помолчав.

В ее устах эти слова прозвучали совершенно безумно. Бенни хотелось забрать их обратно, но было уже поздно.

– И что они приказали?

При воспоминании о ножницах пальцы его сжались в кулак.

– Они приказали тебе заколоть себя?

Бенни отрицательно покачал головой.

– Нет, – ответил он шепотом. – Мисс Поли.

– Ножницы приказали тебе заколоть свою учительницу?

Его кулак начал опускаться, но Бенни остановил его.

– Я не хотел этого делать, поэтому я перенаправил их. –

Он ударил себя кулаком по ноге, чтобы показать, как это было. От боли у него перехватило дыхание, глаза наполнились слезами. Боль продолжала пульсировать в перевязанной ране на бедре. Бенни начал раскачиваться, обхватив себя за локти.

– Что тебе сказали ножницы, Бенни?

Покачивание помогло.

– Ничего. Я не знаю.

Она нахмурилась, пытаясь понять.

– Но ты только что сказал...

– Я знаю, что я сказал. Они просто несли какую-то свою хрень, я не знаю, как будто на иностранном языке или что-то типа того.

– На иностранном языке?

Он горестно кивнул. Как же трудно это объяснить.

– Может быть, на китайском или что-нибудь в этом роде...

Я не мог разобрать слов, но я понимал, чего они хотят.

Боль в ноге утихла.

– Ты знаешь китайский язык?

– Нет. – Он вспомнил, что слышал, как миссис Вонг ругается с Негодным. – Но я знаю, как звучит китайский.

– А твоя фамилия, Оу, разве она не китайская?

– Она корейская. Мой отец наполовину кореец. И наполовину японец.

Чувствуя на себе пристальный взгляд доктора Мелани, он поправился:

– То есть был. Он умер.

Она встала, подошла к письменному столу в углу комнаты и достала что-то из ящика.

– Это те самые? – В руках у нее были ножницы.

Бенни быстро отвел взгляд... но недостаточно быстро. Он еще крепче обхватил себя руками и уставился на мерцающую красную поверхность стола. Он не хотел, чтобы они подходили ближе.

– Возможно.

– Их прислала мисс Поли. Ты случайно не видел вот это? – Доктор Мелани наклонилась вперед и развела лезвия ножниц. Он услышал яркий блеск металла и зажал руками уши, готовый услышать режущие слова, но вместо этого была тишина. Когда доктор заговорила, ее голос то появлялся, то исчезал, он звучал иногда совсем близко, а иногда очень далеко.

– Ты можешь прочитать, что тут написано? – Она протянула ему ножницы.

Бенни не поднимал глаз. Твердая красная поверхность стола позеленела и начала вибрировать.

– «Китай», – прочитала доктор таким тоном, словно это что-то доказывало, а затем снова щелкнула лезвиями, проделав в тишине небольшое отверстие, чтобы впустить больше звуков. – Неужели ты не понимаешь, Бенни? Ножницы сделаны в Китае. Ты, видимо, заметил это, и поэтому тебе показалось, что они говорят по-китайски.

Боль в ноге снова пульсировала. Как она не понимает? Стиснув зубы, он заговорил тихо, стараясь не усугублять положение:

– Нет...

– Нет?

– НЕТ! – Это слово с силой вырвалось из его горла, и все цвета в комнате начали кровоточить и мерцать. Бенни отчаянно надавил на столешницу, пытаясь удержать красное и зеленое, не дать им растечься. Почему она не понимает? Нужно было попытаться объяснить. – Ножницы говорят по-китайски, потому что они китайские. И они могут говорить только по-китайски!!

Сидя в приемной, Аннабель услышала крик боли своего сына, который звучал все громче. Она наклонилась и закрыла лицо руками.

Следующие несколько встреч, состоявшиеся в милом светлом кабинете, не прибавили им взаимопонимания.

– Ты утверждаешь, что часы сердятся, – говорила доктор Мелани. – Что ты при этом чувствуешь?

– Ничего. Это у меня не вызывает никаких чувств.

– Ничего? А мне кажется, ты тоже сердишься. Или расстроен?

– Конечно, я расстроен. Разговор с вами приводит меня в отчаяние.

– Хорошо, а не думаешь ли ты, что то, что ты ощущаешь

как гнев часов, на самом деле является твоим собственным отчаянием...

– Нет! Это часы расстроены. Их бесит, что вы никогда не слушаете. Они терпеть не могут, когда время тратится впустую!

Он говорил, что валяющиеся повсюду игрушки и куклы отвлекают его, и старался не обращать на них внимания. Когда Бенни попросил доктора убрать их, она поинтересовалась почему.

– Они слишком шумят.

Она сказала ему, что это невозможно, а затем долго и терпеливо объясняла физику звука:

– Звук вызывается движением объекта в пространстве. Игрушки просто лежат там, Бенни. Они не двигаются. Внутрь у них нет движущихся частей. Они не могут издавать звуки. Это физически невозможно.

Он потряс головой, как будто пытался вытряхнуть воду из ушей.

– Им больно.

– Игрушки больны?

– Нет, – сказал он. – Дети.

– Дети причиняют боль игрушкам?

– Нет! Почему вы такая глупая?

– Успокойся, Бенни. Сделай глубокий вдох. Давай попробуем еще раз. Причиняют ли игрушки боль детям?

– Нет, конечно нет. Игрушки не причиняют боль детям.

Это делают взрослые.

– А при чем тут игрушки?

– Они знают.

– Игрушки знают, что взрослые причиняют боль детям?

– Конечно. Они же у вас как раз для этого, правда? Теперь она у них внутри. Она входит внутрь и остается там.

Доктор Мелани оглядела свои яркие кубики, груды кукол и мягких игрушек.

– Не понимаю, – сказала она. – Что внутри? Что остается?

– Вы с ума сошли? Неужели вы не слышите её?

– Кого не слышу?

– Боль! Боль детей! – крикнул он, вцепившись в край стола.

Доктор вконец извела его своими глупыми предположениями. Она все выворачивала наизнанку.

– Может быть, ты чем-то напуган, Бенни? Тебе страшно, и поэтому ты слышишь голоса.

– Нет, – устало отвечал он. – Я слышу голоса, и поэтому мне страшно.

Все безрезультатно. После этого разговора Бенни прекратил попытки что-то объяснить.

Доктор Мелани встретила с Аннабель и объявила свой диагноз: у Бенни продромальная фаза шизоаффективного расстройства, и она рекомендует прекратить прием риталина и назначает ему антидепрессант от нервного расстройства

и нейролептик для лечения слуховых галлюцинаций.

Сидя в маленьком светлом кабинете и сжимая в руках сумочку, Аннабель слушала и энергично кивала, чтобы показать доктору, что она внимательно слушает, воспринимает слова доктора и понимает, о чем идет речь, что она согласна и контролирует ситуацию, и что она очень опытный специалист, компетентный родитель-одиночка.

– Я знаю, что вам сейчас трудно, – говорила доктор. – Но вы должны быть в курсе, что мы добились определенного успеха в лечении шизоаффективного расстройства у детей, причем симптомы проходят по мере того, как ребенок проходит подростковый возраст.

Аннабель продолжала кивать, но когда доктор закончила говорить, закрыла лицо руками и заплакала.

Доктор Мелани подвинула к ней через стол коробку с салфетками и помолчала, давая Аннабель время совладать с собой. Была вероятность, что слуховые галлюцинации – побочный эффект таблеток, и при смене лекарств они исчезнут, но доктор решила не упоминать об этом. Не хотела давать матери напрасных надежд. Женщина слишком расстроена, но в любом случае, в пользу нового плана лечения имеется достаточно показаний.

Наконец Мелани снова подалась вперед.

– Миссис Оу?

Аннабель подняла заплаканное лицо.

– Простите, – выдохнула она, – обычно я не...

Она сдержала слезы и достала из коробки салфетку.

– Я только что получила письмо по электронной почте от начальника на работе. В общем-то как – «на работе»? Они закрыли офис и перевели меня на неполный рабочий день, на полставки, и я работаю удаленно, но все же... – Она вытерла слезы и высморкалась. – Он сказал, что мою должность скоро совсем ликвидируют.

Доктор Мелани внимательно наблюдала за ней. Голова посетительницы поникла, а плечи ссутулились так, что толстовка на широкой спине натянулась. Доктор обратила внимание на светлые волосы: когда-то, наверное, они были красивыми, но теперь потускнели, поредели и стали похожими на солому. Она почти не слышала, что говорит эта женщина. Казалось, та разговаривает с полом.

– Они собираются совсем отказаться от обработки печатной продукции, потому что газеты и все остальное теперь онлайн...

Щитовидная железа? Диабет? Стресс? Доктор Мелани нахмурилась и переплела пальцы, подняв руки вверх, словно в молитве. Определенно депрессия. Она вспомнила, что в одной из последних научных публикаций писали, будто риталин может иметь побочные психотические эффекты у детей, если кто-то из их родителей страдает серьезными психическими заболеваниями. Возможно, имеет смысл навести справки на эту тему. Доктор положила подбородок на пальцы, дожидаясь, пока женщина возьмет себя в руки.

– Просто я не очень хорошо разбираюсь в компьютерах и всех технологиях...

Доктор Мелани опустила руки.

– Это, должно быть, очень трудно, – сказала она, наклоняясь вперед. – Миссис Оу, мне бы хотелось знать, были ли в вашей семье или...

– Я сама виновата, потому что он предупреждал меня несколько месяцев назад, что есть такие сигналы, а я по глупости думала, что все как-нибудь обойдется...

Доктор Мелани посмотрела на часы. Время приема истекло, и скоро должен был появиться следующий пациент.

– Итак, – сказала она. – Относительно Бенни. Я хотела бы поместить его в отделение детской психиатрии в Детской больнице, чтобы мы могли наблюдать его, когда начнем прием нового лекарства. Может быть, на неделю или около того. Как вы думаете? Тогда и у вас появилось бы время, чтобы решить какие-то проблемы...

Тогда Аннабель посмотрела на доктора.

– Я остаюсь без льгот, – прошептала она. – Наша медицинская страховка. Я не знаю, покроет ли она...

Аннабель поняла, что придется кланчить. Придя с Бенни домой, она отослала сына в его комнату, а сама села за рабочий стол и позвонила начальнику. Она рассказала о своей ситуации и умоляла хотя бы дать шанс повысить квалификацию, предоставить ей возможность работать с печатной про-

дукцией, пока она ещё есть, но потом дать ей радио и телевидение. Ведь аудио и видео сейчас уже не так сложно, когда на смену старому оборудованию: всем этим дубляжным колодам, мониторам и приемникам – пришли компьютеры и программное обеспечение. Фактически, это было бы просто расширением ее профессиональных возможностей; в конце концов, напомнила она начальнику, у нее есть основы библиотечного образования, которых не было ни у кого в офисе – когда у них ещё был офис. На самом деле, сказала она, во многих отношениях она гораздо более квалифицирована, чем многие ее коллеги-мужчины, и единственной причиной, по которой она застряла в отделе печати, было то, что она женщина. Это ведь явный случай гендерной дискриминации, дремучей сексистской политики, низводившей женщин до газетно-журнального бумажного гетто, в то время как мужчин нанимали в более «технологичные» отделы аудио- и видеотехники. Компьютеры уравнивали шансы, сказала она. Цифровые технологии сделали старые различия бессмысленными, и вообще нет никаких причин, по которым женщины не могли бы выполнять технологически сложную работу. Прозвище «леди-ножницы» само по себе сексистское и оскорбительное, сказала Аннабель, и хоть она далека от того, чтобы обвинять кого-то в дискриминации или домогательствах, но она и другие женщины, ее коллеги по отделу печати, всегда получали более низкую зарплату, чем парни, так называемые специалисты по поиску и всякие ин-

формационные аналитики, а женщинам в компании никогда не предоставляли равных возможностей продвинуться, и вообще, все эти годы коллеги-мужчины пялились на ее грудь.

Когда Аннабель кончила говорить, наступило долгое молчание, настолько долгое, что она подумала, не прервалось ли соединение, но потом услышала, что ее начальник прокашливается. Она сидела за своим рабочим столом, среди груды вырезок и папок, стопок газетной бумаги, грязных кофейных кружек и банок из-под содовой; картину довершали пустой пакет из-под чипсов и тарелка с недоеденным маринованным огурцом. Аннабель прикусила кончик большого пальца, потревожив заусенец. Гудел сканер. Мусор переполнял гостиную. Затаив дыхание, она безотрывно смотрела на кувшин с пластиковыми пуансеттиями, стоявший на куче старых журналов.

– Хорошо, – наконец, сказал начальник. – Мне надо подумать. Я попробую что-нибудь сделать.

– Хорошо, – выдохнула она, вынув палец изо рта. – И, Чарли, пожалуйста, не думай слишком долго. Я мать-одиночка с очень больным ребенком, который нуждается в немедленной госпитализации.

«Я очень болен?» – удивился Бенни. Он сидел на аккуратно застеленной кровати в своей опрятной спальне и все слышал. Так случилось, что радио в гостиной в этот момент было выключено. Бенни не чувствовал себя больным. Совсем

не похоже было, что у него грипп, или ветряная оспа, или рак, или что-нибудь в этом роде. Рана от ножниц на ноге еще болела, но в остальном он чувствовал себя хорошо. Проблема не в нем. Это все голоса. Здесь, в его спальне, они ведут себя тихо. Но если он рискнет выйти в коридор, они зазвучат снова. Нужно просто сидеть неподвижно, не выходя из спальни, аккуратно складывать носки, заправлять постель и убирать вещи – и все, они оставляют его в покое!

Бенни осмотрел свои полки. Все книги были аккуратно выстроены в ряд, по росту, и подперты лунным глобусом. Единственной игрушкой, лежавшей на виду, была резиновая уточка, которую мама нашла в мусорном контейнере, и это только потому, что она успокаивала Бенни. Но больше одной неприбранной игрушки – это уже беспорядок.

Беспорядок – это все равно что стресс, как говорила мисс Поли. Он посмотрел вниз и похлопал по одеялу, потом встал и разгладил складки на том месте, где сидел. Может, сходить за утюгом? Гладить вещи бывает очень важно. Смятые простыни похожи на беспорядочное сознание. Напрягают. Бенни сам гладил себе простыни, чтобы спокойней спать; кроме того, простыни любят, когда их гладят, и ему нравилось гладить простыни. Он никогда не гладил вещи, которые не хотят, чтобы их гладили, а только те, которые любят быть ровными, но дело было не только в этом. Была и другая причина. Бенни любил гладить, потому что утюг любил гладильную доску, а гладильная доска любила утюг, и врозь им было

одинок. Они были созданы друг для друга, и ему было приятно дать им шанс побыть вместе, но в тот самый момент, когда он собрался сходить за ними вниз, он услышал из-под кровати чей-то тихий голос.

«Уи-и-и!» – сказал голос.

Это был прелестный голосок, круглый и ровный. Опустившись на колени, Бенни заглянул под кровать, но там, конечно, ничего не было. Он знал, что там ничего не будет, потому что утром полазил под кроватью и убедился, что прибрано все до последней пылинки. Бенни лег на живот и пополз вперед, в темноту. Ему нравилось лежать под кроватью. После смерти отца он частенько заползал под кровать, когда ему случалась обмочиться ночью. Под кроватью было тепло, темно и сухо. Почти как в коробке или в ящике.

Он медленно пополз вдоль стены, запуская пальцы под плинтусный обогреватель, и наконец, нащупал его – маленький, гладкий, прохладный и круглый, именно такой, как он и думал. Бенни подцепил его кончиками пальцев, а затем вылез из-под кровати и сел. На ладони у него лежал блестящий шарик из кошачьего глаза. Он не помнил такого шарика, но, видимо, шарик был из того пакета, который Аннабель купила в Благотворительном магазине. Она все время приносила домой старые игрушки из благотворительных магазинов и с распродаж, называла их «винтажными» и надеялась перепродать через eBay. Поднеся шарик к свету, Бенни внимательно осмотрел его. Он выглядел вполне винтажным. Стек-

лянный, бледно-зеленый, с крошечными пузырьками внутри, а в самой середине две тонкие спиралевидные нити, желтая и зеленая. Поднеся шарик ближе к глазу, Бенни вгляделся в кружащийся внутри облачный мир. Красиво, подумал он. Потом он повертел шарик в ладони. Хорошенький. М-м-м, сказал шарик, подмигивая ему, и как раз в этот момент он услышал, что из гостиной его зовет мать.

«Ш-ш-ш», – прошептал он шарiku, пряча его в карман.
– Иду! – крикнул он матери.

Перед выходом из спальни он задержался ненадолго, собираясь с духом, затем открыл дверь. На пороге он снова остановился и на миг прислушался, оценивая уровень шума, а затем, оценив его как низкий, вышел в захламленный коридор, быстро продрался сквозь хаос голосов и спустился в гостиную. Аннабель сидела среди кип новостей, с сотовым телефоном в руке, свисающим с уха наушником и изумленным выражением на лице.

– Я сделала это, – сказала она. – Меня оставят на работе. Будут переучивать.

Она протянула руки, и Бенни подошел к ней, позволил притянуть себя ближе, чувствуя, как ее руки прижимаются к его ушам, словно теплые подушки, и заглушают хаос мира. На миг все вокруг почти успокоилось. Бенни чувствовал исходящий от ее кожи сладкий и чуть кисловатый запах пота, который он считал запахом своей собственной печали, и оставался в этом положении столько, сколько смог

выдержать, пока ощущение растворения в матери не стало невыносимым, и тогда он оттолкнул ее. Из-за этого ему стало неловко. Он сунул руки в карманы, пальцы коснулись шарика. Бенни успел забыть о нем, и это прикосновение его успокоило.

– Это здорово, мам, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ободряюще. – Значит, я смогу лечь в больницу?

13

Он казался таким маленьким, когда стоял в дверях своей палаты, последней в ряду одинаковых открытых дверей в длинном белом коридоре. Ей захотелось броситься назад, схватить его, бросить его вещи обратно в сумку и побежать с ним мимо поста медсестер и сказать той ужасной старшей медсестре, которая обыскала ее сумочку и конфисковала нож X-Acto²⁶ (Аннабель всегда носила его с собой, профессиональный инструмент, ведь никогда не знаешь, где наткнешься на статью, которую стоит вырезать), что произошла ужасная ошибка, что ее сыну здесь не место и она забирает его домой. Но она ничего этого не сделала. Вместо этого она стояла на посту медсестер, терпеливо ожидая, пока другая медсестра, точнее, медбрат, вернёт ее вещи и проводит ее к выходу, а Бенни наблюдал за ней из своего дверного проема.

²⁶ Нож с небольшим острым лезвием на длинной тонкой ручке.

Дойдя до запертых двойных дверей, Аннабель обернулась, увидела Бенни и помахала ему рукой. Он не сразу помахал в ответ. Просто стоял там как вкопанный, потерявшись в этом чуждом окружении, как будто его тело больше не знало, что делать, можно ли двигаться, помахать ли рукой, или бежать, бежать к своей матери. Она услышала, как медбрат набирает цифровой код, затем двери, щелкнув, открылись. Пальцы медбрата коснулись ее руки. «Няня Эндрю» – было написано на его бейджике.

– С ним все будет хорошо, – сказал няня Эндрю. – Мы о нем позаботимся.

Аннабель кивнула, почти не услышав и не поверив ему, но подчиняясь его власти. На его мускулистых предплечьях виднелись татуировки. От него веяло силой. Аннабель вдруг подумала, что у кого-нибудь из пациентов этого отделения, наверное, бывают приступы буйства и няне Эндрю придется их утихомиривать. Она повернулась к выходу, и как раз в этот момент Бенни поднял руку, чтобы помахать, но она уже поворачивалась, и тяжелые металлические двери закрывались за ней, а к тому времени, когда она еще раз оглянулась назад через окно из армированного стекла, сына уже не было видно.

Этот лязг разделивших их дверей, оставивших его внутри, а ее снаружи, был сигналом ее неудачи и поражения. Аннабель долго бродила по коридорам в поисках выхода. В больнице везде были знаки, указующие стрелки, ярко рас-

крашенные линии на полу, которые вроде бы задавали направление, но в итоге приводили обратно или указывали в никуда. Наконец она выбралась на первый этаж и вышла на тротуар. Шум и суматоха внешнего мира обрушились на нее, как ударная волна, и ей даже пришлось на секунду остановиться, чтобы удержать равновесие. Она перешла улицу к автобусной остановке и, когда подошел автобус, забралась в него и села в конце. На этом же автобусе они утром ехали в больницу, сидя бок о бок. Бенни держал на коленях свою сумку с аккуратно уложенной одеждой. Он настоял на том, что сам соберет себе вещи. Когда Аннабель предложила ему взять с собой какие-нибудь предметы, чтобы чувствовать себя как дома, – фотографию, где они втроем в Диснейленде, или чучело черепахи, которое отец купил ему тогда же во Флориде, Бенни отказался. Он сказал, что это больница – и он не хочет там чувствовать себя как дома. Но потом она заметила, что он положил на стол тетрадку, свою личную ложку и шарик, а позже их там не оказалось – значит, он их все-таки взял. Однако принимавшая их ужасная старшая медсестра забрала ложку и шарик и положила их в пластиковый пакет вместе с ножом. Что она вообразила? Какую опасность представляет ложка? Шарик – ладно, допустим, ребенок может проглотить его и подавиться, но ложка? Неужели она думает, что Бенни может ею выколоть кому-нибудь глаз? Тебе это не понадобится, сообщила ему медсестра, столовые приборы у нас есть. Бенни не протестовал, хотя дома он ел

исключительно этой ложкой и даже в школу ее носил. Аннабель подумала, не возразить ли что-нибудь, но они с Бенни о ложке никогда не говорили. Просто она заметила эту его привычку и побоялась поставить сына в неловкое положение. Он, ссутулившись, сидел на больничном стуле, уставившись на свои кроссовки без шнурков, с неудобными ремешками на липучках. Когда медсестра забрала ингалятор от астмы, Аннабель запротестовала:

– Но ему это нужно!

– Мы будем держать это в столе у медсестры. Ему нужно будет только попросить.

Автобус затормозил и принялся, сопя и отдуваясь, совершать свое громоздкое пневматическое коленопреклонение, чтобы принять пассажира-инвалида. Аннабель выглянула в окно и увидела на тротуаре пожилую женщину с коляской, доверху заполненной пластиковыми пакетами для покупок. А утром они с Бенни сидели напротив старика в инвалидной коляске, к ручкам которой были привязаны мусорные мешки, набитые пустыми банками и бутылками. У него была длинная борода с проседью, одного зуба спереди не хватало, а на коленях он держал старый и потрепанный черный кожаный кейс. На шее у старика висела картонная табличка с надписью от руки:

Случайные
Проявления

Доброты

Инвалид устроился напротив них, бормоча что-то себе под нос. Время от времени он поднимал с колен большие грубые руки, махал ими, как крыльями, как будто приветствовал невидимую публику, или оборачивался назад и надолго оставался в таком положении, прислушиваясь к чему-то, потом отвлекался и снова начинал бормотать. Аннабель старалась не встречаться с ним взглядом и заметила, что Бенни тоже смотрит в другую сторону, но через пару остановок внимание старика обратилось на них.

– Эй, юный школьник! – гаркнул он через проход. У него был гортанный восточноевропейский акцент, слова застревали у него в горле, так что когда он говорил, казалось, что он прокашливается. Бенни проигнорировал это обращение, но когда они выходили из автобуса у больницы, старик снова крикнул ему: – Держись, юнец. Вив ля резистанс!²⁷

– Ты знаешь этого старика? – спросила Аннабель на ходу.

– Да так, какой-то бомжара, – пожал плечами Бенни. – Он все время ездит в этом автобусе.

В палате Аннабель помогла сыну распаковать вещи и уложить их в тумбочку рядом с кроватью. Она познакомилась с его соседом по комнате, редковолосым прыщавым китайским юношей, имя которого она сразу же забыла. Он носил рваные черные джинсы и зловещего вида черную футболку.

²⁷ «Да здравствует сопротивление!» (*фр.*)

Когда сосед вышел из палаты, она какое-то время сидела на кровати, держа сына за руку, потом он отстранился.

– Сосед у тебя вроде бы неплохой, – сказала она. – Одет вполне по моде.

Бенни не ответил, и она заговорила снова:

– Кровать, кажется, удобная.

Она несколько раз подпрыгнула на матрасе, пытаясь придумать, что бы еще сказать, но тут Бенни заговорил сам:

– Помнишь того типа в автобусе? Бродягу в инвалидном кресле?

– Того, с пакетами? Как такого забудешь! Почему таким разрешают...

Бенни нетерпеливо помотал головой.

– Ты видела, как он все время оглядывается по сторонам? По-моему, он тоже что-то слышит. Голоса или что-нибудь такое. Думаю, он слышит их.

– Ну, возможно, но... – начала Аннабель. – Мне трудно сказать...

– А мне не трудно. Он слышит вещи, как и я, и он знает, что я тоже что-то слышу. Ему это кажется забавным. Он посмеивается надо мной и иногда говорит какую-нибудь ерунду. Сегодня не говорил, потому что ты была рядом, а обычно говорит.

Вот что творилось, а она и знать не знала.

– Почему ты мне не сказал? – встревоженно спросила Аннабель, взяв сына за руку. – Бенни, что он говорил? Не на-

до было отпускать тебя на автобус одного, мы должны сообщить...

– Он не хочет меня обидеть, – снова перебил ее Бенни. – Просто он вроде как знает, о чем я думаю, и когда он заговаривает со мной, он пытается помочь. И, по-моему, я тоже знаю, о чем он думает. Я не могу это пересказать. Иногда мне кажется, что мы слышим одни и те же голоса. Странно, правда?

«Да! – хотелось крикнуть Аннабель. – Да, это странно. Это жуть как странно!»

Но отвечать так, наверное, было бы неправильно. Поэтому она сидела и молча слушала, вцепившись в руку своего сына.

– Он вроде добрый, неплохой человек, – сказал Бенни. – Но я не хочу стать таким, как он.

Тут он посмотрел на мать, и она увидела страх в его глазах.

– Не говори глупостей, – ответила она, крепко прижимая его к себе. – Ты совсем не похож на него. Для этого ты и здесь. Тебе помогут. Мы разберемся с этим, дорогой, я обещаю. С тобой все будет в порядке.

Она изо всех сил старалась поддерживать в себе позитивный настрой и сохранять видимость жизнерадостной уверенности, не потерять работу и льготы самой и не давать унывать сыну, но силы истощались, и теперь, сидя в автобусе возле старушки с полной коляской сумок, она чувствовала приступ просочившегося через ее оборону отчаяния.

Аннабель посмотрела в окно. Автобус подъезжал к торговому центру, и при мысли зайти еще разок в «Майклс» она на миг оживилась, но тут же вспомнила о делах. Через несколько часов должны приехать техники, они привезут новые компьютеры, и ей нужно быстрее вернуться домой и навести порядок. К тому же, напонила она себе, ее оставляют в фирме с испытательным сроком, и все зависит от того, как она будет справляться с новой работой в течение ближайших двух недель. Если она не справится с контрактами на телевидение и радио, то останется без работы. Поэтому ей нужно не тратить деньги на товары для рукоделия, на которое у нее все равно не будет времени, а сосредоточиться на работе. Автобус отъехал от торгового центра, и Аннабель похвалила себя за проявленную силу воли, но гордость длилась недолго, и к тому моменту, когда она вышла на своей остановке и оказалась перед Благотворительным магазином Евангельской миссии, сила воли ее иссякла практически полностью.

Что заставляет человека приобретать? Что придает вещам такую колдовскую силу и есть ли предел жажде приобретения? У Аннабель не было времени обдумывать подобные вопросы, потому что, как только она увидела на пыльной полке среди груды оббитых тарелок и посуды из пирекса²⁸ этот маленький снежный шар, у нее не осталось сил сопротивляться. Маленькая пластмассовая черепашка, пла-

²⁸ Боросиликатное стекло.

вавшая в стеклянном шаре перед куском выцветшего коралла, прямо светилась жизнью, она взывала к Аннабель, чтобы та спасла ее от всего этого хлама благотворительного магазина. Морские черепахи всегда были ее слабостью. Они такие медленные и грациозные, и у них такие большие грустные глаза, не говоря уже о том, что им угрожает вымирание. Подставка шара была выполнена в виде покрытого водорослями камня, к которому крепились раковины, пластмассовая морская звезда, а также еще одна черепаха побольше, которая, видимо, была матерью малыша. Мать плыла к своему ребенку, который был пойман в ловушку внутри шара, и их носы почти соприкасались по разные стороны стекла. Аннабель качнула шар, и вокруг детеныша черепахи закружились сотни крошечных зеленых и розовых искр. Мерцающая и постепенно оседая в густой жидкости, искорки излучали надежду.

Дома громко тикали кухонные часы. Без Бенни дом казался тихим и пустым. Две недели, сказала врач. Распаковав шар, Аннабель еще раз посмотрела на часы. Без пяти минут час. До прибытия техников оставался еще час. Она отнесла снежный шар в гостиную, решив поставить его возле нового компьютера в качестве талисмана, чтобы сохранять спокойствие и сосредоточенность.

Посмотрев на свое рабочее место, Аннабель призадумалась. Чарли сказал, что она получит новую «рабочую станцию», но она понятия не имела, сколько места для этого по-

требуется. Что ж, она ведь давно собиралась вынести хлам, видимо, пора; откладывать дальше некуда. Она поставила снежный шарик на стол рядом с большой бутылкой борной кислоты, которую когда-то оставила здесь, чтобы не забыть поморить тараканов на кухне. На бутылке был изображен лежащий на спине мертвый таракан. Аннабель отодвинула бутылку в сторону, и черепашки повеселели. Она встряхнула шар и поднесла его к свету. Искорки оседали, медленно кружась, и она улыбнулась. Может быть, в этом и есть мой талант, подумала она, видеть красоту в мелочах, и если так, то и хорошо. Собрав охапку газет, она сунула их в мешок для мусора, наклеила на него ярлык и потащила вверх по лестнице в комнату Бенни.

14

Последние две недели средней школы он провел в Детской больнице, в отделении детской психиатрии. Если не считать того момента во время поступления, когда у него забрали шарик, шнурки и личную ложку, и потом еще, когда мать крепко обняла его и пошла к выходу, и он смотрел, как она идет по коридору, проходит через тяжелые металлические двери, и те захлопываются за ней со щелчком – вот за исключением нескольких таких моментов, в целом, учитывая все обстоятельства, Бенни чувствовал себя нормально. Вроде как отстраненно. То есть ничего не чувствовал. Может

быть, немножко боялся, но в целом он решил, что в принципе не против немного побыть в больнице. Он вернулся в свою палату, сел на край кровати и стал слушать незнакомые звуки: шаги мягкой обуви по линолеуму, сигналы телефонов и внутренних переговорных устройств, голоса людей, окликающих друг друга. Ребята в школе всегда говорили, что рано или поздно он здесь окажется. В сумасшедшем доме, в психушке, в спецлечебнице, в психдиспансере, в дурдоме. Они говорили, что он чокнутый, но здесь, во всяком случае, все чокнутые, так что это даже своего рода облегчение. Может быть, хотя бы здесь получится немного расслабиться.

Первые несколько дней он осваивался, принаравливался к ритму жизни отделения Детской психиатрии. Оно предназначалось для пациентов младше восемнадцати лет. Врачи, медсестры и обслуживающий персонал называли это отделение Педи-пси, с ударением на первый слог, а дети называли его Педипси, или просто Дипси, для краткости. Сосед Бенни по комнате, Максон, чокнутый китаец, был старше и страдал кататоническим синдромом, но палата у них была чистой и просторной, и все лампочки горели. Плечики в шкафу не снимались с перекладины, и развешивать одежду было трудно, но все они были одинаковые и не перепутывались, и это было приятно. Здесь был туалет, в который можно было сходиться, не разгребая вещи по дороге. Кормили отвратительно, но зато три раза в день, не считая перекусов, и каждый день в одно и то же время, а еще в больнице не было перебоев с

молоком. В отделении стоял постоянный негромкий ровный шум: тихие разговоры на посту медсестер, звук катящихся по коридорам тележек с едой – и действовало это успокаивающе. Многие считают, что психушка – это безумное, шумное место, но Бенни с удивлением обнаружил, что голосов в отделении меньше: стены, потолки и полы словно очищены от остатков страданий, которые в обычных домах копятся по углам как пыль. И – за исключением одного раза в самом начале, когда одна из душевых головок вдруг заплакала, – оказалось, что и бытовые приборы здесь ведут себя спокойно и тихо, как будто их тоже пролечили медикаментами.

Если он и слышал какие-то голоса, то они были явно человеческими. Дикие взрывы смеха, эхом отдававшиеся в коридорах, означали, что Бриттани и Лулу опять стоят на ушах и придиуриваются, пытаясь привлечь внимание няни Эндрю. Стоны и крики по ночам означали, что Тревору приснился очередной кошмар или Кай сходит с ума из-за своих лекарств. Сознание того, что голоса исходят от людей, успокаивало Бенни, потому что это означало, что их слышат все, а не только он один.

Ребята в больнице были, в общем, нормальные. Бенни был в Желтой команде детей от двенадцати до пятнадцати. В Зеленой команде были совсем маленькие, некоторым всего семь или восемь лет, поэтому Бенни не обращал на них особого внимания, а старшие подростки из Синей команды не обращали внимания на всех остальных. Дети из его ко-

манды вроде бы не сильно отличались от одноклассников в школе. Кто поумнее, кто поглупее. Было несколько задир, остальные держались от них подальше. Некоторые выпендривались, подлизывались к медсестрам и все время болтали, другие были скрытными и молчаливыми. Пока случайно не наткнешься на какого-нибудь мальчика, который стоит в углу, раскачиваясь и беседуя со стеной, или не заметишь худенькую девочку, которая облизывает длинный ряд бледных шрамов у себя на предплечье, все вроде вообще нормальные – по крайней мере, пока не начинается групповая терапия. На групповых занятиях дети должны были делиться своими переживаниями, и вот тогда-то трещины безумия раскрывались, и сумасшедшее дерьмо изливалось наружу, и какой-нибудь ребенок, казавшийся совершенно нормальным, мог вдруг рассказать, как его застукали на краже бензина, которым он собирался поджечь кровать своей матери. Ни разу в жизнь Бенни не приходила в голову идея сжечь собственную мать, но, конечно, как только он услышал это, он не мог не представить себя у кровати Аннабель с канистрой бензина и зажигалкой, что совершенно выбило его из колеи. Та же проблема, что и с голосами. Они проникали в голову и не хотели уходить. А в том-то и задача, сказал ему тренер, надо научиться выключать это дерьмо.

Если не считать групповых занятий, которые он ненавидел, или индивидуальных занятий с доктором Мелани, которые его расстраивали, остальное было не так уж плохо. От-

деление жило по строгому графику, и как только Бенни привык к нему, он уже знал, чего ждать, и занятия были составлены так, что практически весь день был загружен. Утром после завтрака в большом зале проходило общее собрание детей и персонала, а затем все расходилось на индивидуальные и групповые занятия. После обеда был коучинг и миле-терапия²⁹, в том числе, музыка и изобразительное искусство, против чего Бенни не возражал. У арт-терапевта были ящики с бумагой и красками, глиной и бисером, кистями, были даже ножницы, которые она держала взаперти, но выдавала некоторым детям по их просьбе. Бенни в их число не входил. Это была невысокая жизнерадостная женщина с большим пухлым лицом и вкрадчивым голосом, и у нее имелась целая программа заданий, которые она пыталась заставить их выполнить. Большинство ее заданий были довольно глупыми, но их можно было не выполнять, и старшие дети обычно занимались чем хотели. Например, когда им предложили нарисовать свои чувства, одна девушка, сидевшая в углу, просто резала листы белой бумаги на полосы. Терапевт раздала пальчиковые краски, и младшие дети азартно и шумно бросились рисовать свои любовь, гнев и печаль, а эта девушка сидела себе в сторонке с бумагой и ножницами и тихонько резала. Из-за ножниц Бенни старался держаться от нее подальше, но когда арт-терапевт подошла к ней и заговорила, он кое-что расслышал. Он в это время рисовал

²⁹ Один из методов психотерапии, «воздействие средой».

контейнеровоз, который видел когда-то в порту. Раскрашивая детали крепежного механизма на массивном кране, поднимавшем контейнер с внедорожниками «Хендай», он услышал, как девушка сказала: «А это мои чувства».

Он поднял глаза. На столе перед девушкой лежали бумажки, похожие на китайские предсказания судьбы, которые так любила собирать Аннабель. Что сказала ей в ответ терапевт, Бенни не разобрал, а девушка подняла голову и отбросила волосы с лица. Она была из Синей команды, старше него, с бледным худым лицом и безумной копной длинных обесцвеченных серебристых волос на одной стороне головы; вторая половина была выбрита, как будто волосы там еще не отросли после операции на головном мозге. Она была симпатичной, даже красивой – и у Бенни возникло странное ощущение, что он где-то ее уже видел. Где-то в другом месте. На лице у нее были маленькие отверстия для пирсинга; Бенни знал, что украшения ее заставили снять, потому что при поступлении медсестра спрашивала у него про пирсинг, но у Бенни его не было. На девушке была майка, а на внутренней стороне руки – татуировка: скопления маленьких точек, похожие на россыпь звезд, соединенные тонкими пунктирными линиями, словно для вырезания.

– По-моему, их уже достаточно, как ты думаешь? – спросила арт-терапевт.

Глаза девушки сузились, и взгляд ее, превратившись в горячий белый луч, тонкий, как у лазера, обратился на тера-

певта. Бенни чувствовал исходящий от нее жар и был готов услышать какую-нибудь дерзость, но когда девушка заговорила, ее голос был ясным и чистым, как вода.

– Достаточно? – любезно сказала она. – Вы хотите сказать, что количеству чувств, которые мне позволено испытать, есть предел?

Не сводя глаз с лица арт-терапевта, она взяла несколько бумажных листков в обе руки и протянула их, как подношение. Несколько бумажек упало на пол.

– Многовато, да? – Она чуть растопырила пальцы, и листики посыпались вниз.

– Все еще слишком много? – девушка подняла руки над головой и полностью раскрыла ладони. Листки посыпались вокруг нее, как конфетти.

– Все, – печально сказала она, глядя на свои пустые ладони. – Никаких чувств не осталось.

– Я принесу метлу, – сказала терапевт. – А ты, пожалуйста, подмети здесь, Алиса.

– Подмети, пожалуйста, Алиса, – повторила девушка, кивая. – Подмети здесь. Подмети здесь, пожалуйста, Алиса. Подмети здесь.

Тут она посмотрела в сторону Бенни и встретила с ним глазами. Почесывая руку, она смотрела на него до тех пор, пока он не покраснел и не отвел взгляд.

Позже тем же вечером он видел ее в общей комнате. Тайком от персонала она раздавала из тайника в своем худи эти

листки бумаги некоторым детям постарше, а утром, надевая джинсы, Бенни обнаружил в кармане такой же аккуратно сложенный листок. Как он туда попал? На бумажке было что-то написано, от руки, но четким печатным почерком, так что буквы напоминали шрифт старой пишущей машинки. Слова складывались в четкую инструкцию:

Поставь свою туфлю на стол.

Спроси ее, чего она от тебя хочет.

Бенни оглянулся. Максон уже ушел на завтрак. Он снял кроссовку и поставил ее на прикроватный столик.

– Окей, кроссовка, – сказал он. – В общем, чего ты от меня хочешь?

Кроссовка ничего не ответила, тогда он сел на койку и подождал немного. Это была старая черно-красная кроссовка «Nike Air Max», мама купила эту пару два года назад в Благотворительном магазине. Бенни нормально относился к этим кроссовкам. Они просто старые, и в этом нет их вины. Может быть, с ними нужно быть повежливее. Он попробовал еще раз, на этот раз более обходительно.

– Привет, мистер Найк. Мне пора на завтрак, так что дай мне знать, если тебе что-нибудь нужно, ладно?

Но кроссовка по-прежнему не отвечала. Просто стояла, и вид у нее был усталый, потрепанный и неловкий из-за отсутствия шнурков, которые куда-то унесли в пластиковом паке-

те. Медсестра сказала, что Бенни получит их обратно, когда его выпишут, а пока ему приходилось пользоваться этими странными коричневыми липучками, которые не нравились ботинкам, и ему тоже. Максон говорил, что новичков легко определить, потому что они поступают в ботинках со шнуровкой. У всех детей, которые раньше лежали в Педипси, – кроссовки на липучках.

– Ладно, ладно, – сказал Бенни. – Как хочешь.

Тут от двери раздался голос. Это был няня Эндрю, он дежурил с утра и обходил палаты с проверкой.

– Эй, – сказал няня Эндрю. – Ты в порядке?

Бенни схватил туфлю со стола и, нагнувшись, быстро надел. Когда он распрямился, медбрат стоял, прислонившись к стене и засунув руки в карманы, и наблюдал за ним. Няня Эндрю был крут. Он был рок-музыкант из Англии, у него были татуировки и множество дырок в ушах. Все девочки в отделении были в него влюблены.

– Ты в порядке? – повторил няня Эндрю, провожая Бенни в коридор. – Ты опаздываешь на завтрак. Ты знаешь, за этим следят.

– Я знаю, – сказал Бенни.

– Не бойся, я никому не скажу. И как ты разговаривал с обувью, я тоже не видел.

В столовой девушка Алиса сидела в углу с Максоном и еще двумя ребятами из Синей команды. Бенни взял свою

порцию хлопьев и, поколебавшись, пошел в ту сторону. Остальные уже закончили есть и уходили, поэтому он сел прямо напротив нее. Она подняла глаза, кивнула ему и снова уставилась на свой поднос: там стояли тарелка с нетронутой овсянкой и полстакана апельсинового сока. Звезды у нее на руке прятались под рукавом толстовки, видно было только одну, на внутренней стороне запястья. Выждав момент, когда никто не смотрел в их сторону, Бенни достал из кармана бумажку и положил ее на ее поднос.

– Это твое?

Она посмотрела на него и покачала головой.

– Теперь твое. Хотя тебе, наверное, лучше это убрать.

Он снова взял в руки бумажку и прочел надпись.

– Что это?

– Это партитура события.

– Это типа предсказание?

– А, это интересно. Конечно, почему бы и нет?

Он все еще не понимал.

– Я на самом деле должен это сделать? – Бенни хотел сказать, что уже пытался, но постеснялся это говорить.

– Ты ничего не обязан делать, – ответила она. – Ты можешь попробовать, если захочешь. А можешь просто представить себе, что ты это делаешь. Это называется мысленный эксперимент. Иногда действует так же.

Бенни обдумал услышанное. Поначалу идея поговорить со своей обувью казалась ему глупой, но что-то интересное в

ней было. Обычно когда вещи начинали говорить, он просто затыкал уши и старался не слушать. Ему никогда не приходило в голову задавать вещам вопросы. Конечно, кроссовка не ответила ему. Может быть, она сочла его вопрос слишком глупым. Может быть, вещи перестают разговаривать, если задавать им слишком много глупых вопросов – точно так же, как он сам перестал разговаривать с доктором Мелани, или в группе, бывало, все надолго замолкали по той же причине. Может быть, если задавать вещам больше глупых вопросов, то они совсем перестанут разговаривать. Это было бы превосходно. Бенни свернул листок и положил его обратно в карман.

– У тебя есть еще? – спросил он у Алисы.

Та неопределенно пожала плечами, и он решил, что нет, но после завтрака, перед общим собранием, когда персонал еще не собрался, Бенни видел, как она и еще несколько ребят из Зеленой команды тайком раздавали новые листочки, появлявшиеся откуда-то из кармана ее худи. Но дети не умеют как следует хитрить. Они привлекли к себе внимание нянечек, и одна из них, отведя Алису в сторонку, заставила ее выбросить бумажки в мусорное ведро, а затем вывела из палаты. Алиса молча ушла, а Бенни проводил ее взглядом. Когда началось собрание, старшая медсестра подняла один из листиков и велела всем сдать все, что у них было. Большинство детей просто пожимали плечами и подчинялись. Бенни нащупал бумажку в кармане, но не поднял руку, когда про-

носили мусорную корзину. Потом в тот же день, в часы посещений, когда персонал был занят регистрацией посетителей, он вернулся в столовую и нашел эту мусорную корзину. Бумажки все еще лежали там под обертками от конфет и бумажными стаканчиками. Некоторые из них намокли от пролитого сока, но Бенни выбрал сухие и потом прочел их у себя в комнате.

- Встань лицом к пустой стене. Представь, что стена – это зеркало.
- Утром поздоровайся с унитазом. Скажи ему спасибо, что он забрал твоё дерьмо.
- Представь, что ты очень стар. Двигайся в два раза медленнее, чем обычно.
- Обними себя и скажи «я люблю тебя». Повторяй, пока это не станет правдой.
- Ходи так, словно ты очень счастлива. Меняй направление.
- Стань котенком. Помурлыкай. Оближи свою прекрасную шерстку.
- Смотри на мир вверх тормашками.
- Посмотри в глаза своим лекарствам, прежде чем проглотить их. Спроси у них: «Вы это серьезно?»
- Делай все задом наперед.
- Улыбнись тому, кто тебе не нравится. Если тебе улыбнутся в ответ, засчитай себе один балл.

- Ляг спиной на пол и прислушайся. Если захочется спеть, не стесняйся.

Вот такие указания были на бумажках. Прочитав их, Бенни понял, что некоторые безумные спонтанные выходки других детей, свидетелем которых он иногда становился в коридорах и в большом зале, на самом деле вовсе не были спонтанными. Получалось, что Алиса была дирижером, а они – музыкантами в ее оркестре. Бенни спрятал листочки в свою тетрадку для сочинений, а когда погасили свет, встал с кровати, лег в темноте на спину на пол и прислушался. Он слышал дыхание своего соседа по комнате и скрип перестраивающейся вокруг него вселенной. Он хотел подпеть этим звукам, но боялся разбудить Максона и только тихонько помычал. Чтение этих инструкций стало для Бенни откровением; он словно проснулся. Там, где ему когда-то виделся хаос, он теперь различал порядок, и то, что когда-то казалось порядком, теперь оказывалось хаосом, но по-своему странным и любопытным. Алиса была ключом к этой реальности и тайному своду законов, которые управляли ходом вещей в отделении. Бенни с нетерпением ждал встречи с ней на следующий день. Он надеялся, что найдет способ поговорить с ней, рассказать ей все и вернуть ей листочки с инструкциями. Но напрасно он искал ее в столовой за завтраком – ее там не было. Не появилась она ни на общем собрании, ни в обед. Потом, во время «тихого часа», он спросил Максона, не знает

ли он, где Алиса.

– Ты имеешь в виду Атэну?

– Наверное. Я думал, ее зовут Алиса.

– Без разницы. В общем, ее перевели.

– Выписали?

– Вряд ли. Просто она уже совершеннолетняя, и ее перевели в другую клинику. Ее временно держали в Педипси, а потом поймали на этой шалости и перевели к взрослым.

– Ты имеешь в виду те листочки?

– Да, – усмехнулся Максон. – Флюксус³⁰, чувак. Подрывное дерьмо. Они думают, что она оказывает плохое влияние, издевается над системой и не принимает всерьез свое собственное психическое заболевание.

Бенни не понял, что такое «Флюксус». Он никогда не слышал об этом радикальном политическом и художественном движении шестидесятых годов. Он подумал, что это такое крутое бранное словечко. Но он понял для себя кое-что важное, усвоил еще одно правило отделения детской психиатрии: наказание за подрывную деятельность заключается в том, что тебя делают взрослым. Флюксус, чувак.

После ухода Алисы отделение стало другим. Пустым. Тихим. Скучным. В тот же день, во время арт-терапии Бенни стащил клей-карандаш и, вернувшись в свою комнату, вклеил все бумажки в свою тетрадь для сочинений. Он не отно-

³⁰ Международное движение представителей разных видов искусств, зародившееся в 1960-х годах.

сился к этому как к творчеству. Ему просто нравилось, как они выглядят, когда все аккуратно выстроены в одну колонку.

15

Бенни выписали из детской психиатрии через несколько дней после окончания учебного года, поэтому он пропустил выпускной в школе. Его это не беспокоило. Школа казалась ему каким-то далеким полузабытым миром, поэтому, когда Аннабель привезла его домой из больницы, он не понимал, почему над входной дверью висит баннер «ТЫ СДЕЛАЛ ЭТО!».

Что он такого сделал? Бенни растерянно посмотрел на мать. Она вся сияла и так глядела на него, словно у него имелся какой-то серьёзный повод для счастья, но Бенни никак не мог взять в толк, чему он должен радоваться.

– Я что-нибудь натворил?

– Нет, глупышка! – Она попыталась торжественно распахнуть перед ним дверь, но ту заклинило подвернувшимся пакетом с макулатурой. Аннабель с силой толкнула ее, открыв настолько, чтобы Бенни мог пройти на кухню. Между шкафом и холодильником он увидел еще один баннер: «ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫПУСКНИКА!»

На спинках кухонных стульев висели гроздья разноцветных воздушных шариков, на некоторых были нарисованы

желтые смайлики в академических шапочках с кисточками, на других написано: «ВЫПУСКНИК № 1! ТАК ДЕРЖАТЬ! ПРИВЕТ И ПОЧЕТ НАШЕМУ ВЫПУСКНИКУ!»

– Поздравляю, Бенни! Я так горжусь тобой! – сказала Аннабель, и, видя, что он никак не реагирует, объяснила: – Это в честь твоего выпуска.

Бенни не знал, что сказать. В Педипси никто не говорил «выпуск». Это называлось по-другому. Там говорили «выпуска». Но, возможно, мама этого не знала, а он не хотел ее расстраивать.

– Как здорово, мам, – произнес он, хотя никакой радости не испытывал.

– Среднюю школу заканчивают раз в жизни, – сказала Аннабель. – Мне хотелось, чтобы и у тебя был праздник. Ну, что ты стоишь! Давай праздновать!

Она забрала у него из рук сумку и бросила ее на пол. На расчищенном уголке кухонного стола лежала куча подарков: глуповатая плюшевая гончая в академической шапочке, несколько комковатых свертков, завернутых в блестящую бумагу с большими бантами, огромная открытка, скрученный в трубочку и обвязанный лентой лист бумаги. Гончая считалась талисманом школы. Сняв с нее академическую шапочку, Аннабель водрузила ее на голову Бенни.

– Ой, по-моему, ты вырос! – сказала она и сдвинула свисавшую спереди кисточку на левую сторону, потом отступила назад, чтобы полюбоваться. – Нет, подожди! Не на ту сто-

рону!

Она повернула кисточку вправо, а затем взяла бумажную трубку и снова сделала несколько шагов назад.

– Бенджамин Оу! – объявила она, держа перед собой свиток двумя руками.

Бенни отвел взгляд. Ему не нравилось, когда вот так выкрикивали его полное имя. Оно звучало так, словно принадлежало кому-то другому, и этот кто-то другой должен был ответить.

Он постоял немного, уставившись матери под ноги. Кроссовки ее были истерты и разношены. За ними – из щели между мойкой и покоробленным линолеумом – высунул голову маленький таракан.

– Подойди ближе! – громким шепотом сказала Аннабель. – Когда называют твое имя, нужно шагнуть вперед.

Он сделал шаг, затем еще один и оказался перед ней, и тогда она протянула ему свернутую бумажку.

– Бенджамин Оу, настоящим я вручаю вам ваш диплом. Теперь вы официально закончили среднюю школу. Поздравляю, милый! – торжественно произнесла Аннабель, сунула диплом ему в руки и начала аплодировать, но потом вдруг перестала, протянула руку к его шапочке и снова повернула кисточку влево. – Вот. Так лучше. После окончания выпуска она должна быть слева. А теперь давай развернем подарки!

Больше года Аннабель готовилась, запасаясь выпускными атрибутами летом на распродажах, а когда наступил день

церемонии, Бенни все еще был в больнице, но она все же полезла в шкаф и вытащила несколько своих самых красивых нарядов. Красивую тунику можно было надеть поверх легинсов, которые она купила, когда была беременна. Подтянув резинку на талии, она вспомнила, каким упругим был ее живот, наполненный новой жизнью и обещанием будущего. Как она была счастлива тогда – и вот сын уже заканчивает среднюю школу! Выйдя из дома и направляясь к автобусной остановке, Аннабель, подумала, что мать на самом деле никогда не перестает носить своего ребенка, и прослезилась от этой мысли.

Она держалась в глубине зала. Дети выглядели очаровательно в своей официальной одежде: девочки были в красивых платьях, мальчики – в строгих рубашках и брюках. Когда объявляли имена выпускников, они поднимались на трибуну и получали свои дипломы. Аннабель сделала несколько снимков и записала вступительную речь на свой телефон, чтобы Бенни потом смог прослушать. Она хотела организовать для него выпускной, хотя бы донести настроение этого дня, но теперь, когда они сидели вместе за кухонным столом и сын открывал купленные ему подарки, он даже удивился, узнав, что мать туда ходила.

– Это вообще-то немного странно, мам, – проговорил Бенни, разворачивая первый подарок: пару коричневых брюк.

– Разве? – Аннабель вывела фотографии на экран своего телефона и протянула его сыну. – Я не до конца была. Про-

сто подумала, что тебе может быть интересно. Твои одноклассники выглядели так мило. Малышка Эмбер Робинсон так выросла! Прямо юная леди. На одном из мальчиков был белый костюм-тройка, и даже твой друг Кевин, или как его там, умудрился выглядеть вполне презентабельно.

– Он мне не друг. – Бенни развернул второй подарок: голубую рубашку.

– Я еле узнала его. Неужели ты не хочешь посмотреть?

– Нет.

Третьим подарком был синий галстук в горошек.

– Когда я должен это надевать?

– Тебе понравилось? Думаю, мы можем принарядиться и поужинать в хорошем ресторане. – Аннабель взяла гончую на руки и погладила ее длинные шелковистые уши. – Чтобы отпраздновать твое возвращение домой, выпускной и все такое.

– Сегодня?

– Конечно! Почему бы и нет?

– Давай. Если хочешь.

Сидя в обнимку с гончей, устроившейся у нее на коленях, она смотрела, как Бенни складывает одежду в свою спортивную сумку, чтобы отнести наверх. Сначала брюки, потом рубашку, а сверху галстук. Дешевая атласная академическая шапочка болталась у него на голове, то и дело сползая на глаза. Сын поднял взгляд на мать.

– Мне и дальше в этом ходить?

Кисточка свисала ему на лицо, и он сдвинул ее в сторону. Вид у него был очень утомленный.

– Ой, милый, нет, конечно. Прости... – Она бросила гончую на стол и сняла с Бенни шапочку, жалея, что затеяла все это. – Конечно, тебе не нужно носить эту дурацкую шапочку. Вообще ничего из этого можешь не надевать.

– Хорошо.

– Я просто хотела... – Аннабель остановилась и сделала глубокий вдох. Чего она хотела, уже не имело значения. Она потянулась, чтобы обнять его, но удержалась и только дотронулась до руки.

– Главное, что ты снова дома, – сказала она, нежно пожимая его предплечье. – Мы будем делать только то, что ты захочешь, хорошо?

– Я просто хочу пойти в свою комнату. – Бенни застегнул молнию на сумке и встал, а затем наклонил голову, прислушиваясь. Из гостиной доносился какой-то темный, настойчивый жужжащий звук.

– Что это?

– Ты о чем, милый?

– Этот шум. – Бенни сделал шаг в сторону гостиной, и звук стал громче, к нему добавился негромкий, но пронизывающий вой. – Что-то изменилось.

– А, ты, наверное, имеешь в виду мою новую рабочую станцию. Пойдем посмотрим... – Она пошла следом за ним в гостиную. – Впечатляет, правда?

Три модульных стола длиной восемь футов каждый стояли там буквой «П», занимая большую часть комнаты. По краям двумя рядами располагались пять больших плоских мониторов: три стояли внизу на столах, а еще два висели над ними на выдвижных кронштейнах, образуя второй ярус. Вводные устройства – клавиатуры, трекпады, сканеры и мыши – беспорядочно лежали на столах, а внизу виднелись клубки спутанных кабелей. За мониторами возвышалась стена стальных стеллажей, на которых мигала индикаторами армия модемов, маршрутизаторов, DVD-дисков, резервных накопителей и больших черных шумных коробок, называемых «регистраторами». Когда бригада техников устанавливала все это, Аннабель наблюдала за ними с ужасом. А когда они закончили, гостиная выглядела как телевизионный отдел новостей, диспетчерская аэропорта или какая-нибудь лаборатория в Кремниевой долине. Аннабель не ожидала, что ей понадобится все это оборудование. Разве она когда-нибудь научится со всем этим работать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.